

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
“ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ”

На правах рукописи

АЛИ НАДЖА ХАСАН АЛИ

**ОЦЕНОЧНЫЕ НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖА
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА**

Специальность 10. 02. 01 – Русский язык

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор

О. Н. Чарыкова

Воронеж - 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Теоретические основы исследования оценочной номинации	
1.1. Понятие оценки в современной лингвистике. Оценка и эмоция.....	10
1.2. Структурно-семантические особенности и разновидности эмоционально-оценочной лексики.....	26
1.3. Роль оценочной лексики в характеристике персонажа художественного текста.....	38
Выводы.....	46
Глава II. Оценочные номинации персонажа в художественной прозе А.П.Чехова	
2.1. Тематическая организация оценочных номинаций персонажа	50
2.1.1. Оценочные наименования человека по полу, возрасту, родственным и дружеским отношениям, социальному положению, профессии и роду занятий, этнической принадлежности	50
2.1.2. Оценочные номинации лица, указывающие на особенности внешнего вида.....	54
2.1.2.1. Оценочные номинации, содержащие указание на физические характеристики человека.....	54
2.1.2.2. Оценочные номинации, содержащие указание на особенности походки и телодвижений	56
2.1.2.3. Оценочные номинации, содержащие указание на особенности одежды и ухода за своей внешностью.....	56
2.1.3. Оценочные номинации, характеризующие внутренние качества и особенности характера человека.....	57
2.1.3.1. Оценочные номинации, содержащие указание на интеллектуальные свойства личности.....	57

2.1.3.2. Оценочные номинации, содержащие указание на соответствие/несоответствие морально-этическим нормам.....	59
2.1.3.3. Оценочные номинации, содержащие указание на особенности характера, поведения, темперамента.....	63
2.1.4. Тематическая организация и функции оценочных антропонимов в прозе А.П.Чехова.....	66
2.2. Особенности употребления оценочных номинаций персонажа в прозе А.П.Чехова.....	69
2.3. Особенности семантической структуры оценочной лексики, именующей персонажей в художественных произведениях А.П. Чехова	73
2.4. Способы создания оценочных наименований лица в художественных произведениях А.П. Чехова.....	87
2.4.1. Лексико-семантический способ создания оценочных наименований лица в художественных произведениях А.П. Чехова.....	87
2.4.2. Словообразовательный способ выражения оценки в наименованиях лица в художественных произведениях А.П. Чехова.....	104
2.4.3. Синтаксический способ выражения оценки в наименованиях лица в художественных произведениях А.П. Чехова.....	115
2.5. Парадигматические и синтагматические отношения и их роль в процессе создания и функционирования оценочных номинаций персонажа в художественных произведениях А.П. Чехова	119
Выводы	129
Заключение	139
Список литературы	144

Введение

Как известно, основной чертой художественной литературы является антропоцентризм, а одним из главных выражаемых в ней универсальных смыслов – ‘человек’. Изображая человека в его социальной и исторической обусловленности, писатель раскрывает своё отношение к миру, свои эстетические и ценностные установки. Поэтому категория «персонажа» («героя»), репрезентирующая антропоцентрическую «координату» художественного мира произведения, безусловно, относится к числу важнейших текстовых категорий.

Одним из средств речевого воплощения смысловой категории «персонаж» являются его номинации, которые играют большую роль в формировании субъектной перспективы художественного текста и системы точек зрения в повествовательной структуре. Наименование персонажа в художественном произведении может осуществляться несколькими способами, однако чаще всего автор использует для этой цели имена существительные. Подчеркивая значимость наименований лица, Ю.Д. Апресян отметил, что «лексика, описывающая человека, является наиболее важным участком словаря русского языка» (Апресян, 1995, с. 87).

Поскольку объектом изображения любого произведения писателя является человеческая личность во всем многообразии ее проявлений, важную роль в выражении авторской модальности играет оценочная лексика, поэтому изучение оценочных наименований персонажа способствует более глубокому и целостному восприятию художественного текста.

Важно отметить, что оценочную функцию в художественном произведении могут выполнять не только нарицательные существительные, но и имена собственные. Имя в структуре текста, с одной стороны, устойчиво, с другой, – повторяясь, семантически преобразуется, обогащаясь на всем пространстве текста «приращениями смысла». Семантически осложненное имя собственное участвует в создании не только связности, но

и смысловой многомерности художественного текста. Оно служит одним из важнейших средств воплощения авторского замысла и концентрирует в себе значительный объем информации. «Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно» (Тынянов, 1977, с.321). Имя персонажа выступает как одна из ключевых единиц художественного текста, как важнейший знак, который, наряду с заглавием, актуализируется по мере прочтения произведения.

А.П. Чехов принадлежит к тем авторам, для которых принципиально важен выбор имени, служащего одним из ключевых слов текста и выражающего обычно символические смыслы. В прозе писателя имена выступают как важное средство характеристики, включаются в систему сопоставлений и противопоставлений, организующих художественный текст на разных его уровнях, служат ключом к подтексту произведения.

Одной из ярких черт идиостиля А.П. Чехова является широкое использование оценочных номинаций. Произведения этого автора отражают все стороны жизни современной ему России и все аспекты её социального устройства. Поэтому количество действующих лиц в рассказах писателя очень велико.

Языковые средства номинации персонажа в прозе А.П. Чехова неоднократно служили предметом научного интереса. В качестве примера можно привести следующие диссертационные исследования: К. К. Тон «Системно-структурная организация зооморфизмов русского языка: на материале произведений Чехова и Зощенко» (Воронеж, 1997), Хади Нахла Джавад «Существительные, называющие действующее лицо в прозе А.П. Чехова» (Воронеж, 2007), М. Садр «Номинации человека в произведениях А.П. Чехова: ономазиологический аспект» (Астрахань, 2011), Эльвия Ваффа Хидир Мохамед Али «Особенности диминутивных образований в ранних рассказах А.П. Чехова» (Воронеж, 2013), Е.Н. Нагорная «Зоометафора в системе языка и в дискурсе чеховской прозы» (Таганрог, 2014), С.С. Гусева

«Номинативная парадигма единиц, обозначающих лица, и ее функционирование в тексте (на примере текстов А.П. Чехова)» (М., 2017).

Однако следует отметить, что до сих пор в лингвистической литературе отсутствуют научные работы, посвящённые целостному комплексному анализу всего корпуса оценочных номинаций персонажа, представленных в художественной прозе А.П.Чехова, что обуславливает **актуальность** данного исследования.

Объектом исследования являются лексические единицы, включающие оценочный компонент значения и используемые для наименования персонажа в Собрании сочинений А.П.Чехова в 12-ти томах (М: Правда, 1985). Методом сплошной выборки из 564 прозаических произведений А.П.Чехова извлечено 986 оценочных номинаций.

Предмет исследования – лексико-семантические и деривационные характеристики оценочных номинаций человека и особенности их функционирования в художественной структуре прозаических произведений А.П. Чехова.

Целью исследования является комплексный анализ оценочных номинаций персонажа в художественной прозе А.П. Чехова и их роли в идиостиле писателя.

Данная цель определила следующие **задачи**:

- 1) выявить корпус оценочных номинаций персонажа, представленных в художественной прозе А.П.Чехова;
- 2) определить тематические группы оценочных номинаций персонажа, функционирующих в прозаических произведениях А.П. Чехова;
- 3) выявить специфику семантики оценочных номинаций действующего лица, представленных в прозе А.П. Чехова;
- 4) рассмотреть оценочные номинации чеховских персонажей с точки зрения способов выражения оценки;

5) проанализировать парадигматические и синтагматические отношения оценочных номинаций персонажа в структуре чеховской прозы и их роль в выражении авторской интенции;

б) определить функциональное назначение оценочных номинаций персонажа в художественном тексте.

Для решения поставленных задач в работе применялись следующие **методы**: описательный, метод контекстуального анализа, метод анализа словарных дефиниций и лексикографических помет, элементы компонентного анализа. Использовалась также методика количественных подсчётов.

Теоретико-методологической основой диссертации стали классические и современные труды отечественного языкознания, посвященные оценке как языковой категории, способам выражения оценочной семантики, коннотации как компоненту значения слова (работы Ш. Балли, Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, Т.В. Маркеловой, В.Н. Телия, Л.М. Васильева, А.А. Ивина, Л.А. Сергеевой, Н.В. Ильиной, Э.А. Столяровой, В.И. Шаховского, И.В. Арнольд, О.И. Блиновой, О.В.Загоровской, В.А.Звегинцева, Н.А. Лукьяновой, А.А. Уфимцевой и др.); труды по лексикологии и лексической семантике, а также работы, посвященные описанию различных участков лексической системы русского языка, в том числе некоторых групп слов с оценочным компонентом значения (работы Д.Н. Шмелева, Л.А. Новикова, Н.А. Лукьяновой, Л.Г. Бабенко, Е.А. Юриной, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, О.В.Загоровской и др.). При анализе особенностей функционирования оценочных номинаций исследуемого разряда были использованы работы, посвященные номинациям персонажа в языке А.П. Чехова (работы М.И. Маурер, В.А. Чесноковой, В.Е. Захаровой, А.Б. Черняевой, А.В. Беловой, А.С. Куркиной, С.С. Гусевой, Н. Хади Джавад и др.).

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые представлен целостный комплексный анализ оценочных именованных

персонажа в прозе А.П.Чехова, выявлены способы создания оценочной номинации и их взаимосвязь, определена роль синонимических и антонимических средств языка в формировании оценочной номинации действующего лица, рассмотрены особенности употребления оценочных номинаций персонажа и их функции в художественной прозе А.П. Чехова.

Теоретическая значимость исследования обусловлена расширением и уточнением существующих представлений о природе и семантике оценочных номинаций в русском языке, дальнейшей разработкой вопросов речевого воплощения оценочных номинаций в художественной прозе, развитием и углублением теории оценочности и номинации.

Практическая ценность работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в преподавании дисциплин «Современный русский литературный язык», «Стилистика современного русского литературного языка», «Русский язык и культура речи», при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по лексикологии, стилистике художественной речи, языку и стилю произведений А.П. Чехова; будут полезны в научно-исследовательской работе студентов языковых специальностей, в лексикографической практике – при составлении словарей языка писателя (до сих пор не существует словаря А.П.Чехова), а также для уточнения лексического значения слов в толковых словарях.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Корпус оценочных номинаций, используемых в прозе А.П.Чехова, представляет собой совокупность тематических групп, отражающих оценку физических, психических и социальных характеристик персонажа. Наиболее востребованными являются лексические единицы и фразеосочетания, характеризующие интеллектуальные и морально-этические свойства личности, что свидетельствует об особой значимости этих параметров при оценке человека.

2. Семантика оценочных номинаций персонажа в прозе А.П.Чехова характеризуется наличием актуализированных или формируемых в системе

художественного текста сем положительной или отрицательной оценки, которые могут иметь различный статус в семантической структуре лексемы по параметру ядро/периферия.

3. Как в речи автора, так и в речи персонажей преобладают языковые единицы, выражающие отрицательную эмоциональную оценку, поскольку: 1) ббольшая часть художественных произведений А.П.Чехова обличает или высмеивает негативные явления окружающей действительности, что требует соответствующего языкового выражения; 2) основное количество лексем негативной оценки употреблено при описании конфликтных ситуаций или ситуаций эмоционального напряжения.

4. В номинациях чеховского персонажа оценка может передаваться лексико-семантическим (метафорический и метонимический перенос), словообразовательным (преимущественно суффиксальный) и синтаксическим (компаративные конструкции) способами.

5. При характеристике персонажа в прозе А.П.Чехова важную роль играют парадигматические (антонимические и синонимические) и синтагматические (особенности сочетаемости) отношения оценочных номинаций в структуре произведения.

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались на Межрегиональной научной конференции «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (Воронеж, 23-24 октября 2015 г.), на Научных сессиях Воронежского госуниверситета 2016 и 2017 гг. и отражены в 5 научных публикациях, 3 из них – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Текст диссертации был обсужден на кафедре общего языкознания и стилистики филологического факультета ВГУ.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ НОМИНАЦИИ

1.1. Понятие оценки в современной лингвистике. Оценка и эмоция

Оценка является одной из важнейших лингвистических категорий, которая непосредственно участвует в организации вербального общения. С одной стороны, она связана с мышлением человека, его когнитивной деятельностью, с другой - с его практической деятельностью, социальной и культурной реальностью. По справедливому мнению Н.Д.Арутюновой, «в языке отражается взаимодействие действительности и человека в самых разных аспектах, одним из которых является оценочный: объективный мир членится говорящим с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда и тому подобное, и это вторичное членение, обусловленное социально – весьма сложным образом отражено в языковых структурах» (Арутюнова, 1988, с.45).

Исследование оценки имеет длительную историю, но, несмотря на это, многие вопросы ещё не получили решения. Общепринятой является точка зрения, что оценочное значение в языке противопоставляется дескриптивному. Язык отражает объективную действительность, человека со всеми его внутренними и внешними характеристиками, его мысли, чувства, действия, поступки, окружающие предметы. Все это выражается в языке с помощью дескриптивных значений. В то же время в языке отражается взаимодействие человека и действительности в самых разных аспектах, одним из которых является оценочный. По утверждению Н.Д. Арутюновой, «для того, чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя: природа оценки отвечает природе человека» (Арутюнова, 1988, с. 58). Человек определяет, что для него является хорошим, а что плохим. Он оценивает окружающий мир с точки зрения добра и зла, пользы и вреда и т.п. Как указывает Е.М.Вольф, «в конечном счете мерилom ценности всего

сущего является сам человек в совокупности всех проявлений его жизнедеятельности» (Вольф, 1986, с. 22).

Роль оценки заключается в том, чтобы соотнести предметы и события с идеализированной, т.е. нормативной картиной мира. Задача оценки, как отмечает Н.Д. Арутюнова, в отделении нормы от аномалии (Арутюнова, 1988).

Вопросами изучения природы, структуры оценки, средств ее выражения и ее отношений со смежными с ней явлениями эмотивности, экспрессивности, интенсивности, модальности, аффективности, образности, занимались многие лингвисты (напр., Ю.Д.Апресян, Н.Д.Арутюнова, Ш.Балли, В.В.Виноградов, Е.М.Вольф, С.Г.Воркачев, В.Г.Гак, В.Д.Девкин, Г.А. Золотова, В.И.Карасик, Г.Г.Кошель, Н.А.Лукиянова, Л.М.Михайлов, А.А.Потебня, Г.Н.Скляревская, В.Н.Телия, З.Д.Попова, И.А.Стернин, О.В.Загоровская и др.).

Несмотря на обширный круг исследований в данной области, в лингвистике отсутствует общепринятое понимание термина «категория оценки».

Одни исследователи считают, что оценка не может быть предметом собственно лингвистических исследований. Например, такого мнения придерживается С.Г. Воркачев, который полагает, что оценка «не имеет анализируемых специфических средств выражения» (Воркачев, 2000).

Другие исследователи (напр., Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, В.Н. Телия, Е.Л. Зайцева и др.) не согласны с данной точкой зрения и считают, что определенные слова («хорошее», «желаемое», «приятное») составляют особую лексико-семантическую группу, которая образует положительный оценочный сегмент в языке; а слова «плохое», «вредное», «злое» и т.д. можно объединить в противоположную лексико-семантическую группу, составляющую отрицательный оценочный сегмент.

Существующие в современной лингвистике подходы к определению понятия оценки и оценочности можно представить следующим образом:

1) функционально-семантический подход (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Г.А. Золотова, Е.Ю. Мягкова, Падучева, З.Д. Попова, И.А. Стернин В.Н. Телия, Д.Н. Шмелев, Г.О. Винокур, И.В. Арнольд и др.), в котором оценка понимается как «такое мнение о предмете, которое выражает характеристику его с точки зрения категории ценности» (Столярова, 1988, с. 187). Действительно, языковая оценка непосредственно связана с понятием ценности и является одним из основных способов отражения ценностей языковой семантики.

2) психолингвистический подход (В.И. Шаховский, Е.И. Колодкин, Ю.М. Мягкова) исследует психологические аспекты оценки, ее взаимосвязь с эмотивностью и экспрессивностью;

3) функционально-стилистический подход (Ю.Д. Апресян, Э.А. Столярова, М.А. Ягубова, Е.А. Баженова, О.В. Гуськова, В.Н. Цоллер) рассматривает категорию оценки как «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединённых оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» (Баженова, 2003, с. 139).

4) логический подход (Т.И. Вендина, С.Г. Воркачев, Т.В. Писанова, Z. Vendler и др.), в котором обобщаются философские, логические и лингвистические характеристики оценки и оценка рассматривается как высказывание/суждение субъекта о ценности того или иного объекта (Ивин, 1970, с.89). Ср.: «Оценка - это умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта» (Вендина 1998, с. 15). При этом в роли ценностей могут выступать желания, нужды, стремления, интересы человека.

В последние годы оценка рассматривается не только в традиционных аспектах, но и в свете получивших широкое распространение когнитивных и прагматических исследований, исследований в области полевых структур и т.д.

В работах представителей когнитивного подхода к определению оценки (В.И. Карасик, В.Л. Наер, М.В. Ляпон, А.В. Кленова и др.) оценка рассматривается как компонент концепта. Содержанием этого компонента является представление ценностных характеристик и знаний об окружающем мире в сознании носителей языка, так как «оценка непосредственно отражает общую систему объективных и субъективных ценностей, закрепленных в картине мира человека» (Попова, Стернин, 2001, с.78). По мнению ряда исследователей, «аксиологическая обработка действительности, предшествующая различным эмоциям, отличается большей или меньшей степенью когнитивности и осознанности индивидом и варьируется от очень существенной до незначительной (например, высоко когнитивная эмоция стыда и низко когнитивная эмоция отвращения)» (Романова, 2008, с.108). Просматривается прямая зависимость интенсивности знака эмоционального состояния от ценностно-аксиологических ориентиров говорящего субъекта.

Интерес к оценочным средствам связан также и с тем, что они являются благодатным материалом для обоснования теории прагматического значения языковых единиц (см. работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Падучевой, Ю.С. Степанова и др.). При этом оценочное значение является одним из наиболее трудно определяемых прагматических значений, так как характеризуется смещением и наложением лексико-семантических вариантов, сложностью аксиологических связей, актуализацией коннотативных компонентов.

В новейший период предпринимаются попытки системного изучения оценочных единиц, функционирующих в рамках дискурсов разного типа (работы Т.В. Михайловой, Ю. О. Бронниковой, Л. В. Сретенской, О. В. Новиковой, О. И. Рыбальченко и др.).

При всем многообразии подходов к изучению сущности оценки в самой ее природе есть общее, что сближает различные толкования. Вслед за Е.М Вольф мы считаем, что «в оценке семантический и прагматический аспекты неразделимы, все стороны ее функционирования отражают слияние

семантики (собственного значения языковых единиц, включая высказывание в целом) и прагматики (условий реализации процесса коммуникации)» (Вольф, 1985, с. 203). Соответственно, оценку в одинаковой степени можно определить как прагматическую категорию (воздействие на реципиента), и можно также отнести к сфере семантики (специфика содержания языковых единиц).

Оценка - это сложное явление, которое реализуется сознанием субъекта при восприятии и обработке информации о внешнем мире и соотносится с внутренним миром человека, отражая «картину мира», представленную множеством других категорий, смежных с оценкой (градуальности, модальности, состояния, отрицания и др.). Выражение одобрения или порицания само по себе имеет прагматическую ориентацию: соотнося объект и его важность, значение для потребностей субъекта, оценка воздействует тем самым на его (субъекта) деятельность. В основе концептов, определяющих оценочные смыслы, лежит ценностная картина мира и семантика единиц языка в их взаимодействии. Оценка как одна из важнейших сторон коммуникативно-познавательной деятельности человека может фиксироваться в семантической структуре слова, составляя компонент его значения, или же при описании условий употребления слова, его прагматики.

Оценка носит двойственный, или антонимический, характер, так как основу оценочных процессов составляет противопоставление качеств положительности и отрицательности, что является базисным элементом познания человеком окружающей действительности. Однако, по мнению М.А. Черновой, наряду с четкой эмоционально-оценочной противопоставленностью существуют оценочные единицы, потенциально способные реализовывать различную оценочность, а также оценочные единицы, обладающие адгерентной оценочностью, которые могут наблюдаться в контекстном употреблении. При этом возможно приобретение оценочности оценочно-нейтральным словом и контекстно-

детерминированная трансформация оценочного знака (Чернова, 2007, с.10-11).

Н.В. Пазыч указывает на то, что «оценочные семы лексического значения слова представляют собой положительную или отрицательную характеристики, относящиеся к полярным языковым категориям. Однако эту полярность следует понимать диалектически, учитывая относительный характер положительного и отрицательного полюсов» (Пазыч, 1985, с.24).

По наблюдениям С.В. Силинского, «в некоторых речевых ситуациях имена с пейоративной оценкой оказываются формами дружелюбного обращения к собеседнику» (Силинский, 1995, с.107-108). Е.И. Френкель также отмечает, что «в редких случаях наблюдается ироническая трансформация отрицательного оценочного знака слова в положительный. Здесь обычно происходит утрата пейоративного оценочного смысла, и слово становится шутливо-ласкательным» (Френкель, 1982, с.8).

В оценке сочетаются субъективный и объективный факторы. Важнейшей особенностью оценки является то, что в ней всегда присутствует «субъективный фактор», взаимодействующий с объективным. Субъективный фактор подразумевает положительное или отрицательное отношение субъекта оценки к ее объекту, тогда как объективный (дескриптивный, признаковый) фактор обусловлен собственными свойствами предметов или явлений, на основании которых выносится оценка (Вольф, 1985). Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки, подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом. Всякое оценочное суждение предполагает субъект суждения, т.е. то лицо (индивидуум, социум), от которого исходит оценка, и его объект, т. е. тот предмет или явление, к которому оценка относится.

Н.В. Ильина определяет категорию оценки как «умственный акт, являющийся результатом взаимодействия человека с окружающей его действительностью. Человек оценивает способность того или иного объекта удовлетворять его потребности, желания, интересы или цели. Найдя предмет

или его свойство полезным, приятным, добрым, красивым и т.п., он совершает оценку» (Ильина, 1984, с.16). По утверждению А.А. Ивина, «выражение или приписывание ценности (оценивание) является установлением определенного отношения между субъектом или субъектами оценки и ее объектом» (Ивин, 1970, с 12-13). По определению Е.М. Вольф, языковая оценка – это социально устоявшееся и закреплённое в семантике языковых единиц положительное или отрицательное отношение субъекта (лиц, лица, коллектива) к объектам действительности (Вольф, 1985). Ср.: «В конечном счете, мерилom ценности всего сущего является сам человек в совокупности всех проявлений его жизнедеятельности. Этот человек, в зависимости от обстоятельств, может быть представлен конкретно-историческим индивидом, определенной социальной группой, человеческим обществом в целом» (Василенко, 1964, с 5).

Наиболее общая оценочная парадигма включает два компонента: хорошо/плохо. Бинарность оценочных значений объясняется изначальной бинарностью эмоционального восприятия человеком окружающего мира (Бог – дьявол, жизнь – смерть, свет – тьма, порядок – хаос, добро – зло). Семантический комплекс «хорошо – плохо» принадлежит «к разряду градуированных понятий, в которых каждый антоним указывает направление уходящей в противоположные бесконечности шкалы, разделённой осью симметрии... Нарастание одного признака по шкале добра и худа оборачивается убыванием другого» (Арутюнова, 1983, с.332).

Т.В. Маркелова считает положительную – отрицательную – нормативную оценку «градационными категориальными ситуациями общей оценочной сигнификативной ситуации. Если ядром модальных ситуаций является наклонение, темпоральных – время, то ядром аксиологических ситуаций являются инвариантные семантико-грамматические средства – хорошо – нормально – плохо – слова категории оценки, репрезентирующие семантико-прагматическую функцию» (Маркелова, 1998, с.9).

Следовательно, оценка в современной лингвистике интерпретируется, прежде всего, как вербально выраженный результат оценочной деятельности индивида, то есть отношение говорящего к предмету речи с точки зрения противопоставления оценочных сем «хорошо - плохо», расположенных по шкале оценок, имеющей зоны положительного и отрицательного.

Наиболее общее членение оценочных значений предполагает наличие в языке двух противопоставленных типов: общеоценочного и частнооценочного. Первый тип представлен в языке «прилагательными *хороший* и *плохой*, а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (прекрасный, превосходный, великолепный, отличный, замечательный и др.). Эти прилагательные выражают <...> аксиологический итог» (Арутюнова, 1988, с. 75). Вторая группа является более обширной и разнообразной, «в нее входят значения, дающие оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения» (там же..., с.75).

В свою очередь частные оценки могут подвергаться более детальной классификации. Одна из наиболее известных типологий частнооценочных значений, на которую опираются многие исследователи, была предложена Н.Д. Арутюновой. Исследователь предлагает развёрнутую классификацию частнооценочных значений: гедонистическая (вкусный), психологическая (интересный), эстетическая (красивый), утилитарная (полезный), нормативная (правильный), телеологическая (эффективный) (Арутюнова 1988, с. 198 – 199). Таким образом, в основу классификации положены виды активности человека, его сенсорный, интеллектуальный или практический опыт. Таково понимание оценки в современной лингвистике.

Согласно традиционной точке зрения, оценка распадается на три основных элемента: субъект оценки, объект оценки и оценочный предикат (или основание оценки). Ср.: «Обязательными элементами оценочной модальной рамки являются эксплицитный или имплицитный субъект оценки, обозначающий лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка, объект оценки (лицо, предмет или событие), сам оценочный элемент, а также

точка отсчета, включающая шкалу оценок и оценочные стереотипы» (Телия, 1986, с. 23). По характеру выраженности в тексте подобные элементы можно разделить на три группы: а) преимущественно эксплицитные: объект оценки; б) преимущественно имплицитные: шкала оценок, оценочный стереотип, аспект оценки; в) как эксплицитные, так и имплицитные: субъект оценки, аксиологические предикаты, мотивировки оценок.

Субъект оценки - это эксплицитный или имплицитный компонент оценочной конструкции, представляющий человека или социум, со стороны которого дается оценка. Объектом оценки принято считать компонент оценочного высказывания, представляющий собой фрагмент окружающей среды, который оценивается. Особенностью объекта оценки является его способность обозначать не только конкретный предмет, но и целую ситуацию, действие или факт. Каждый объект действительности (вещь или положение дел, человек или событие) обладает неопределенным по числу и составу набором аксиологически релевантных свойств: в одном отношении объект может характеризоваться положительными свойствами, в другом - отрицательными. Оценочный предикат или основание оценки - это компонент высказывания, который выражает суть оценки и является реальной основой оценочной конструкции. Установление и выражение определенного отношения между субъектом и объектом составляет содержание или характер оценки (Вольф, 1985, с. 97).

Оценка – это категория, тесно связанная с эмоциональностью. Анализируя различные взгляды авторов, можно отметить, что существует три точки зрения по названному вопросу:

1) отсутствие какой-либо связи между эмотивностью и оценочностью (А.В. Филиппов и др.);

2) рассмотрение эмотивности в качестве факультативной части оценочности (И.В. Арнольд, Е.М. Вольф, В.Н. Телия, М.С. Ретунская);

Ср.: «...аксиологическая оценка по признаку *хорошо – плохо*, как и прочие виды оценок, в строгом смысле эмоциональной не является и из

области рационального не выходит, будучи оценочным суждением» (Романова, 2008, с.111).

3) включение оценочности в состав эмотивности как обязательного элемента (Е.М.Вольф, А.В.Селяев, В.И. Шаховский, Н.А.Хомякова);

Е.М. Вольф рассматривает данные понятия как часть и целое (Вольф, 1981). Н.А. Хомякова считает, что «эмоция» и «оценка» взаимопроникают и взаимообуславливают друг друга, и это находит свое отражение в языке, однако, в отличие от оценки, которую можно выразить рационально, эмотивность всегда включает ее в себя (Хомякова, 2008, с. 14). А.В. Селяев предлагает рассматривать оценочность как семантическую категорию, выступающую обязательным элементом эмотивности, манифестирующую знак эмоции в рамках эмотивной семантики (Селяев, 1995, с.27).

4) рассмотрение эмоционального и оценочного компонентов в тесной спаянности и неразрывности (Н.Д. Арутюнова, Л.М.Васильев, В.Г.Гак, В.Н. Цоллер, О.В.Загоровская, Ю.П.Солодуп и др.).

Ср.: «эмоциональность и оценочность...не составляют двух разных компонентов значения, они едины, как неразрывны оценка и эмоция на внеязыковом уровне» (Загоровская, 2011, с.55). Положительная оценка может быть передана только через положительную эмоцию (одобрение, похвалу, ласку восторг), отрицательная – через отрицательную эмоцию (неодобрение, неприятие, осуждение, презрение и т.п.). Ср. также: «Оценка как бы впитывает в себя соответствующую эмоцию, а параметры эмоции и оценки совпадают: «приятное» - «хорошо», «неприятное» - «плохо» (Лукиянова, 1986, с.45).

Итак, эмоциональность и оценочность являются неразрывными категориями: эмоциональность предопределяет возникновение оценки, которая в свою очередь и находит лексическое выражение, основываясь на эмоциональном отношении к предмету. Признавая действительно тесную связь этих двух явлений, исследователи считают, что оценки и эмоции представляют собой различные ментальные пространства, имеющие

обширное поле пересечения характеристик, но отличающиеся по своим онтологическим показателям.

Эмотивность традиционно рассматривают как потенциальную возможность выражения чувств и эмоций субъекта в отношении некоторого явления действительности. В языкознании наряду с этим термином используются еще «эмотивный компонент» и «эмоциональность».

В.Н.Телия пишет, что термин «эмотивность» заимствован из психологии, где он употреблялся для обозначения психических процессов, связанных с эмоциями, но не сводимых к ним (Телия 1981, 202). Появление его в лингвистике связано с необходимостью разграничения эмоциональности как семантической категории и проявления эмоциональности вообще. Сегодня можно говорить о широком и узком понимании эмотивности. В широком смысле коннотативность лексики - это прежде всего ее эмоциональность (Филиппов 1978; Шаховский, 1983).

Эмоциональность определяют как состояние, возникающее в процессе принятия решений об оценке воспринимаемых явлений действительности и их связи, «отражённое и закреплённое в семантике слова отношение, чувство говорящего к объекту речи» (Цоллер, 1996, с. 64); «как содержащееся в значении слова указание на эмоциональнее отношение говорящего к предмету сообщения, ситуации, собеседнику (т.е. как информация об эмоциях и чувствах человека)» (Загоровская, 2011, с.55).

Трудность разграничения категорий эмотивности (эмоциональности), экспрессивности и оценочности нашла отражение в широко употребительных терминах «эмоционально-экспрессивная лексика», «эмоционально-оценочная лексика», «эмотивно-оценочная лексика». Исследователи считают, что оценочность шире эмоциональности и экспрессивности, значительное количество оценочно маркированных единиц лишены эмотивно-экспрессивной окрашенности. Следует согласиться также и с тем, что «оценочность не в равной степени свойственна эмоциональной лексике» (Бабенко, 1989, с. 10). Анализируя различия оценочного,

экспрессивного и эмоционального суждений, Е. А. Чернявская приходит к выводу, что в оценочном сообщении содержится информация о ценностной значимости какого-то объекта для говорящего; экспрессивное сообщение нацелено на воздействие на реципиента; эмоциональная же сема выражает конкретное чувство, вызванное у говорящего денотатом (Чернявская, 2001, с. 27). Г. Шингаров отмечает, что «в психологии понятие эмоции употребляется для сферы чувств-переживаний, а понятие эмотивности - для обозначения психических процессов, связанных с эмоциями, но несводимых к ним» (Шингаров, 1971, с. 91).

По типу оценки оценочные компоненты подразделяют на рациональные, эмоциональные и рационально-эмоциональные.

Рациональная оценка, которую М.А. Ягубова называет также оценкой «от головы», заключается в рациональной характеристике предмета (Ягубова, 1993). Это оценка логическая, основанная на информации о присущих объекту свойствах.

Эмоциональная оценка или оценка «от сердца» основана на эмоциях, которые вызывает у субъекта оцениваемый объект. Эмоциональная оценка заключается в выражении эмоциональной характеристики предмета и его эмоционального восприятия субъектом и, как правило, является экспрессивной. Характер эмоциональной оценки, выражаемой словесной единицей, в значительной степени зависит от эмоционального тона высказывания. Признавая существенное влияние контекста на формирование эмоционально-оценочного содержания слова, необходимо разделять языковую, узуальную, и речевую, окказиональную, эмоциональную оценку (Загоровская, 2011, с.56). Подобное разграничение является в настоящее время общепринятым. Так, Д.Н.Шмелев пишет: «...следует различать активно и устойчиво закрепленную за словом «эмоциональную окраску» и эмоциональные наслоения, обволакивающие самые разнообразные по своей тематической принадлежности слова в определенных ситуациях» (Шмелев, 1964, с.106). С точки зрения О.В.Загоровской, «термин эмоциональная

окраска...следует соотносить с закрепленным за словом узуальным явлением...и разграничивать эмоциональную языковую оценку слова и его эмоциональную речевую окраску» (2011, с.56).

Наиболее частотной в речевом общении является оценка, которая носит комплексный характер, совмещающая в себе рациональные суждения и эмоции. Это рационально-эмоциональная оценка, или оценка «от головы через сердце». В ее основе «рациональная (интеллектуальная) оценка окружающей действительности (субъектов, предметов, действий, качеств, явлений), пропущенная сквозь призму человеческой психики» (Ретунская, 1996, с. 10).

Н. Д. Арутюнова выделяет три группы оценок: 1) сенсорные оценки, то есть оценки, связанные с ощущениями, чувственным опытом – физическим и психическим; 2) сублимированные оценки, к ним относятся эстетические и этические оценки; 3) рационалистические оценки, связанные с практической деятельностью, практическими интересами и повседневным опытом человека (Арутюнова, 1988, с. 181).

Академик Ю. Д. Апресян придерживается точки зрения, согласно которой в значении слова содержатся наивное понятие об обозначаемой вещи, ситуации, свойстве, процессе и оценка этой вещи, ситуации со стороны участников коммуникации. Ученый выделяет три основных типа оценочных компонентов: 1) интеллектуально-логический тип, который основан на рационально-оценочных, логических суждениях об объективно присущих референту свойствах; 2) эмоциональный тип, основанный на эмоциях, чувствах, переживаниях, связанных с приписываемыми творческим воображением субъекта свойствами, объективно не присущими данному референту; 3) эмоционально-интеллектуальный тип, основанный на рационально-оценочных суждениях и переживаниях, эмоциях в органическом единстве (Апресян, 1974, с. 175).

В.Н. Телия, относя, с одной стороны, оценку к коннотации и различая рациональную и эмоциональную оценки, в то же время подчеркивает, что

данные виды оценок четко разводятся по двум семантическим полюсам – рациональная тяготеет к дескриптивному аспекту значения (денотативному макрокомпоненту), а эмоциональная выражается в коннотативном макрокомпоненте, поскольку «со-характеризует» (Телия, 1986, с. 31).

С точки зрения семной семасиологии, оценка может быть как коннотативной, так и денотативной. Оценка может быть денотативной, если называется само неодобрительное отношение к предмету, а не предмет + его оценка, например: *красивый, великолепный, подлец, негодяй* и др. Разграничивается денотативная и коннотативная оценка следующим образом: если можно сформулировать значение слова без оценочных слов и добавить тестовую фразу «и это хорошо (плохо)», то оценка коннотативная, ср.: *голословный* – «не основанный на фактах» – и это плохо; если такая процедура оказывается невозможной, то оценка денотативна: *мелкотемье* – «мелкая, незначительная тематика», *расточитель* – «человек, безрассудно расходующий деньги, средства» и т.д. Если оценка в слове денотативна, то говорят об оценочном слове, если коннотативна – о слове с оценочным компонентом значения. В значениях слов *дебошир, скандалист, самодур, вор, расист* неодобрительная оценка денотативна, слово называет неодобрительно оцениваемый социумом денотат, но при этом в коннотативном макрокомпоненте значения этих единиц эмоция и оценка будут фиксироваться семами *неэмоциональное* и *неоценочное*. Возможны и другие варианты соотношения эмоции и оценки в значении слова – нет денотативной оценки, но есть коннотативная.

Некоторые учёные (Н. А. Лукьянова, В. И. Шаховский, А. О. Чернейко, И. Н. Худяков) объединяют эмоциональный и оценочный компоненты в один (такой подход отражает и состав помет большинства словарей, не разделяющих эмоциональные и оценочные элементы, одинаково маркируя лексику разного характера) и называют их «эмоциональной оценкой». Эта взаимосвязь понимается последователями данной трактовки как зависимость оценки от эмоций. «При непосредственном коммуникативном акте оценка не

может не сопровождаться эмоциями», - считают приверженцы этой теории (Худяков, 1980, с. 81).

А. О. Чернейко, указывая на взаимосвязь категории оценки и категории эмоциональности, подчёркивает, что «выбор знака оценочного высказывания субъектом оценки определяется принятием или неприятием личности, другого объекта оценки» (Чернейко, 1996, с. 44). Оценка как бы «впитывает» в себя соответствующую эмоцию, а параметры эмоции и оценки совпадают: «приятное» – «хорошо», «неприятное» – «плохо» (Лукьянова, 1986, с. 45).

Категория оценки и эмоциональности очень тесно связаны друг с другом. Граница между понятиями оценочности, эмоциональности, экспрессивности зыбка, подвижна прежде всего потому, что один и тот же языковой знак в разных своих значениях употребляется как в номинативной, так и в эмоционально-оценочной функции.

Рациональная и интеллектуально-логическая оценка без эмоциональных оттенков — явление довольно редкое. Эмоциональная оценка, как раз наоборот, встречается очень часто, поэтому средства её выражения намного богаче и разнообразнее. Сознание человека воспринимает действительность в единстве мыслей и чувств. «В языке нет 2-х строго ограниченных друг от друга систем: системы логических и аффективных значений. Их разделение — это всего лишь необходимая абстракция... Она не более искусственна, чем устанавливаемое в психологии различие между рассудочными и эмоциональными актами мысли, которые в действительности не существуют» (Балли, 2003, с. 23). Человек переживает отражаемое им благодаря единству рационального и эмоционального в его сознании.

На лексико-грамматическом уровне оценка может быть выражена любой частью речи, однако именно существительные «характеризуют объект, выявляя основание оценки и делая оценочное суждение более категоричным: эмоциональные оценки непосредственно приписываются объекту, а не передаются через характеристику его действий или свойств.

Глагол, например, относит оценочную характеристику к определённом временному промежутку, прилагательное переносит акцент с лица на его свойства» (Гибатова, 2011, с. 132).

Основным средством выражения оценки в речи является лексика и фразеологические единицы, большинство из которых передает оценочное отношение говорящего, образно, экспрессивно характеризуя реалии действительности. В языке лексические средства выражения негативной оценки количественно преобладают, поскольку оценочная шкала асимметрична, а человеческое восприятие в первую очередь склонно фиксировать аномальные явления и отклонения от нормы (см. об этом работы Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, С.С. Хидекель и др.).

В качестве регулярного средства экспликации оценочной семантики в словах, в том числе в неологизмах и окказионализмах, выступают морфемы (суффиксы и приставки). За счет словообразовательных дериватов с подобными формантами во многом расширяется ресурс лексики с оценочным компонентом значения.

Оценочность лексем может усиливаться при их тропеическом употреблении.

С выражением оценки (прежде всего отрицательной) может быть связано нарочитое отступление от норм любого языкового уровня (орфоэпических, грамматических, стилистических и др.). Отступление от литературной нормы разрушает автоматизм восприятия формальной стороны речевого сообщения и привлекает внимание адресата. В частности, это может быть отход от нормативного произношения, имитация иноязычной, просторечной или диалектной речи. Через акцентирование манеры произношения дается отрицательная характеристика определенному социальному типу людей.

Очевидно, что на взаимообусловленность категорий оценки и эмоциональности указывают следующие моменты: положительная оценка связана с эмоциями одобрения и восхищения, а отрицательная —

неодобрения, возмущения и пр.; как правило, оценка вызывает эмоции и нередко проявляется через них; оценка может быть и чисто рациональной, а эмоция, как правило, предполагает оценку.

Эмоциональная оценка может быть соотнесена как с собственно языковыми единицами, так и с семантикой высказываний. Ср.: «...предложения и высказывания могут трактоваться как оценочные и без присутствия оценочных слов, если описывается ситуация, имеющая соответствующий смысл в «картине мира» (Вольф, 2002, с.5).

Таким образом, подчеркивая условность разделения в лексическом значении понятийного, оценочного и эмоционального содержания, мы придерживаемся позиции, согласно которой оценочность как блок информации тесным образом связана с референциальной стороной языкового знака, что обусловлено связью оценки с квалификативной функцией сознания, в то время как эмотивный компонент информирует об эмоциональном состоянии говорящего, не касаясь сущностных признаков объекта номинации, и, соответственно, принадлежит коннотативному компоненту. Следовательно, языковые выражения, содержащие оценочную сему в денотативной части значения, реализуют интеллектуально-логическую оценку, оценку «в чистом виде»; присутствие наряду с оценочной семой в ядерной части эмотивной семы в поле коннотации ведет к выражению одновременно и эмоции, и оценки: оценочная сема связана с сущностной стороной обозначаемого объекта, эмотивная – с переживаемой говорящим эмоцией.

1. 2. Эмоционально - оценочная лексика, ее структурно-семантические особенности и разновидности

Как известно, эмоционально-оценочная лексика играет особую роль в выражении «ценностных ориентиров» личности и социальной группы, пользующейся тем или иным языковым образованием, и, следовательно, имеет особую культурологическую ценность (Урмачеева, 2003, с. 3). Причем именно «характеризующие» агентивы, в отличие от «идентифицирующих»

(классифицирующих то, что существует в мире), «выражают то, что мы думаем об окружающих нас людях, о том или ином человеке» (Бахвалова, 1996, с. 6-7). С помощью характеризующих имен можно передать широкий спектр чувств-отношений говорящего к именуемому лицу, охарактеризовать человека по особенностям его внешнего облика, по умственным способностям, чертам характера, по поведению и т.д. (Литвинова, 2011).

Эмоционально - оценочная лексика, характеризующая человека, имеет особенности в плане своего содержания.

Как уже указывалось, в рамках данного исследования оценка трактуется как компонент семантической структуры языковой единицы, определяющий отношение к предмету или явлению в зависимости от его соответствия или несоответствия требованиям субъекта. Оценка тесно связана с прагматической функцией языка. Она проявляется в том случае, когда интерес субъекта смещается с объективного отражения действительности к достижению «определенного воздействия на адресата путем выражения своего отношения к миру» (Телия, 1986, с. 10).

Категория оценки в языке имеет многомерный характер, что обуславливает сложность определения границ оценочной семантики языковой единицы. Е.М. Вольф полагает, что это связано с языковой и речевой «вездесущностью» категории оценки. Исследователь считает, что неоднозначное восприятие оценочной семантики конкретного слова и даже целого высказывания можно объяснить той субъективностью, которая присутствует в любой оценке: «Очевидно, что и собственные свойства предметов, по крайней мере, некоторые из них, не лишены субъективного аспекта... Самыми «объективными» являются признаки цвета и формы, однако и в них присутствует субъективный аспект» (Вольф, 1985, с. 28).

В структуре значения слова, согласно концепции И.А. Стернина, содержатся два мегакомпонента: лексический, представляющий собой закрепленное словом отражение внеязыковой действительности, и

структурно-языковой, содержащий информацию о признаках слова как функциональной единицы языка.

Данные мегакомпоненты делятся на более мелкие части – макрокомпоненты. В составе лексического мегакомпонента выделяются денотативный и коннотативный макрокомпоненты, первый из которых передает основную информацию о слове, указывая на его свойства и признаки, а второй выражает эмоционально-оценочное отношение к нему говорящего (Стернин, 1985 и др.).

Безусловно, коннотативный компонент является важнейшим структурным элементом семантики слова, передающим прагматическую информацию. Понятие «коннотация» [«стилистическое созначение» (Ш. Балли), «стилистическое значение» (Т.Г. Винокур), «прагматическое значение» (Л.А. Киселева, В.Н. Комиссаров), «потенциальные признаки» (В.Г. Гак), «лексический фон» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров) и т.д.] не имеет однозначного определения в связи с различным пониманием данного явления.

Несмотря на разницу в подходах к изучению коннотации, большинство исследователей признают ее гетерогенность, указывают на взаимодействие ее составляющих и рассматривают их как совокупность субкомпонентов, которые выделяются на основе факторов социального и психологического порядка.

Качество и количество компонентов коннотации у разных авторов неодинаково (см., например, Арбузова 2001; Бабенко 2001; Банина 2002; Безденежных 1996; Мягкова 2000; Новикова 1993; Паршакова 1995; Стернин 1985; Харченко 1976; Чернец 2001; Шаховский 1994; Braselmann 1981; Gowerdowskij 2002; Militz 1989; Roessler 1979 и др.). При этом разница трактовок касается не только числа и видов составляющих коннотации, но и их комбинаций и даже возможной иерархии (см., например, Бабенко 1989; Безденежных 1996; Бурукина 1998; Кожин 1982; Мягкова 2000; Солодуб 1997; Телия 1986; Харченко 1983 и др.).

Можно сказать, что исследователи включают в структуру коннотата такие субкомпоненты, как эмотивный компонент, экспрессивный компонент, оценочный компонент, культурный компонент, идеологический компонент, гонорифический компонент, образность, мотивированность, внутреннюю форму слова, функционально-стилистический компонент. Все эти различные по своей функционально-содержательной природе компоненты часто являются представителями одноименных языковых категорий: эмотивности, экспрессии, оценочности и т.д.

А.В. Филиппов относит к понятию *коннотация* «неденотативное и неграмматическое значение, входящее в состав семантики какой-либо языковой единицы или представляющее ее целиком» (Филиппов, 1978, с. 57).

Рассматривая коннотативные компоненты, Н.А. Лукьянова, определяет их как «семантические признаки экспрессивного слова, которые отражают отличительные свойства объекта, явления, некоторые особенности его на фоне одноименных с ним объектов, явлений» (Лукьянова, 1986, с. 19).

Большинство ученых относят эмотивный компонент именно к коннотативному значению слова и считают его факультативной частью лексического значения, повествующей о личности говорящего, его эмоциональном состоянии, самой ситуации, а также об отношении говорящего к предмету речи/собеседнику (Бабенко, 1989).

Рассматривая вопрос о структуре коннотативного компонента И.И. Синельникова утверждает, что «коннотативный макрокомпонент, в отличие от денотативного, отражает не признак денотата, а отношение говорящего к предмету номинации в форме эмоции и оценки денотата, и, следовательно, содержит эмоциональную и оценочную семы» (Синельникова, 2013, с. 33).

В.П. Телия включает в его состав оценочный, ассоциативно-образный, эмотивный и функционально-стилистический компоненты (Телия, 1986).

В.И. Шаховский определяет коннотацию как дополнительное эмоциональное значение, где экспрессивность (интенсивность, чрезмерность) представляет собой количественный интенсификатор, а эмотивность

рассматривается как отражение в языке всей сферы эмоционального. Эмотивный компонент состоит из мельчайших смыслов - эмотивных сем, которые, в свою очередь, являются совокупностью семного признака «эмотивность» и семных конкретизаторов (Шаховский 1984, с.20). В.И. Шаховский ввел в научный оборот понятие эмосемы: «Это специфический вид сем, соотносимых с эмоциями говорящего и представленных в семантике слова как совокупность семантического признака «эмоция» и семных конкретизаторов «любовь», «презрение», «унижение» и др., список которых открыт и которые варьируют упомянутый семантический признак (спецификатор) в разных словах по-разному. Сема эмотивности может отображать эмоциональный процесс относительно любого лица: говорящего, слушающего или какого-либо третьего лица» (Шаховский, 1987, с. 115).

Таким образом, эмотивность выступает той категорией, которая наиболее ответственна за создание выразительных средств языка и речи.

В узком понимании эмотивность рассматривается по-разному.

Э.С.Азнаурова оценивает ее с точки зрения вхождения в смысловую структуру слова и пишет, что эмоциональное значение можно рассматривать как лингвистическое образование, которое входит в семантическую структуру слова в качестве компонента, выражающего эмоциональное отношение носителя языка к соотносительному со словом понятию или предмету (Азнаурова, 1973, с. 113).

В.Н.Телия рассматривает эмотивность как компонент структуры лексической единицы, указывающий на чувство-отношение субъекта к обозначаемой реалии в диапазоне одобрения/неодобрения (Телия, 1986, с.40).

И.В.Арнольд полагает, что эмоциональный компонент, возникнув на основе предметно-логического, характеризуется тенденцией вытеснять предметно-логическое значение или существенно его модифицировать (Арнольд, 1990, с.108).

В лингвистической литературе часто встречается термин «эмоционально - оценочный компонент значения». Безусловно, оценочность

и эмотивность тесно связаны, но они имеют разную природу: эмотивная модальность основывается на культурно-национальной значимости единицы языка, социальной характеристике участников ситуации и т.д., а оценочная модальность исходит из ценностной картины мира (Телия 1986, с.14). Кроме того, как пишет И.А.Стернин, оценка может сопровождаться нулевым эмоциональным компонентом, а эмоциональный компонент не может появиться в слове без оценки, ибо любая эмоция носит оценочный характер, хотя не всякая оценка обязательно эмоциональна (Стернин, 1985, с. 71).

Многие ученые склонны выделять в структуре коннотата эмотивный (эмоциональный), оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты значения, которые, по мнению И.В. Арнольд, могут присутствовать одновременно в разных комбинациях или вовсе отсутствовать (Арнольд, 2002; ср. также: Стернин, 1985; Шаховский, 1987; Новоселова, 1990; Васильев, 1996). И.А. Стернин рассматривает эмоциональный компонент как «выражение словом эмоции или чувства» и отделяет его от оценочного микрокомпонента, утверждая, что первый является формой выражения душевных переживаний по отношению к предмету/явлению, а второй – выражением ценности, приписываемой предмету/явлению (Стернин, 2013, с. 89).

Э.С. Азнаурова рассматривает эмоционально-оценочное значение слова как «лингвистическое образование, входящее в семантическую структуру слова в качестве одного из ее компонентов выражающее эмоционально-оценочное отношение носителя языка к соотнесенному со словом понятию или предмету» (Азнаурова, 1973, с. 113).

Е.Ю. Мягкова определяет эмоциональный компонент значения слова как «исключительно сложное комплексное образование, в котором задействованы процессы разных уровней сложности и разных уровней осознаваемости» (Мягкова, 1990, с. 183). Его основными характеристиками автор считает нерасчлененность, разный уровень осознаваемости составляющих его элементов, разный уровень социальной и этнокультурной

опосредованности, индивидуальную специфику процессов репрезентирования информации.

Вопреки мнению о том, что эмотивность лексической единицы зависит от таких факторов, как концептуальное содержание, изобразительное значение, ассоциации и импликации слова, личное отношение говорящего и воспринимающего, т. е. является словарно нефиксируемым (Stevenson, 1948), а также мнению других авторов, относящих лексику, выражающую эмоции к непонятной (Ч. Огден, А. Ричардс, У. Эмпсон), многие лингвисты (Мягкова, 2000; Сорокин, 2002; Шаховский, 1993) считают деление на эмоциональный и нейтральный словарный состав языка неправомерным. По их мнению, все слова без исключения являются дискурсивными и могут быть эмоционально заряженными. Результаты психолингвистического эксперимента по выявлению эмоциональной нагрузки слова, проведенного Е.Ю. Мягковой, подтвердили, что эмоциональная нагрузка слова представляет собой неотъемлемый компонент структуры значения слова (Мягкова, 1990).

Из аргументов других ученых в пользу данного мнения можно назвать следующие: 1) два слова с одинаковым логико-предметным значением могут различаться по наличию или отсутствию эмотивного компонента; 2) внутри лексического значения слова эмотивное может развиваться отдельно от логико-предметного; 3) эмотивные значения слов адекватно идентифицируются и дифференцируются говорящими, то есть являются коммуникативными, т. к. в процессе коммуникации передают эмоциональную информацию и вызывают определенную эмоциональную реакцию; 4) эмотивное значение может быть вычленено при измерении смысловой информации контекстуального слова, а при замене в определенном контексте эмотивной лексической единицы на нейтральную можно наблюдать потерю сути самого высказывания; 5) согласно психолингвистическим экспериментам, эмотивное значение слова, его

эмоциональный смысл (оскорбление, гнев, ласка и т. д.) осознается человеком быстрее, чем логико-предметное (Шаховский, 2008).

В подобных исследованиях данные семантические категории рассматривают относительно самостоятельно, независимо от единства их языковой реализации и общности семантической функции, делая акцент на индивидуальной семантической природе каждого свойства и отбирая для анализа лексический материал по принципу наличия определенной категориальной семантики. Основанием для такого подхода служит относительная независимость присутствия каждого свойства: так, оценочные слова могут не быть эмотивными - плохой, вредный, ленивый, трудолюбивый (рациональная оценка), а слова, выражающие эмоции, могут относиться к нейтральной лексике - восторг, удивляться, смеяться.

Такое расхождение данных семантических признаков объясняется двумя моментами. Во-первых, оценочность и эмотивность обусловлены как денотативной, так и коннотативной семантикой слова, при этом понятийные семы, связанные с качеством, количеством признаков называемого явления, могут либо сопровождаться коннотациями, определяющими не нейтральность, а экспрессивность данного слова (*лапонька* - очень хорошая, симпатичная девушка, говорится с одобрением), либо ограничиваться предметно-понятийным содержанием слова, что определяет нейтральность, неэкспрессивность лексической единицы.

Во-вторых, наличие коннотативного содержания обусловлено выходом качеств называемого явления за пределы принятой в социуме нормы, «необычностью параметров того или иного реального объекта, что обращает на себя внимание субъекта речи, заставляет его выразить свое положительное или отрицательное эмоциональное отношение» (Вольф, 1981), а в случае отсутствия коннотаций качественные и количественные параметры остаются в пределах нормы. Следовательно, пересечение лексики данных категорий осуществляется в зоне семантики, связанной с отклонениями от нормы, что, в свою очередь, определяет экспрессивность, а расхождение - в зоне

обозначения предметов с нормативными качественными и количественными параметрами (рациональная оценка) и наименований нормативных эмоций (объективная эмоция) (Шенделева, 1999).

По мнению В.И. Шаховского, компонентом структуры, входящим в коннотативное значение слова, выступает исключительно эмотивный, а экспрессивный и оценочный компоненты относятся к денотату (Шаховский, 1987). И.А. Стернин, в свою очередь, считает интерпретацию коннотации, предложенную В.И. Шаховским, слишком «расширительной», так как, по его мнению, исчезает само понятия коннотации (Стернин, 2013).

Ряд ученых (Васильев, 1990; Загоровская, 1990; Цоллер, 1996; Гак, 1997 и др.) говорят о неразрывности оценочного и эмоционального компонентов в семантике слова. Семантические категории оценочности и эмотивности рассматриваются, как правило, в рамках категории экспрессивности, которая выступает как лексическая «суперкатегория», обобщающая чисто семантические категории, отражающие различные аспекты познавательной, аксиологической и психической деятельности человека, проявленные в акте номинации (Лукьянова, 1986), поскольку в семантике экспрессивного слова все названные свойства взаимодействуют, формируя коннотативное содержание и обуславливая его «не нейтральность» (например, *слюнтяй* - крайне безвольный человек, и это плохо (оценочность), служит основанием для презрительного отношения к такому человеку (эмотивность)).

Стоит отметить, что вне зависимости от компонентного состава роль коннотативного значения лексических единиц весьма велика, так как в нем закодированы все эмоциональные факторы, превращающие процесс обмена информацией в реальное общение.

Кроме того, коннотация рассматривается некоторыми учеными как семантическая доля, несущая информацию о национальной специфике реалии, и трактуется как «лексический фон» (см. работы Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова).

Таким образом, данный компонент, по мнению исследователей в области лингвистики эмоций, является не менее значимым по своей важности, нежели денотативный, или логико-предметный, компонент значения слова. Ср.: «Мы понимаем и чувствуем одновременно, так как оцениваем и переживаем одновременно с названием объекта оценки» (Шаховский, 1983, с. 17).

Эмоционально-оценочные лексические единицы, в состав структуры которых входят эмотивные и оценочные семы, определенным способом проявляют себя в процессе общения. Однако И.Р. Гальперин и В.И. Шаховский считают, что существуют определенные единицы языка, в которых доля эмотивности преобладает над логико-предметным значением (напр., междометия, бранная лексика и различного рода восклицания (Гальперин, 1981, с.67; Загоровская, 1990; Шаховский, 2002).

Отмеченный факт позволил В.И. Шаховскому выделить три семантических статуса эмотивности: 1) статус денотативной эмотивности (эмотивное значение слова), при котором эмотивная семантика выступает первичным фактором и единственным содержанием семантики слова (аффективы); 2) статус факультативной эмотивности (коннотация слова), предполагающий лексические единицы, в структуре которых эмотивность реализуется в статусе коннотации и является вторичной по отношению к логико-предметной семантике слова; 3) статус потенциальной эмотивности (эмотивный потенциал слова), охватывающий две группы лексических единиц: первые имеют в структуре языковую эмотивность (слова-символы, название товаров, магазинов и т. д.); эмотивность вторых зависит от эмоциональной ситуации (Шаховский, 2008).

В основе классификации эмоционально-оценочной лексики, по мнению Л.Г. Бабенко, должен лежать принцип строгого соблюдения «иерархии сем эмотивности разного ранга и иерархии зависимости их от вышерасположенных сем» (Бабенко, 1989, с. 62).

В целом, данная концепция находит свое отражение в типологии, представленной в работе С.К. Табуровой, которая выделяет следующие группы эмотивов: 1) аффективы - слова, содержащие исключительно семы эмоциональности и характеризующие высшую степень эмоциональности говорящих (лексика обзывания и ласкания, бранная лексика); 2) коннотативы - слова, эмотивная доля значения которых является компонентом, т. е. сопутствует основному логико-предметному значению (напр., словообразовательные дериваты разных типов, зоолексика с чужими денотатами, эмоционально-окрашенная разговорная лексика); 3) сленгизмы, жаргонизмы, вульгаризмы, выступающие нейтральными в языке своего микросоциума, но эмотивными - в кодифицированном литературном языке; 4) экспрессивы – языковые единицы, увеличивающие воздействующую силу за счёт сем усиления, образности и т. д. (напр., метафоры, паремии, аллюзии другие лексические средства, обладающие ярко выраженным эмотивным потенциалом; идиомы, в семантической структуре которых выделяется три типа модальности: рационально-оценочная, деонтическая и эмотивная, выражаемая диапазоном чувств, ограниченных двумя полюсами - «плюс» и «минус») (Табурова, 1999, с.101).

В работах некоторых исследователей приводится следующая классификация эмоционально-оценочных слов: а) в самом значении слова заключён элемент оценки; б) оценка заключена в переносном значении слова; в) субъективную оценку выражают суффиксы (Касаткин, 1991; Жеребило, 2010).

О.В. Загоровская признает, что наличие в семантической структуре словесных единиц выраженных эмоциональных и оценочных сем целесообразно использовать в качестве основного критерия при определении границ экспрессивной лексики. Автор отмечает, что анализ материала словарей и речевых произведений показывает, что в современном русском языке существует минимум три разряда слов, в семантике которых эмоциональные и оценочные компоненты всегда играют ведущую роль:

1. Эмоционально-экспрессивные слова, коннотативный компонент которых включает в себя выраженные семы эмоциональности, оценочности и стилистической отнесенности (напр., *плут* - с эмоцией неодобрения и отрицательной оценкой о хитром и изобретательном обманщике или человеке коварном). К выделенному разряду экспрессивной лексики относятся также эмоциональные обращения типа *голубушка, милочка*, в которых эмоциональность «поглощает» все остальные компоненты значения.

2. Образно-экспрессивные слова, в семантическую группу которых помимо денотативных и коннотативных эмоционально-оценочных сем, входит выраженная сема образности. К данной группе относятся слова с яркой внутренней формой (напр., *крохобор, лизоблюд* и др.), семантические производные номинативных лексем (напр., *орел, змея* - о человеке), изобразительные слова (напр., *фифа, охламон* и др.).

3. Экспрессивно-стилевые слова, в семантической структуре которых особую значимость имеет компонент стилевой отнесенности, подкрепленный семами эмоциональности и оценочности. Сопоставляя образную и экспрессивную лексику русского языка, автор отмечает, что не существует жесткой связи между образностью словесной единицы и ее экспрессивностью, образное не всегда является экспрессивным и наоборот (Загоровская, 1983, с.17-18).

И всё же, по мнению О.И. Блиновой, эмоциональность и экспрессивность, органически связаны с образностью. Образные и полуобразные слова составляют ядерную группу эмоциональных и собственно экспрессивных слов (напр., существительных со значением лица *шкурник, лежебока* и т.п.) (Блинова, 1983, с.4-5).

Так современная лингвистика подходит к описанию эмоционально-оценочной лексики.

1.3. Роль оценочной лексики в характеристике персонажа художественного текста

В настоящее время лингвисты уделяют большое внимание роли эмоционально-оценочной лексики, называющей человека, в структуре художественного произведения.

Обозначение образа человека в литературном произведении представляет собой одну из важных проблем современной лингвистики. В контексте художественного произведения номинирующие персонажа лексемы, помимо функции идентификации, приобретают новые, художественно-стилистические функции. Здесь поэтапно происходит сначала конкретизация, затем усложнение их значений в пределах микро- и макроконтраста, теснее и прочнее становится связь между номинацией персонажа и референтом.

Входя в художественный текст, номинация персонажа приобретает семантическое обогащение и начинает выступать в качестве сигнала, актуализирующего обширный комплекс определенных ассоциативных значений. Она может указывать на социальный статус персонажа, его национальную принадлежность и, кроме того, обладать определенным историко-культурным ореолом.

Имя персонажа может предопределять формы его поведения в тексте и отражать определенную точку зрения (повествователя или другого персонажа), а также служить ее сигналом. Смена имени героя обычно связана с развитием сюжета в тексте.

Говоря о художественной семантике лексем, называющих персонажа, хочется отметить, что каждая единица художественного произведения вносит свою долю в построение образно-семантического строя произведения. Эта «доля» и составляет основу художественного значения речевой единицы. Следовательно, художественное произведение представляет собой уникальный целостный организм, состоящий из компонентов, каждый из

которых отражает его специфические свойства, т.е. образную структуру произведения.

Писатель подбирает либо конструирует и все компоненты ономастического пространства произведения. Он знает характеры, занятия, душевные и физические данные персонажей. В этой ситуации имя не может не войти в какие-то связи с уже известными свойствами персонажа и задачами произведения. Эти связи могут оказаться многоплановыми и разнообразными, но они не всегда специально запланированы, осознанно введены автором. Имя в художественном произведении может сказать больше, чем задумал писатель (Карпенко, 1986, с.36).

Язык художественного текста живет по своим собственным правилам, которые отличаются от жизни живого языка, «он имеет особые механизмы возникновения художественных смыслов». О специфике слова в художественном тексте писали многие лингвисты, в том числе и А.М. Пешковский, А.А. Потебня, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.П. Григорьев, Д.Н. Шмелев и другие исследователи. Они подчеркивали, что слово в художественном тексте, из-за своеобразных условий функционирования, семантически реформируется, включает в себе добавочный смысл. В художественном тексте не только имена собственные, но и любые лексические единицы приобретают новые коннотации, получают семантические приращения, в результате чего возникает художественно-лексическое (индивидуально-художественное) значение слова, которое может в значительной степени отличаться от его общеязыкового значения. В частности, могут приобретать эмоционально-оценочное значение нейтральные единицы лексической системы языка.

Вследствие этого при анализе художественных текстов особенно важно разграничивать оценочность речевую (контекстуальную, ситуативную, индивидуальную) и языковую, закрепленную в языковом значении данной лексемы. Речевая индивидуальная оценочность проявляется при употреблении языковых единиц в речи автора и персонажей. Оценочная

лексика посредством разграничения по признаку хорошо/нормально/плохо отражает субъективное видение мира рассказчиком/говорящим. Субъект речи при этом предстает как «человек мыслящий (приписывающий ценность на основе познанного другими и познаваемого им самим), чувствующий (испытывающий положительные, отрицательные эмоции либо безразличие) и действующий – говорящий (выражающий свое ценностное отношение и воздействующий им на окружающих) одновременно» (Синепупова, 2006, с. 8).

Сложный и комплексный характер оценочной номинации человека в художественном произведении «исключает изолированное рассмотрение отдельных имен и выдвигает в качестве предварительного условия для их изучения учет разнообразных факторов, так или иначе влияющих на формирование имеющихся систем, учет лингвистических и экстралингвистических связей отдельных типов имен, связей онимических типов друг с другом и с апеллятивной лексикой» (Теория и методика ономастических исследований, 1985, с.14).

Многие ученые признают, что экспрессивно не обозначенных текстов не существует, так как любой текст может и способен оказывать конкретное воздействие на сознание и поведение читателя, потому что именно эмоциональность способствует достижению цели речевого сообщения и предопределяет воздействие текста на реципиента.

Количество оценочных и экспрессивных языковых средств в тексте не обуславливает экспрессивный эффект восприятия текста, а всего лишь увеличивает вероятность его возникновения. Кроме того, помимо особых языковых средств, а именно оценочных, эмотивных, связанных с определенным образом, стилистически маркированных, экспрессивной может оказаться любая нейтральная единица языка, которая зависит от целей автора, от контекстуальной ситуации. В рамках эмотивного текста логико-предметное значение нейтрального в эмоциональном плане слова может

утрачиваться, и оно трансформируется в контекстуальный эмотив или даже аффектив.

Источники возникновения оценочности и эмотивности текста многообразны и по-разному трактуются исследователями. Главным источником оценочности и эмотивности текста считаются собственно эмотивно-оценочные языковые средства. Способы манифестации эмотивно-оценочных ситуаций в художественном тексте разнообразны: «от свернутых и минимально развернутых до максимально развернутых».

Основываясь на коммуникативном подходе, В.А. Маслова указывает, что важнейшим источником эмотивности текста является его содержание. По ее мнению, «содержание текста является потенциально эмоциогенным, потому что всегда найдется реципиент, для которого оно окажется лично значимым. Эмоциогенность содержания текста - это, в конечном счете, эмоциогенность фрагментов мира, отраженных в тексте» (Маслова, 1995).

Эмотивно-оценочное содержание текста реализуется на двух уровнях - уровне персонажа и уровне его создателя-автора: «целостное эмотивное содержание предполагает обязательную интерпретацию мира людских эмоций (уровень персонажа) и оценку этого мира с позиции автора с целью воздействия на этот мир, его преобразования» (Маслова, 1995). В структуре образов персонажей открывается многообразие эмотивных смыслов (мир персонажа в различных обстоятельствах, в отношениях с другими персонажами). При этом в эмоциональном круге любого персонажа выделяется «эмоциональная доминанта» - преобладание какого-то эмоционального состояния, свойства, направления над остальными.

Центром каждой ситуации является субъект оценки - автор, персонаж, читатель. Далее устанавливается связь «субъект - объект(ы) оценки». Количество субъектов и объектов оценки зависит от сюжетной и концептуальной сложности произведения. В текстах небольшого объема оценочных ситуаций меньше, чем в крупных формах. Доминирующей ситуацией является та, в центре которой стоит автор. В каждой ситуации, для

каждой пары «субъект - объект» определяется характер (вид) оценки по разным основаниям (Марьянчик, 2013, с.102).

Оценка может быть выражена имплицитно и эксплицитно. Об эксплицитной оценке можно говорить в том случае, если оценочные смыслы текста однозначно интерпретируются адресатом, а результаты оценочной интерпретации находят подтверждение в вербально выраженных элементах. Понятия «имплицитная, скрытая, опосредованная, косвенная оценка» имеют общее содержательное ядро: она не имеет прямых вербальных маркеров и интерпретируется на основании аксиологической картины мира адресанта/адресата.

Персонаж – главный участник всех событий, а не зритель, поэтому в художественном тексте много места уделяется межличностным отношениям. Персонаж не только раскрывает происходящее, но и выражает свое отношение к окружающему миру, оценивает себя, других действующих лиц, ситуации и события.

Авторская точка зрения выявляется из композиционного соположения контрастных фрагментов, иронии, гиперболы, повторов, актуализации синсемантических слов, заголовка и т.д. (Кухаренко, 2011, с. 192). Задача автора художественного произведения состоит в том, чтобы через художественный образ выразить свое отношение к миру, дать ему оценку с позиций своего идеала (Малахова, 1992, с. 8-12).

У писателя много средств для раскрытия характера действующего лица, для мотивировки его развития: поступки и высказывания персонажа, портрет, мнения о нем других героев и др. Среди всех средств литературного изображения (описание наружности, окружающей обстановки, жестов, поступков, переживаний, относящихся к нему событий) особое место занимают внешняя и внутренняя речь действующих лиц. Следуя классификации М.М. Бахтина, можно выделить три типа речи: прямо, непосредственно интенционное слово (называющее, сообщающее, рассчитанное на непосредственно предметное понимание);

изображенное/объектное слово (самый распространенный вид - прямая речь героев, слово изображенного лица); а также двухголосое слово:

1) однонаправленное двухголосое слово (чужая словесная манера используется автором, интенции автора проникают внутрь чужого слова, делая его в большей или меньшей степени условным, авторская интенция пользуется чужим словом в направлении его собственной интенции): а) стилизация (авторская интенция, проникнув в чужое слово и поселившись в нем, не приходит в столкновение с чужой интенцией, а следует за ней в ее же направлении); б) рассказ рассказчика; в) необъектное слово героя - частичного носителя авторских интенций; г) рассказ от первого лица;

2) разнонаправленное двухголосое слово (авторская интенция прямо противоположна чужой интенции: а) пародия со всеми ее оттенками; б) пародийный рассказ; в) пародийный рассказ от первого лица; г) слово пародийно изображенного героя; д) всякая передача чужого слова с переменной акцента; 3) активный тип (отраженное чужое слово) (чужое слово остается за пределами авторской речи, но авторская речь его учитывает и к нему отнесена: а) скрытая внутренняя полемика; б) полемически окрашенная автобиография и исповедь; в) всякое слово с оглядкой на чужое слово; г) реплика диалога; д) скрытый диалог;

3) реплика диалога. Момент ответа и предвосхищения глубоко проникает внутрь напряженно-диалогического слова. Такое слово как бы вбирает, впитывает в себя чужие реплики и их интенции, направленно их перерабатывая. Семантика диалогического слова совершенно особая. Учет противослова производит специфические изменения в структуре диалогического слова, делая его внутренне событийным и освещая самый предмет слова по-новому, раскрывая в нем новые стороны, недоступные слову монологическому (Бахтин, 1979, с. 77).

Речь персонажа как компонент художественной системы, организованной образом автора, отражает концептуально значимые фрагменты моделируемой картины мира, осмысляемой и оцениваемой

автором. Концептуальный анализ содержания чужой речи не только характеризует языковые личности героев, но и позволяет выявить внутреннюю логику содержащегося в тексте сообщения, способствует выявлению авторской позиции. Именно слово и реализованные с его помощью понятия и образы отражает формирование и развитие важнейших представлений о мире автора и его героев. Исследование развития содержания концептов в речи персонажей и складывающаяся в системе художественного целого оценка персонажа показывает, что эстетический смысл чужого слова оказывается весьма существенным и для выражения авторской системы ценностей.

Речевая характеристика героев, а также, в меньшей степени, речь персонажа несут большую смысловую нагрузку и являются неотъемлемым фактором для определения авторского отношения к героям. «Слова, словосочетания, предложения, вступая в семантические отношения друг с другом, раскрывают авторскую установку. Авторское слово, даже не будучи сгруппированным вокруг формального местоименного ядра (я, мы), откликается на слово героя, вовлекается в его орбиту. Одновременно происходит композиционное расширение авторского кругозора, сознание автора-повествователя не только с какой угодно пространственно-временной позиции панорамирует внешний мир, но и получает способность совмещаться с сознанием каждого из героев» (Волков, 2001, С. 37).

Выразительным стилистическим приемом, несомненно и сильно влияющим на интерпретацию читателем образа-персонажа, являются его номинации, вычленимые в тексте как некая цепь; часто можно говорить о системе номинаций.

Выбор номинации в каждой конкретной ситуации мотивируется многими факторами, в частности, учитывается воздействие данного слова, словосочетания на собеседника, слушателя. Так, номинация может быть средством оправдания или осуждения, хвалы или хулы.

Произведения А.П. Чехова, в которых эмоционально-оценочная лексика служит средством маркировки положительных и отрицательных героев, в этом смысле являются показательными. В художественном тексте А.П. Чехова оценка также свойственна тем эпизодам дискурса, которые связаны со сферой мнений героев или с необходимостью принимать решения в непростых жизненных обстоятельствах. Именно в этих эпизодах проявляются ценностные ориентации личности и создается интенциональный контекст

В структуре текста оценочные средства (чаще всего лексические) способны выступать в функции ключевых слов, поскольку они определяют доминирование интенционального плана текста и служат смысловыми вехами, создающими, по образному выражению А.И. Новикова, «рельеф формирующегося в сознании...семантического пространства» (Новиков, 2000, с. 23). В трансдискурсивной позиции оценки, с одной стороны, служат цели выражения эмоционального состояния персонажей, экспликации их внутреннего мира, а с другой – способствуют выявлению авторских интенций, правильной интерпретации смысла текста.

Эмоционально-оценочная лексика в художественном тексте выполняет несколько функций, главными из которых являются выражение эмоционально-оценочного содержания и тональности текста. К частным текстовым функциям эмоционально-оценочной лексики относятся: создание психологического портрета образа персонажей («описательно-характерологическая функция»); эмоциональная интерпретация мира, изображенного в тексте, и его оценка («интерпретационная и эмоционально-оценочная функции»); обнаружение внутреннего эмоционального мира образа автора («интенциональная функция»); воздействие на читателя («эмоционально-регулятивная функция») (см. работы Ю.Бондалетова, Ю.А.Карпенко, В.Н.Михайлова, Е.П.Шейниной, В.В. Катерминой, Э.А.Лавровой и др.).

Роль эмоционально-оценочных лексем, реализующихся в произведении, обуславливается суммой и взаимосвязью обозначенных функций. Поэтапное их раскрытие позволяет определить роль эмоционально-оценочной лексики в стиле писателя в целом. Средства выражения оценки выполняют важную прагматическую роль, поскольку выражают интенции автора и создают предпосылки адекватного восприятия читателем авторского замысла.

Выводы.

Оценка - это сложное явление, которое реализуется сознанием субъекта при восприятии и обработке информации о внешнем мире и соотносится с внутренним миром человека, отражая «картину мира», представленную множеством других категорий, смежных с оценкой (градуальности, модальности, состояния, отрицания и др.).

Анализ различных трактовок сущности оценки показал, что реальному положению вещей в наибольшей степени соответствует точка зрения, согласно которой «в оценке семантический и прагматический аспекты неразделимы, все стороны ее функционирования отражают слияние семантики (собственного значения языковых единиц, включая высказывание в целом) и прагматики (условий реализации процесса коммуникации)» (Вольф, 1985, с. 203). Соответственно, оценку в одинаковой степени можно определить и как прагматическую категорию (воздействие на реципиента), и семантическую (специфика содержания языковых единиц).

Языковая оценка – это социально устоявшееся и закреплённое в семантике языковых единиц положительное или отрицательное отношение субъекта (лиц, лица, коллектива) к объектам действительности. Наиболее общее членение оценочных значений предполагает наличие в языке двух противопоставленных типов: общеоценочного и частнооценочного. Первый тип представлен в языке «прилагательными хороший и плохой, а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (прекрасный, превосходный, великолепный, отличный, замечательный и др.).

Эти прилагательные выражают <...> аксиологический итог» (Арутюнова, 1988, с. 75). Вторая группа является более обширной и разнообразной, «в нее входят значения, дающие оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения» (там же..., с.75).

Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки, подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом. Всякое оценочное суждение предполагает субъект суждения, т.е. то лицо (индивидуум, социум), от которого исходит оценка, и его объект, т. е. тот предмет или явление, к которому оценка относится.

Оценка - это категория, тесно связанная с эмоциональностью. Эмоциональность и оценочность являются неразрывными категориями: эмоциональность предопределяет возникновение оценки, которая в свою очередь и находит лексическое выражение, основываясь на эмоциональном отношении к предмету. Признавая действительно тесную связь этих двух явлений, исследователи считают, что оценки и эмоции представляют собой различные ментальные пространства, имеющие обширное поле пересечения характеристик, но отличающиеся по своим онтологическим показателям.

С точки зрения семной семасиологии, оценка может быть как коннотативной, так и денотативной. Языковые выражения, содержащие оценочную сему в денотативной части значения, реализуют интеллектуально-логическую оценку, оценку «в чистом виде»; присутствие наряду с оценочной семой в ядерной части эмотивной семы в поле коннотации ведет к выражению одновременно и эмоции, и оценки: оценочная сема связана с сущностной стороной обозначаемого объекта, эмотивная – с переживаемой говорящим эмоцией.

Оценка может быть выражена любой частью речи, однако именно существительные «характеризуют объект, выявляя основание оценки и делая оценочное суждение более категоричным: эмоциональные оценки непосредственно приписываются объекту, а не передаются через характеристику его действий или свойств.

Эмоционально-оценочная лексика играет особую роль в выражении «ценностных ориентиров» личности и социальной группы, пользующейся тем или иным языковым образованием, и, следовательно, имеет особую культурологическую ценность. С помощью характеризующих имен можно передать широкий спектр чувств-отношений говорящего к именуемому лицу, охарактеризовать человека по особенностям его внешнего облика, по умственным способностям, чертам характера, по поведению и т.д.

Обозначение образа человека в литературном произведении представляет собой одну из важных проблем современной лингвистики. Входя в художественный текст, номинация персонажа становится семантически обогащенной и начинает выступать в качестве сигнала, возбуждающего обширный комплекс определенных ассоциативных значений. Она может указывать на различные характеристики персонажа и, кроме того, обладать определенным историко-культурным ореолом.

При анализе художественных текстов особенно важно разграничивать оценочность речевую (контекстуальную, ситуативную, индивидуальную) и языковую, закрепленную в языковом значении данной лексемы. Речевая индивидуальная оценочность проявляется в употреблении языковых единиц в речи автора и персонажей.

Оценка может быть выражена имплицитно и эксплицитно. Можно говорить об эксплицитной оценке в том случае, если оценочные смыслы текста однозначно интерпретируются адресатом, а результаты оценочной интерпретации находят подтверждение в вербально выраженных элементах. Понятия «имплицитная, скрытая, опосредованная, косвенная оценка» имеют общее содержательное ядро: она не имеет прямых вербальных маркеров и интерпретируется на основании аксиологической картины мира адресанта/адресата.

Эмоционально-оценочная лексика в художественном тексте выполняет несколько функций, главными из которых являются выражение эмоционально-оценочного содержания и тональности текста. К частным

текстовым функциям эмоционально-оценочной лексики относятся: создание психологического портрета образа персонажей («описательно-характерологическая функция»); эмоциональная интерпретация мира, изображенного в тексте, и его оценка («интерпретационная и эмоционально-оценочная функции»); обнаружение внутреннего эмоционального мира образа автора («интенциональная функция»); воздействие на читателя («эмоционально-регулятивная функция»).

Роль эмоционально-оценочных лексем, реализующихся в произведении, в структуре художественного текста обуславливается суммой и взаимосвязью обозначенных функций. Поэтапное их раскрытие позволяет определить роль эмоционально-оценочной лексики в стиле писателя в целом.

ГЛАВА II

ОЦЕНОЧНЫЕ НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ А.П.ЧЕХОВА

2.1. Тематическая организация оценочных номинаций

действующего лица и особенности их употребления в прозе А.П. Чехова

Анализ оценочных номинаций персонажа, представленных в прозе А.П. Чехова, показал, что эти номинации могут выражать: а) общеоценочное значение, когда положительно или отрицательно оценивается человек в целом и раскрывается отношение к нему субъекта речи; б) оценку определённого качества, свойства человека.

Общая, то есть положительная или отрицательная оценка человека в целом, представлена существительными ряда тематических групп. Рассмотрим их подробнее.

2.1.1. Оценочные наименования человека по полу, возрасту, родственным и дружеским отношениям, социальному положению, профессии и роду занятий, этнической принадлежности

- **общие наименования** человека:

субъект, особа, персона, человек, человечика, человечина, народец и др.

В художественных произведениях А.П. Чехова для именованя лица мужского пола (в том числе в позиции первичной номинации) могут использоваться оценочные имена нарицательные, содержащие весьма общую информацию о персонаже (напр., *тип, фигурка, человечика, человек, людишки* и т.п.). Ср.: «*Около возов...ходит старец-любитель в меховом картузе, железных очках и калошах, похожих на два броненосца. Это, как его называют здесь, «тип» («В Москве на Трубной площади»); «В передней юркнула маленькая мужская фигурка с большой лысиной и в коричневом сюртуке» («Приданое»); «Бывало, при гимназистах говорить боялся, чтоб глупости не сказать, а теперь даже с князьями фамильярничают... Дрянной человечика!» («Mari d'elle»); «Вы изволили поселиться в нашей части*

света по соседству со мной, мелким человечиком» («Письмо к ученому соседу»); «Нет, это не он! – думал я, глядя на одного маленького человечка в заячьей шубенке» («Двое в одном»); «Вслед за полной дамой семенил маленький, худенький человечек» («Последняя могижанша»); «Бедность, ежеминутно оскорбляемое самолюбие, оскорбляемое... кем? Ничтожными людишками, разными Фуровыми, поварами, купчишками» («Цветы запоздалые»).

В некоторых случаях оценка субъекта обуславливается оценочным определением, выраженным именем прилагательным: «В кабинет доктора входит тусклая личность с матовым взглядом и катаральной физиономией» («Драматург»).

- номинации по **половому** признаку: баба, бабенция, бабёнка, мужичонка и т.д. Например:

«Перед судебным следователем стоит маленький, чрезвычайно тощий мужичонко в пестрядинной рубахе и латаных портах» («Злоумышленник»); «Другой – маленький мужичонка со старческим лицом, тощий, рябой» («Мертвое тело»).

«Я человек холостой, бабенции у меня не полагается» («Закуска»); «Славная, говорит, у тебя бабенка» («Дурак»);

- наименования по **возрастным** характеристикам:

бабуся, старичок, старикашка, старче, старуха, старушка, старушонка, мальчишка, девчонка, мелюзга, ребёночек, карапузик, мальчишка, мальчуган, молокосос, юнец, дева, младенчик, деточки, парнишка и др. Например:

«Девчонка, сентиментальная кислятина, не уважила просьбы того, без которого рухнул бы этот дрянный сарай» («Месть»); «...приходит к нему однажды моя матушка покойница и просит его, старушечка, чтоб он сынка, меня то есть, на два дня к тетушке отпустил, наследство делить» («Торжество победителя»). «Петя, двенадцатилетний мальчуган в сером костюмчике расшаркивается и лезет в шкаф за тетрадками» («Репетитор»);

«Он увидел, что старичок, сидевший впереди него, в первом ряду кресел, старательно вытирал свою лысину и шею перчаткой («Смерть чиновника»);

Ср. также: *паренек* («За яблочки»), *молодчик* («В бане»), *старушонка* («В вагоне», «Сельские эскулапы», «Канитель»), *старушенция* («Нытьё»), *старичок* («Зеленая коса», «Шведская спичка», «Симулянт»), *старикашка* («За яблочками», «Цветы запоздалые»), *старче* («Верочка») и др.

- номинации по родственным и дружеским отношениям:

братец, маменька, мамаша, матушка, тётенька, тётушка, дяденька, братец, сестрица, сестрёночка, внучек, братуша, сыночек, супруга, супружница, дружок, кумушка, женишок, папочка, папенька и др. Например:

«Пришлешь мне чай сюда, мамочка» («Живой товар»); «Матушка, ангельчик мой... Не плачьте-с» («Драма на охоте»); «В Курске и амурчик есть, а! Женишок» («Баран и барышня»); «Мой тестюшка, как зюзя... Нахлестался, сволочь» («Дурак»); ср. также: *доченька крестненькая* («Леший»).

Следует отметить, что некоторые номинации типа *отец мой, батюшка, мать моя, матушка, брат/братец, дядюшка* и др. в роли апеллятивов не предназначаются для обозначения родства: «Э-э-эх! Мужик, братец, ты! Невежа ты!» («Певчие»); «Экий ты дурак, братец!» («Репетитор»); «Нет, братцы, поживу с вами еще немного и уеду к себе на хутор и буду там раков ловить и хохлят учить» («Человек в футляре»).

Подобные «обращения-регулятивы ничего не сообщают об адресате, а служат для привлечения внимания, передачи определенного отношения, создания определенной тональности общения» (Яковлева, 2000, с. 337).

-наименования по социальному положению:

аристократишка, барынька, дамочка, князенька, князёк, купчишка, паничек, чиновша, чиноврал и др. Например:

«...на диване, обитом малиновым бархатом, полулежит хорошенькая дамочка» («Загадочная натура»); «Наш какой-нибудь аристократишка поедет к ним и живо по-ихнему брехать научится» («Дочь Альбиона»);

«Хозяйка дачи – жена не то грузина, не то черкеса князька» («Зеленая коса»); «Рационально, индифферентно, субъективно... Так и сыпет, шельма! Каков плебей» («Цветы запоздалые»); «Все чиноши собрались и насчет сегодняшних визитов рассуждали» («Драма на охоте»);

-наименования **по профессии и роду занятий:**

жандармик, солдатика, гимназистика, реалистика, нянька, адвокатик, студиоз, певичка, актёришка, попик, лекаришка и т.д.

«...выбрали мы, братец ты мой, для графского мундира одного подходящего жандармика» («Капитанский мундир»); «Впереди толпы прыгает маленький солдатик в старой шинелишке и с шапкой набекрень» («Ряженые»); «Боже мой! Какой-нибудь лекаришка, дрянь, вчерашний лакей, делает нам предложение! Благородный» («Цветы запоздалые»).

Отрицательно-оценочный потенциал подобных номинаций может усиливаться за счет контекстного употребления перед ними диминутивных прилагательных (маленький солдатик, маленький попик) или неопределенных местоимений (какой-нибудь лекаришка).

- номинации **по этнической принадлежности:**

армяшка, немчура, французик, жид, жидовка, жиденята, еврейчик, хохлятки и др. Например:

«Жид-кабатчик с шумом запер окна и над дверью вывесил засаленный фонарик» («Барыня»); «Я его и так, и этак, и жидом, и пархом, и свинячье ухо из полы делаю» («На чужбине»); «Вчера я познакомился с князем Тер-Гаймазовым... Душа человек, хоть и армяшка!» («Живой товар»); «С ним разделяет трапезу чистенький, гладко выбритый старик французик, т-г Шампунь» («На чужбине»); «Пусть спит, немчура... – думал он» («Нервы»).

Среди экспрессивных этнонимов можно отметить составные наименования. Ср.: «Ты что же это, скотина, принес? - спросил он у Кербалая, медленно выговаривая каждое слово. - Я приказывал тебе подать кварели, а ты что принес, татарская морда?» («Дуэль»); «Как же ты это

ходишь, чёрт голландский, - рассердился Звиздулин, с остервенением глядя на своего партнера» («Винт»).

Подобные наименования являются отрицательно окрашенными, однако вполне очевидно, что данная оценочная характеристика относится не к народу в целом, а лишь к отдельным представителям той или иной национальности.

Помимо номинаций, репрезентирующих общую оценку персонажа, в художественной прозе А.П.Чехова используются оценочные номинации отдельных свойств и качеств человека. По их тематической отнесённости выделяются следующие группы.

2.1.2.Оценочные номинации лица, указывающие на особенности внешнего вида

Одной из ключевых характеристик человека, оказывающих влияние на его восприятие окружающими, является внешность. Известно, что качественная характеристика наиболее ярко проявляет себя при восприятии внешности, а также манер и поведения личности.

Данная тематическая группа представлена рядом подгрупп:

2.1.2.1. Оценочные номинации, содержащие указание на физические характеристики человека

- внешнюю **привлекательность** или **непривлекательность**: *афродита, картина писаная, красавица, очаровательница, розан, персик, прелесть, херувимчик; кикимора, кривуля, крокодил, мурло, тритон, урод, чудовище, лысая образина* и т.д.

Как известно, особенности внешности человека могут вызвать у окружающих антипатию/ симпатию, расположение; произвести сильное положительное/ отрицательное эмоционально - эстетическое воздействие.

Оценочные лексемы, содержащие указание на особенности лица, его формы и выражения, имеют в своей семантической структуре денотативные семы, информирующие о привлекательности/ непривлекательности человека. Например: *«Он всеми уважаем, - сказала княгиня, плача и не утирая слез, -*

всеми любим, богат, красавец, везде принят» («Цветы запоздалые»); «Англичанин подошел к кровати и спросил о чем-то у красавицы» («В море»); «Садитесь, очаровательница, — сказал Петр Дмитрич, опускаясь на сено и потягиваясь» («Именины»).

«Карточкам ее не верьте: она урод» («Он и она»); «А там, внизу, что еще за рожка? Батюшки, следовательно!» («Шведская спичка»); «Как будто это вошли не люди, а чудовища» («Мужики»).

Среди слов данной подгруппы нередко встречаются наименования, образованные путем метафорических и метонимических переносов. Ср.: «Стоит, чучело, и бельмы на воду тарачит» (Дочь Альбиона); [«чучело - перен.; безобразное, нелепое существо (простореч. бран.)» (ТСУ, т.4)]; «...вдруг видим Афродита новая возродилась из пены: ходит подбоченясь, хохочет, поёт, пляшет...» («Человек в футляре»).

Для характеристики действующего лица в художественной прозе А.П. Чехова используются также оценочные фразеологизмы: «Да, - согласились поминавшие, - она у вас действительно была красавица...Женщина первый сорт» («В почтовом отделении»).

Определения, сопровождающие оценочные номинации лиц в чеховском контексте, также дают информацию об эмоциях, возникающих у субъекта оценки в результате восприятия объекта. Ср.: «Она, маленькая, хорошенькая блондиночка, сидела у себя в кабинете на маленькой кушеточке» («Благодарный»).

-особенности телосложения:

а) рост: *верзила, великан, великанище, дылда, цапля* и т.д.

«Верзила, с каланчу ростом, а плачешь...» («Актёрская гибель»; «Вы были такая тощая, длинноногая... и я дразнил вас цаплей» («Чёрный монах»); «цапля – перен.: очень высокий длинноногий человек»; «Его превосходительство Иван Прохорыч такая дылда... такая дылда» («Рассказ, которому трудно подобрать название»). В данном случае отрицательная

оценочность слова *дылда* усиливается благодаря стилистическому приему лексического повтора.

Указанная группа наименований, как правило, называет отрицательных персонажей, имеющих физические недостатки, которые писатель умело обыгрывает в иронических целях. Например: «*Штраль - маленький толстенький немец-карапузик, с уже заметной плешью на голове*» («Который их трех?»). В этом примере определения *маленький, толстенький* подчеркивают эмоцию уничижительности, содержащуюся в слове *карапузик* и реализованную в контексте, и усиливают негативное впечатление, производимое персонажем.

б) **степень полноты:** *мумия, скелет, щепка, голландская сельдь; боров, пузан, толстяк, толстячок, пампушка, булка, карапуз* и др.

«Пампушка, - сказала она, садясь на папашины колени, - я пришла к тебе, мой родной, посоветоваться» («Папаша»); «За карточным столом сидит толстяк во фраке, с трехэтажным подбородком и белыми руками» («Ряженые»); «Что позволялось этим толстопузам прежде, того не позволяют теперь» («Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало»);

«*Ишь, патлы распустил, шкилет!*» («В бане»).

Подобные номинации, имеющие, как правило, отрицательную окрашенность, нередко сочетаются с оценочными прилагательными: «Скелет чертов! Не лезь ко мне... со своею политикой» («Шведская спичка»);

в) **другие характеристики:** *богатырь, громадина, силач, буйвол, заморыш, здоровила* и т.д.

«*На козлах кареты сидит чудо-богатырь, с широкой окладистой бородой, в новом кафтане*» («Свадьба»); «*Нет, брат, такого буйвола, как ты, ни одна холера не берёт*» («Актёрская гибель»); «... *нигде вы не встретите столько чахоточных и всяких заморышей...*» («В усадьбе»).

2.1.2.2. Оценочные номинации, содержащие указание на особенности походки и телодвижений

В данную подгруппу входят слова, в семантике которых представлена информация об особенностях перемещения тела в пространстве, соотносимая с представлениями о ловкости, легкости, плавности/ грузности, неуклюжести, неповоротливости человека: *телепень, тюлень, корова, тумба, кувалда* и т.д. Например:

«Сидишь, как телепень, на одном месте, и ни шага вперед» («Живой товар»); ср.: «телепень – перен.; неповоротливый, вялый, неуклюжий человек; глупый человек, болван» (ТСУ, с.).

«Невежливо молчать, когда с вами говорит дама. Какой вы, однако, *тюлень*, Володя!» («Володя»); «тюлень – перен.; о неклюжем, неповоротливом человеке»; «*Марья-то корова? Ты этой самой корове и под башмак не годишься. Ступай*» («Барыня»); корова – перен.: крупная, нерасторопная женщина».

2.1.2.3. Оценочные номинации, содержащие указание на особенности одежды и ухода за своей внешностью

В данной подгруппе отмечены слова, содержащие отрицательную оценку, связанную с семей «неряшливость» (напр., *неряха, замазура, оборванец, растрепка* и др.) или семей «чрезмерная приверженность моде» (напр., *фат, фронт, щеголиха* и др.). Ср.: «Чем не тип? Неряха, локти продраны, косой... никогда не чешется» («Чтение»); «Нашли кого приглашать! Пьяница, буян, оборванец!» («В номерах»); «Так это настоящий граф! Непохож на вашего замазуру!» («Драма на охоте»); «...сами же будете сердиться, если жена ваша после венца придет к вам растрепкой» («Драма на охоте»).

Ср. также: «Фат, рисовался, как дурак какой-нибудь» («Филантроп») [«фат - франтоватый, самодовольный и пустой молодой человек, любящий покрасоваться; хлыщ, прохвост» (СОШ, с.735)]; «Была она *модницей*,

шеголихой, но тут в виду скорой смерти всё бросила и стала ходить *неряхой*» («Следователь»).

2.1.3. Оценочные номинации, характеризующие внутренние качества и особенности характера человека

Данная тематическая группа представлена рядом подгрупп, среди которых выделяются:

2.1.3.1. Оценочные номинации, содержащие указание на интеллектуальные свойства личности

Наиболее полно в рамках исследуемого материала представлены лексические единицы и фразеологизмы, служащие для оценки интеллектуальных свойств и степени образованности человека. Они могут выражать положительную оценку: *знаток, мудрец, умница, светлая голова, грамотей, гений*, например:

«Княгиня и Маруся переглянулись: какой он умница» («Цветы запоздалые»); *«Писатель подпирает кулаком свою многодумную голову, вздыхает и с видом знатока-психолога задумывается»* («Загадочная натура»); *«Коврин уже верил тому, что он избранник божий и гений»* (Чёрный монах»).

Однако гораздо чаще используются слова, содержащие отрицательную оценку, связанную с семами «ограниченность ума», «бездарный», «глупый». Так, слово *дурак* употреблено 123 раза, слово *болван* – 40 раз. Помимо указанных, в прозе А.П.Чехова использованы следующие лексемы с негативной оценкой интеллектуальных способностей и степени образованности: *балбес, баран, бестолочь, болван, глупец, дубина, дуралом, дура, дурак, дуралей, дурандас, идиот, невежда, неуч, осёл, пороха не выдумает, простофиля, толкач, тупица*. Например:

«С кем же ему говорить у нас? Я неуч, Жорж скрытен и всё молчит» («Цветы запоздалые»); *«Я дуррак, болван, рад, что на меня обратили внимание...»* («Тапёр»); *«Не понимает осёл, что если мы ходим на его вечера, то этим самым не он нам делает одолжение, а мы ему!»* («Тряпка»); *«Хотя*

я невежда и старосветский помещик, а все же таки негодник старый занимаюсь наукой и открытиями, которые собственными руками произвожу» («Письмо к ученому соседу»); ср.: «невежда - несведущий, малообразованный человек, но обычно с претензией на знание, неуч (неод.)» (ТСУ, т.2).

«Формалисты, филистеры! Я не выдержал и захохотал» («Двое в одном»); ср.: «филистер - ограниченный человек, отличающийся узким обывательским кругозором и ханжеским поведением» (СОШ, с.634); «Такое сочиню, что мне же потом и влетит. Бестолочь, чёрт возьми меня совсем!» («Мелюзга»); «Ты, говорят, дура, меня не любишь, так я тебя, говорят, за это убить желаю» («За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»).

2.1.3.2. Оценочные номинации, содержащие указание на соответствие/несоответствие морально-этическим нормам

К числу наиболее полно представленных тематических групп относится также лексика, оценивающая морально-этические качества человека.

Данная группа номинаций указывает:

а) на высокие моральные качества человека (честность, порядочность, милосердие и т.д.): ангел, благодетель, благодетельница, благородная душа, благородная натура, добрая душа, святая душа, добряк, золото, идеал, святыня и др. Например:

«...Если бы вы захотели, то могли сделать из меня всё, что вам угодно. Хоть ангела» («Володя большой и Володя маленький»); «Вы - благородная душа, честный, возвышенный человек!» («Моя жизнь»); «Луганович – это добряк...» («О любви»); Она для меня выше, чем жена! Выше! (Власич взмахнул руками). Она моя святыня» («Соседи»); «Дай-то бог! – вздохнул Евстрат Спиридоныч. – Негодяй, подлый человек, но ведь – благодетель!..» («Маска»).

б) низкие моральные качества.

Лексика, выражающая оценку низких моральных качеств человека, представлена в прозе А.П.Чехова очень широко. Наиболее частотными являются слова: *подлец* – 71 употребление, *скот, скотина* – 54, *негодяй* – 51, *свинья* – 49, *мерзавец* - 42. Данные лексемы являются синонимами и употребляются для номинации непорядочного, подлого человека. Например:

*«Я не выношу шпиона, **негодяя, подльца** и друга твоего Пшехоцкого и во имя наших хороших с тобой отношений требую, чтобы его не было здесь сейчас же!»* («Драма на охоте»); *«Как оштрафуют его, **мерзавца**, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот»* («Хамелеон»); *«Знаешь, дядя, хотя ты и старик, но ты большая **скотина**»* («Без места»).

Менее частотными синонимами указанных лексем являются: *прохвост, гад, гадина, сволочь, тварь* и др. Например:

*«Ты должен быть подобен деду своему во всех своих поступках: на военную, **прохвост**»* («Забыл!»); *«Вы губите меня, развратная, сумасшедшая ... отвратительнейшая **гадина**»* («Два скандала»).

Кроме существительных, дающих общую оценку морального облика персонажа, используются также лексические единицы, указывающие на нарушение определённых моральных норм, что выражается в таких негативных проявлениях, как:

- **обман и мошенничество**: *брехун, вор, воровка, враль, выжига, бестия, жулик, каналья, лгун, лжец, мошенник, мазурик, мистификатор, надувала, плут, преступник, пройдоха, пролаза, симулянт, шантажист, шельма, шарлатан, шулер, ханжа* и др. Например:

*«Занимать денег станет – не давайте, потому что он **жулик**, хоть он и тютюлярный советник»* («Перед свадьбой»); *«Прежние посетители дома Приклонских, знакомые Маруси, называли теперь его (Егорушку) сиятельным **шулером**»* («Цветы запоздалые»); *«Не так, брат, за тебя рад, как за правоведа, за этого рыжего **каналью**»* («Perpetum mobile»); *«Похвалялся раз, **шельма**, в кабаке, что барина убьёт»* («Шведская спичка»); *«**Шарлатан** он, вот что-с! Ежели б поменьше баловался да*

побольше учился» («Папаша») [ср.: «шарлатан - невежда, выдающий себя за знатока, грубый обманщик» (СОШ, с.)].

- **карьеризм, интригантство, лесть, лицемерие и подобострастие:**
блюдолиз, карьерист, кляузник, лакей, подлипала, подхалим, приживал, прихвостень, прихлебатель, сплетник, сплетница, интриган, лицемер, фарисей, фискал, наушник, шептун, ябедник. Например:

«У лакея, Катькина **прихвостня**, засиял под носом красный фонарь («Петров день»); «На этом свете пятерки получают одними только гимназистками, богачами да **подлипалами**» («Папаша»); «Хотя с другой стороны ... свинья он порядочная, дурррак, **интриган, сплетник, пройдоха...**» («Бумажник»); «Я **наушник, шептун...** Ты думаешь, что Егорку Корнюшкина не через меня прогнали? Нешто не я? Гад, **фарисей...**» («Разговор человека с собакой»); «Бесстыдные **сплетницы!** Они привыкли видеть в людях только дурное...» («Драма на охоте»); «Это был **карьерист** не до мозга костей, а глубже» («Рассказ неизвестного человека»).

- **сластолюбие, разврат:** альфонс, блудник, блудница, вертефлюха, волокита, грешник, гризетка, донжуан, кокотка, ловелас, мышиный жеребчик, потаскуха, проститутка, развратитель, развратник, развратница, сводник, сладострастник, соблазнитель, содержанка, уличная женщина, шлюха. Например:

«И маменьки ваши **потаскухи** и вы. Заодно с этими **развратницами**. Это продажные-с! **Кокотки!**» («Живой товар»); «Никифор, по моему мнению, был более прав, величая Калерию Ивановну **шлюхой** и Кавалерией Ивановной» («Цветы запоздалые»); «Она староверка, он **развратник, безбожник**» («Шведская спичка»); «Какая же она **гризетка!** Скажите ей, что она **гризетка**» («Сельские эскулапы»); [«гризетка - молодая девушка (швея, хористка, мастерица и т.п.) легких нравов» (ТСУ, т.1)].

- **лень, нежелание трудиться:** бездельник, белоручка, дармоед, лежебока, лентяй, лодырь, паразит, туineaдец, шалаберник, шалопай и др. Например:

«Я *тунеядец*, взяточник, лицемер! Я гад!» (Разговор человека с собакой); «Так спят одни только *лентяи* да люди со спокойной совестью» («Драма на охоте»); «Здесь и все те серьезнейшие, умнейшие дельцы, которые в интимных беседах театр величают чепухой, а актеров *дармоедами*» («Опять о Саре Бернар»); «На что ей теперь жизнь, если на ее долю остались одни только глупцы, *тунеядцы*, кутилы («Цветы запоздалые»); «...да он у тебя *лентяй*, да он у тебя *дармоед*, да чего ты, дура, смотришь!» («Торжество победителя»); «Налижется там в клубе со своими *шалаберниками*, а потом и бурлит всю ночь! Я тебя ценю и люблю...» («Невидимые миру слёзы») [«шалаберник – бездельник» (СОШ, с. 734)]; «Помещик Алеутов и много множество помещиков, отставных, неотставных, веселых и скучных, *шалопает* и *брандахлыстов*» («Зеленая коса»); [«брандахлыст – перен. пустой, никчемный человек (прост.) (СОШ, с.)»]; «перен. бездельник (разг.-сниж.)» (БТС, с.274)].

-корыстолюбие, жадность: акула, взяточник, корыстолюбец, скопидомка, хапуга, скряга, грошовник и др.

В данной подгруппе представлены слова, содержащие отрицательную оценку, связанную с денотативными семами «жадный», «чрезмерно экономный» и др. Например:

«Из записок провинциального *хапуги*» («Праздничные»); «Михей Егорыч ехидно улыбнулся. А что, *акула*? – сказал он. Чья взяла?» («Петров день»); [«акула – перен.; тот, кто наживается на эксплуатации и ограблении кого-л., чего-л.; тот, кто агрессивно настроен по отношению к кому-л. (разг.)» (БТС, с.87)]; «А вдовица, известное дело, знает свою долю лучше хозяйской. *Скопидомка*.... Сахарку припрячет, чайку там, копеечку...» («Герой-барыня»); [«скопидом - тот, кто одержим страстью к накоплению, бережлив до скупости (разг.)» (СОШ, с.457)]; «Я тунеядец, взяточник, лицемер! Я гад!» (Разговор человека с собакой); «Я теперь с твоим отцом и говорить не хочу... *Скряга, грошовник*» («Отрава»).

Встречаются оценочные номинации, связанные с нарушением **других моральных норм**, а также с **пагубными пристрастиями или вредными привычками, легкомысленным отношением к жизни**: *алкоголик, бретёр, гуляка, забулдыга, картёжник, кутила, пьяница, озорник, жуир, бонвиван, сибарит, мот, мотовка* и т.д. Например:

*«Старался почему-то придать себе вид отчаянного **кутилы**»* («Моя жизнь»); *«Вечером клуб, общество **картёжников, алкоголиков, хрипунов...**»* («Ионыч»); *«**Пьяница!** Знаю, на чьи деньги ты пьян...»* («Барыня»); *«...ей приходилось видеть каждый день лица **кутил и забулдыг**, от которых она, Маруся, ни разу не слыхала ни одного доброго, порядочного слова»* («Цветы запоздалые»); *«Мысль, что я не сплю по милости праздных **гуляк**, приводила меня мало-помалу»* («Нарвался»); *«Это был необузданный **сибарит**»* («Цветы запоздалые»); [р.: «сибарит - человек, склонный к праздности, изнеженный роскошью (книж.)» (СОШ, с.)]; *«В роскошном, затейливо убранном будуаре одной из известнейших московских **бонвиванок** сидел доктор»* («Филантроп»); [«бонвиан - человек, живущий в собственное удовольствие, богато и беспечно; кутила, весельчак» (СОШ, с.)].

2.1.3.3.Оценочные номинации, содержащие указание на особенности характера, поведения, темперамента

Оценка характера и поведения осуществляется при помощи следующих единиц: *смельчак, мечтатель, фантазёр, идеалист хлопотун, остряк; ведьма, деспот, тиран, трус, тряпка, размазня, ветреник, забияка, зубоскал, ворона, тиран, гордец, хохотушка, болтунья, спорщица, эгоист, кокетка, мегера, хвастун, хвастунишка, дикарь, бука* и т.д.

Темперамент характеризуется лексическими единицами типа: *горячка, огонь, сухарь, деревяшка, кусок льда, психопатка, флегма, сангвиник* и др. Например:

*«Иной **смельчак** возьмет в руки пищик, подержит его, повертит, попищит, положит на место»* («Ярмарка»); *«**Тряпка** вы! – не воздержался я, чтобы не сказать Грохольскому»* («Живой товар»); *«В самом деле. Вы не*

*мужчина, какая-то, прости господи, **размазня*** («Ариадна»); *Не пускала бы свою дочь гулять... в компании **забияк, ветреников** и «некнязей» («Зелёная коса»); «Зазвать в свой балаган лишнего **зубоскала**, получить лишний гривенник» («Ярмарка»); *Не могу, **гордец**, чтобы люди мою бедность видели!» («Кошмар»); «Он **деспот, тиран**, - шептал он мне всю дорогу, - он благородный человек, но **тиран!**» («Живой товар»); «Спрашивают меня, за что я люблю эту **мегеру**». Ср.: «мегера – перен.; злая, неуживчивая женщина» (СОШ, с.); «В **буяне** все узнали местного миллионера, фабриканта, потомственного почетного гражданина» («Маска»);**

*«Это ужасно! Смеяться не умеет, **деревяшка** этакая» («Цветы запоздалые»); «Эх вы, **горячка!** Соску бы вам сосать, а не дела разбирать» («Цветы запоздалые»); «Завтра же ступай к доктору от галлюцинаций лечиться. Ты **психопатка!**» («В потемках»); «Я бы дорого дал, чтобы посмотреть, как этот **сухарь** спит со своей женой» («Скучная история»); «По виду он **флегма**, но в душе порядочная бестия» («Детвора»); «Ах, что за **огонь-девка!** – думал фельдшер...» («Воры»).*

Среди номинаций, оценивающих человека, значительную группу составляют лексические единицы, характеризующие его **коммуникативное поведение**:

а) **степень вежливости, уважения к собеседнику** (собеседникам): *грубиян, грубитель, горлан, наглец, хам, нахал, невежа, ругатель, скандалист* и т.д.

Данная подгруппа номинаций указывает на склонность человека к хамству, грубости и наглости по отношению к другим людям. Например:

*«А разве богатый мужик живёт лучше? Тоже, извините, как свинья. **Грубиян, горлан, дубина...**» («Моя жизнь»); ...*Положим, какой-нибудь ... **наглец**, пользуясь своим чином, оскорбил вас публично» («Палата №6»); «За тройками гнался невыносимейший в мире человек, известный всей губернии **скандалист**, брат Егор Егорыча» («Петров день»); «**Нахалы**, - подумал он, - оскорбили, оплевали и ещё лезут» («Первый дебют»); «**Безграмотные****

невежи, чёрт бы их взял совсем!» («Рассказ без конца»); «Расчувствовался он, хам, поднялся и говорить своим приятелям: Выпьем, говорит, за процветание» («Из огня да в полымя»); «Какой-то нахал врывается сюда и... вдруг этакие вещи» («Маска»); «Поругайся мне еще тут... – бормочет фельдшер, кладя в шкаф щипцы. – Невежа» («Хирургия»); «Она жена клубного маркера... Этой свинье нравилось класть ноги на стол» («Цветы запоздалые»);

б) **особенности речи** персонажа: балагур, демосфен, краснобай, оратор, золотоуст, заика, шептун, болтун, пустомеля и др. Например:

*«Один из них, судебный следователь, ... **балагур** и остряк, должно быть рассказывал какой-нибудь нецензурный анекдот» («Именины»); «Трудно было узнать того стройного интересного **краснобая**, от которого мужья прятали своих жён» («Жена»); «В обеих столицах насчитывают настоящих **ораторов** всего пять – шесть, а о провинциальных **златоустах** что-то не слышать» («Хорошая новость»); «На кафедрах у нас сидят **заики** и **шептун**ы, которых можно слушать и понимать, только приспособившись к ним» («Хорошая новость»); «Подозрение скверное ... и чести **болтунам** не делающее» («Осколки московской жизни»).*

Интересным приёмом речевой характеристики персонажа в художественной прозе А.П. Чехова является использование экспрессивных произносительных вариантов слов, выполняющих оценочную функцию. В частности, используется приём обозначения длительности согласных, их растяжение: *ддубина, дуррак, дурррак, дурралей, дуррында, мерр-зав-цы, моррда, ррразбойник, рррабы, ччерт, чччерт, черрт, черррт, ссатана, сскотина, с-скотина, ссскатина, ссскотина, с-с-с-скотина ссобака, сссвинья*. Например: *«Попало в руки гнусных кулаков, презренных **рррабов**, погрязших в копейках, палачей искусства, созданных, чтоб пресмыкаться, а не главенствовать в храме муз!» («Юбилей»); «Тварь негодная! Дрожишь! **Мерр...зость**. Блажишь! – закричал супруг»; «Глупостей в голове много у **дурры**» («Живой товар»); «**Дуррак!** – осмелилась подумать Лиза – Тряпка»*

(«Живой товар»); «Желал бы я знать, какая с-с-скотина ходит здесь и не затворяет дверей» («Отец семейства»); «Ссскатина! Братец вытащил из кулька голову сахару, снял с нее колпак и пощелкал по сахару пальцем» («Братец»); «Фельдшер всплил и крикнул: — Поговори мне еще! Ддубина...» («Скрипка Ротшильда»).

Однако растяжение согласных у А.П. Чехова не всегда связано с негативной окраской (напр.. *ишшшельмочка*, *молллодец* и др.). Ср.: «Мм. Штучка! Шшшшельмочка! Куда шапку положить» («Нарвался»); «Молллодцы! Ай да коммерсанты» («В вагоне»).

Довольно часто при использовании оценочных наименований в текстах А.П. Чехова особенности интонации графически передаются путем отражения растягивания гласных и разбиения слова на слоги: *ду-ура*, *ду-ушенька*, *ска-а-тина*, *ска-а-тина*, *че-ерт*, *ше-ельма*. Ср.: «А на какие деньги я куплю билет? Небось, денег на расходы не даст, *ска-а-тина*» («Сон репортера»).

Таким образом, корпус нарицательных имён существительных и фразеосочетаний субстантивного характера, выражающих оценку персонажа в прозе А.П.Чехова, представляет собой систему тематических групп, в совокупности характеризующих все аспекты человеческой личности: физический, психический и социальный.

Тематический принцип применяет А.П.Чехов и при выражении оценки персонажа посредством **антропонимов**, используя определённые мотивационные модели их образования. Рассмотрим этот аспект более подробно.

2.1.4. Тематическая организация и функции оценочных антропонимов в прозе А.П.Чехова

Как уже указывалось, личное имя персонажа играет особую роль в авторской характеристике действующего лица художественного произведения.

Номинативная (Бондалетов, 1983, с. 63), или идентифицирующая (Карпенко, 1986, с. 36), функция антропонима в художественном произведении является не главной. По справедливому мнению Ю.Тынянова, «в художественном произведении нет неговорящих имён» (цит. по: Карпенко, 1986, с. 36). «Имя и образ, - утверждает А.В.Суперанская, - параллельно создающиеся в творчестве писателя, дополняя и уточняя друг друга», работают друг на друга (Суперанская, 1973, с. 31). Поэтому более значимой представляется прагматическая функция антропонима в художественном произведении – способность вызвать у читателя определённые чувства по отношению к персонажу и дать определённую оценку персонажа, названного таким именем.

Причём замечено, что чем меньше текста посвящено раскрытию образа персонажа, тем выше значимость называющего его антропонима для характеристики персонажа.

Анализ семантики фамилий, представленных в художественных произведениях А.П.Чехова, показал, что основная их часть имеет прозрачную внутреннюю форму, то есть относится к числу так называемых «говорящих» фамилий, и выражает эксплицитную авторскую оценку. Ср.: *Дрянковский, Болваниус, Дрянин, Идиотов, Паршивцев, Поганкин, Негодяев, Мерзавцев, Мошенников, Лиходеев, Скотов, Шельма, Шельмецов.*

Однако более частотной является имплицитно выраженная оценка – через негативные или комические коннотации образованных А.П.Чеховым антропонимов. Можно выделить определённые мотивационные модели, используемые автором при создании фамилий персонажей: 1) фамилии, мотивированные номинациями представителей животного мира, вызывающих негативные ассоциации (*Букашины, Гадюкина, Гнусина, Дворнягин, Драконов, Жучков, Змеищев, Змеежалов, Индюков, Кашалотов, Клещев, Кобелев, Козявкин, Крокодилов, Цуциков, Червяков* и др.), 2) фамилии, мотивированные медицинскими терминами и названиями болезней или симптомов (*Больницын, Водянкин, Волдырёв, Грыжеев, Заикин, Зудьев,*

Краснухин, Нашатырина, Порошков, Фингалов, Щипцов и др.), 3) фамилии, мотивированные соматизмами (Брюханский, Вихоркина, Глоталов, Глоткин, Грязноруков, Животов, Зеленопупов, Зрачков, Кадыкин, Ногтев, Однощёкина, Пальцева, Перхоткин, Печонкина, Подбрюшкин, Синерылов, Ухов, фон Пах, Челюстин, Черепов, Чернобрюхов и др.), 4) фамилии, мотивированные номинациями различных артефактов, преимущественно бытового назначения (Баклушина, Балалайкин, Барабанова, Гвоздиков, Гребешков, Дудкин, Дырявин, Запискина, Канителин, Кнопка, Колпаков, Конвертов, Коробов, Коромыслов, Кошельков, Крышкин, Крюков, Кувалдин, Купоросов и др.), 5) фамилии, мотивированные номинациями еды и напитков (Блинчиков, Борцов, Груздь, Жратва, Леденцов, Лимонадов, Семечкин, Сивухин, Соусов, Тюрикова, Хлебонасущенский и др.), 6) фамилии, мотивированные номинациями черт внешности и характера/ поведения (Апломбов, Безбожников, Вонючкин, Дрыхунов, Кляузов, Крикунов, Кричалов, Лаев, Мырмина, Свирепеева, Трясунов, Тупаев, Укуси-Каланчевский, Хамов, Хихикин, Хрюкин, Белобрысов, Дылдина, Замазурин, Замухрышкин и др.).

Функциональные, семантические и структурные особенности антропонима в рассказах А.П.Чехова обуславливаются идейным содержанием произведения, характером героя, его социальным положением.

Наиболее часто основной функцией представленных в текстах рассказов фамилий является индикация отрицательных качеств персонажа.

В ряде случаев А.П. Чехов достигает комического эффекта и негативных коннотаций образа персонажа посредством использования приёма парадокса – наделяя его фамилией, внутренняя форма которой вступает в противоречие с профессиональными качествами. Например:

«У нас в полку был один офицер. Некто Кошечкин, очень порядочный малый» («Цветы запоздалые»). Фамилия *Кошечкин* актуализирует ассоциации с добротой, мягким характером, что противоречит стереотипному представлению о военном.

«Подпоручик Зюмбунбунчиков военным судом за тещу судился» («Перед свадьбой»). Фамилия *Зюмбунбунчиков* создана на основе использования фонетических ассоциаций со словом *бубенчик*, которое коннотирует смыслы «легкомыслие», «несерьёзность», усиливающиеся в результате диминутивного суффикса *-чик*. Эти коннотации поддерживаются и комизмом контекстной ситуации использования данного антропонима.

Использование антропонимов, выражающих оценку, осуществляется А.П.Чеховым в следующих целях: 1) эмоциональная оценка героев, их характеров, как через описание внешности, так и через непосредственные характеристики, оценка образа жизни персонажа (зачастую в центре внимания автора оказываются всевозможные пороки: пьянство, воровство и т.д.); 2) выражение иронии; 3) попытка воздействовать на читателя, каузировать его интерпретацию текста в соответствии с авторским замыслом.

Следует отметить, что тематическая классификация оценочных номинаций лица, встречающихся в прозе А.П.Чехова, является до определённой степени условной. Между тематическими группами и подгруппами исследуемых наименований обнаруживаются достаточно разнообразные системные связи и отношения, свидетельствующие о взаимодействии и пересечении выделенных группировок. Поэтому многие лексические единицы на основе актуализации разных семантических признаков семемы могут быть одновременно включены в несколько тематических групп. Например: *«Фат, рисовался, как дурак какой-нибудь»* («Филантроп») [«фат - франтоватый, самодовольный и пустой молодой человек, любящий покрасоваться; хлыщ, прохвост» (СОШ, с.735)].

2.2. Особенности употребления оценочных номинаций персонажа в прозе А.П.Чехова

Анализ показал, что оценочно-эмотивная сфера художественного произведения может быть представлена двумя уровнями – уровнем персонажа и уровнем его создателя. Оценочные номинации действующего

лица в прозе А.П.Чехова используются: а) в авторской речи художественного повествования, б) в прямой речи персонажа.

Применительно к авторской речи следует указать, что А.П. Чехов никогда не стремился давать прямые авторские характеристики, и потому оценочные элементы, которые встречаются в тексте субъективного повествователя, сами становятся объектом имплицитной авторской оценки. Точка зрения субъективного повествователя в оценочном плане, как правило, может приближаться к авторской позиции, а может быть полностью противоположна ей. Это обуславливает творческую активность читателя в восприятии и осмыслении художественного произведения.

В качестве примера можно рассмотреть, как авторская модальность находит отражение в заглавии некоторых рассказов. Так, в рассказах «Человек в футляре» и «Перекасти-поле» оценка, выраженная в заголовках, принадлежит автору и подтверждается ходом повествования и авторским отношением к изображаемому.

Иначе обстоит дело с рассказами «Рыцари без страха и упрёка», «Конь и трепетная лань», «Светлая личность». Употреблённые в их названии словосочетания *рыцари без страха и упрёка*, *конь и трепетная лань*, *светлая личность* заключают в себе положительную оценку. Однако в тексте рассказов эти сочетания, номинирующие персонажей, используются иронически, то есть выражают негативную оценку. Так, «*рыцари без страха и упрёка*» – это сборище хищников, хладнокровно совершающих служебные преступления (ср.: рыцарь без страха и упрёка – «название мужественного, храброго человека, по прозвищу храброго и великодушного французского рыцаря средневековья»); «*конь и трепетная лань*» – супружеская пара, отношения которых граничат с пошлостью; «*светлая личность*» – типичная представительница обыденщины, все «высокие» переживания которой определяются тем, в какой сумме выражается построчный гонорар её мужа.

Что касается речи персонажей, то посредством прямой речи персонаж художественного произведения может: а) давать оценку другому персонажу, б) осуществлять самооценку.

В ситуациях, когда один персонаж даёт оценку другому персонажу, характер используемых им оценочных средств позволяет читателю не только определить отношение данного действующего лица к объекту его речи, но и составить определённое мнение о самом субъекте речевой оценки.

В случае самооценки тоже нельзя говорить об абсолютной однозначности читательского восприятия этой характеристики персонажа, поскольку она должна быть соотнесена читательским сознанием с авторской оценкой этого действующего лица. Прием самооценки, самоанализа является важным способом выражения авторской модальности.

Случаи, когда персонаж так или иначе именует себя, в прозе А.П.Чехова относительно частотны. Самонаименование может не только «звучать» в обращенной к кому-либо реплике, но и включаться в письменную речь (записки, письма, послания и т.д.). Стоит отметить: самооценка наиболее свойственна положительным героям. В ходе анализа было выявлено, что в сферу самооценки попадает ограниченное количество аспектов. Например, в рамках исследуемого материала не представлена оценочная номинация персонажем своей внешности. В основном самооценка направлена на себя в целом, на свои чувства, переживания: страх, ненависть, боль и т.д.; менее распространена самооценка поступков, жизненных ситуаций.

По степени эмоционально-экспрессивной окраски самонаименования значительно различаются и во многом зависят от индивидуальных особенностей говорящего и речевой ситуации. Так, в текстах А.П.Чехова нередко наблюдаются случаи отрицательно окрашенной самономинации, свидетельствующие о низкой самооценке и / или подавленном моральном состоянии персонажа. В качестве примера приведём употребление в качестве самонаименования лексемы *скотина* в разных контекстах:

1) «Жизнь - канитель... - философствовал я, шлепая по грязи и пошатываясь. - Пустое, бесцветное прозябание... мираж... Дни идут за днями, годы за годами, а ты всё такая же скотина, как и был...» («Ночь на кладбище»);

2) «Я секретарь... Я вам даже больше скажу, но... между нами, конечно... статью эту писал сам редактор... К чему я, скотина, это говорю? - подумал Кокин» («Тряпка»);

3) «Сболтнул спьяна и сдуру... Прости, мамочка! Действительно, скотина! Сейчас я намочу холодной водой голову и буду трезв» («Жилец»);

4) «Тебе легко... стыдить других, когда живешь тут в городе и этих проклятых дач не знаешь... Еще воды дай... А если бы пожил на моем месте, не то бы запел... Я мученик! Я **вьючная** скотина, раб, подлец, который всё еще чего-то ждет и не отправляет себя на тот свет! Я тряпка, болван, идиот! Зачем я живу? Для чего?» («Один из многих»).

Бранные самооценки связаны: с философским подведением итогов прожитой жизни (1), недовольством собой, своим поступком (2) чувством вины (3), жалостью к себе (4).

Таким образом, по характеру оценки можно судить о моральных качествах, интеллекте не только объекта, но и субъекта речи, можно реконструировать мировоззренческие парадигмы персонажей и самого автора. Оценка, несомненно, соотносится с характеристикой персонажа. Это позволяет утверждать, что основной функцией эмоционально-оценочной лексики в произведениях А.П. Чехова является характеризующая функция. Наличие ее связано с потребностью дать точную, меткую характеристику персонажа по одному или нескольким признакам. Оценочные лексемы «используются не столько для идентификации предмета речи, сколько для того, чтобы дать о референте некоторую информацию или выразить к нему свое отношение» (Арутюнова, 1988).

Стоит отметить и стимулирующую (Арутюнова, 1999) или воздействующую (Бабенко, 1989), функцию эмоционально-оценочной

лексики. Своими высказываниями, эмоциональными оценками герои пытаются воздействовать на собеседника, на его эмоции, чувства, поступки.

В ходе исследования выявлено, что как в речи автора, так и в речи персонажей преобладают языковые единицы, выражающие отрицательную эмоциональную оценку. Данный факт может быть обусловлен следующими причинами: 1. как справедливо указывает ряд исследователей (Н.Д. Арутюнова, Е.М.Вольф и др.), в языке лексические средства выражения негативной оценки количественно преобладают, поскольку человеческое восприятие в первую очередь склонно фиксировать аномальные явления и отклонения от нормы; 2. большая часть прозаических произведений А.П.Чехова обличает или высмеивает негативные явления окружающей действительности; 3. основное количество лексем негативной оценки употреблено при описании конфликтных ситуаций или ситуаций эмоционального напряжения.

2.3. Особенности семантической структуры оценочной лексики, именующей персонажей в художественных произведениях А.П. Чехова

Как показал анализ фактического материала, оценочная лексика, именующая персонажей в художественных произведениях А.П. Чехова, имеет в плане содержания эмотивный, или эмоционально-оценочный, компонент значения. Данный семантический компонент включает в себя «семы, отражающие принятое в обществе эмоционально-оценочное восприятие той или иной реалии, эмоционально-оценочное отношение к сообщаемому» (Загоровская, 2011, с.164).

С точки зрения семантики оценочная лексика исследуемого разряда может быть представлена двумя основными разновидностями:

I. Номинации, в плане содержания которых присутствуют семы мелиоративной (положительной) эмоциональной оценки, представленные

семами ласкательности, одобрительности, а также семами восторга и восхищения.

Сема ласкательности, представленная в семантике слов, являющихся наименованиями лиц, включает в себя положительную оценочность. Семы ласкательности, как правило, присутствуют в семантике слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (подробнее об этих суффиксах см. с.102 и далее).

Ср.: «*душенька* (разг., ласкат.) - обращение, преимущ. к женщине» (ТСУ, т.1, с.321): «*Я, душенька, хочу погулять, по озеру покататься*» («За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»); «*херувимчик* - употр. как ласкат. название, преимущ. пухлого, краснощекого маленького ребенка (фам.) (ТСУ, т.4, с. 411). «*Красавица, это он тебя научил воровать? Чего же ты молчишь, херувимчик? Ты должна отвечать*» («За яблочки»).

Известно, что выражение «*моя прелесть*» употребляется как ласковое обращение к кому-либо (обычно к женщине) (ТСУ, т.2, с.214): «*Я пришел потолковать с тобой, моя прелесть*» («Живой товар»).

Наличие сем мелиоративной эмоциональной оценки может подтверждаться данными толковых словарей русского языка и оформляется в виде соответствующих словарных помет «ласкат» и «одобр.».

Ср.: «*молодец* - употр. для выражения одобрения, похвалы за какой-н. ловкий, отличный поступок, удачное действие (разг.)» (ТСУ, т.2., с.200).

В некоторых случаях семам мелиоративной эмоциональной оценки сопутствует оттенок сочувствия или жалости. Ср.: «*бедняга* (разг., с оттенком сочувствия и жалости) - несчастный человек» (ТСУ, т.1): «*Другой бедняга четверть часа звонится у двери, зябнет и томится, чтобы доставить по адресу скабрзное описание кутежа у капитана Епишкина*» («Статистика»).

Лексические единицы, выражающие эмоцию восторга и восхищения, как правило, имеют помету «экспрессивное».

Ср.: «*ангел* - идеал чего-нибудь, лучшее воплощение, олицетворение чего-нибудь (разг., с оттенком восхищения)» (ТСУ): «*А у меня, знаете,*

*товарищ прокурора сидит. Спасибо ему, ангелу, заехал за мной» («PERPETUM MOBILE»); «Ведь она красавица, как изволили вы видеть, ангел во плоти!»; *Весь уезд будет благословлять вас и видеть в вас ангела, ниспосланного на утешение несчастных» («Драма на охоте»).**

II. Номинации, в плане содержания которых присутствуют семы пейоративной (отрицательной) эмоциональной оценки, представленные семами неодобрения, пренебрежения, презрения, отвращения/омерзения, негодования.

Данная группа слов более многочисленна в количественном отношении.

Отмеченный факт объясняется тем, что, как уже указывалось, «на экстралингвистическом уровне отрицательные эмоциональные оценки разнообразнее положительных. На языковом уровне это проявляется в том, что «репертуар» отрицательных оценок...больше, чем «репертуар» положительных оценок...» (Лукьянова, 1986, с.49).

Однако многие исследователи подчеркивают, что причины оценочной асимметрии кроются не только в языке, но и «в характере менталитета русского народа, в этнической социокультурной специфике и в особенностях коммуникативного поведения...Негативные явления окружающей жизни подвергаются более подробной концептуализации и категоризации. Для русских характерно тяготение к спорам по вопросам общефилософского глобального характера» (Смирнова, 2013, с. 13). Кроме того, в качестве коммуникативно-релевантных черт русского менталитета Ю.Е Прохоров и И.А. Стернин отмечают бытовую импульсивность, неосмотрительность, нелюбовь к среднему, бескомпромиссность, потребность в идеалах, стремление к справедливости, национальную самокритичность и критичность отношения к жизни вообще (Прохоров, Стернин, 2007).

Соответственно, пометы, маркирующие отрицательную оценку, также более многочисленны и разнообразны. В лексикографических источниках оценочную составляющую лексем обозначают пометы шкалы оценок,

характеризующие прагматику слова (ласк., неодобр., ирон., презр., пренебр., унич. и т.п.), однако оценки могут передаваться и с помощью помет шкалы внелитературности (груб., жарг., бран. и т.п.), а также шкалы стиля речи (офиц., разг., прост. и т.п.).

В рамках исследуемого материала наиболее многочисленными являются номинации с эмотивными семами неодобрения, пренебрежения и презрения.

Среди слов с эмотивными семами неодобрения, встречающихся в художественных произведениях А.П. Чехова, можно назвать слова *дикарь*, *негодник*, *шалопай*, *зубоскал*, *самодур* и др.

Ср.: «*дикарь* (неод.) - грубый, некультурный человек, варвар» (ТСУ, т.1): «*Вы извините его, он не может выйти к вам. Дикарь такой... конфузится чужих*» («Приданое»);

«*негодник* (неод.) - человек недостойного поведения, повеса» (ТСУ, т.2): «*...а все же таки негодник старый занимаюсь наукой и открытиями, которые собственными руками произвожу*» («Письмо к ученому соседу»).

«*шалопай* (неод.) - бездельник, повеса» (ТСУ, т.4): «*Увидели, как один шалопай, уже много раз судившийся, известный своею развратною жизнью, пропивал в кабаке табакерку и часы, принадлежавшие доктору*» («Рассказ старшего садовника»);

«*зубоскал* (неод.) - пересмешник, тот, кто постоянно зубоскалит» (ТСУ, т.1): «*Зазвать в свой балаган лишнего зубоскала, получить лишний гривенник*» («Ярмарка»);

«*самодур* (неод.) - человек, руководящийся в своем поведении по отношению к другим людям исключительно личным произволом, прихотями» (ТСУ, т.4): «*Очевидно, этот самодур не понимает, что он не в хлеву! – крикнул Жестяков*» («Маска»).

В некоторых случаях отрицательная оценка сопровождается пометой «с оттенком порицания». Ср.: «*ветреник* (разг., с оттенком порицания) - легкомысленный, пустой человек, вертопрах» (ТСУ, т.1., с. 230): «*Оля будет*

женой Чайхидзева, иначе же княгиня не пускала бы свою дочь гулять и «заниматься пустяками» в компании забияк, ветреников, безбожников» («Зеленая коса»).

Значительную в количественном отношении группу образуют слова с семами пренебрежения (напр., *фанфарон*, *разиня*, *неуч*, *шваль*, *молокосос* и др.).

Ср.: «*фанфарон* (пренебр.) - человек, выставяющий напоказ свои мнимые достоинства или пороки, хвастун, бахвал» (ТСУ, т.4): «*Когда так, не стану же я больше извиняться перед этим фанфароном*» («Смерть чиновника»).

«*разиня* (пренебр.) - человек невнимательный и нерасторопный, зевака» (ТСУ, т.4): «*Разиня! – то и дело кричала она. – Прошел мимо, уронил и не подымаешь*» («Зеленая коса»).

«*молокосос* (пренебр.) - человек, неспособный здраво судить о чем-нибудь вследствие своей молодости и неопытности» (ТСУ, т.2): «*Ты его потерял, молокосос! – раздался громовый голос генерала*» («Петров день»);

«*неуч* (пренебр.) - необразованный, невежественный человек» (ТСУ, т.3); «*С кем же ему говорить у нас? Я неуч, Жорж скрытен и всё молчит*» («Цветы запоздалые»);

«*шваль* (пренебр.) - негодный, ничтожный человек, люди, рвань» (ТСУ, т.4): «*Тут сидели купцы, актеры, чиновники, полицейские писаря – вообще вся шваль, имевшая обыкновение собираться в трактире по вечерам, пить чай и пиво*» («Из огня да в полымя»);

«*девчонка* (пренебр.) - уничижит. к девочка в 1 знач.» (ТСУ, т.1): «*Девчонка, сентиментальная кислятина, не уважила просьбы того, без которого рухнул бы этот дрянный сарай*» («Мечь»).

Среди слов с эмотивными семами презрения, встречающихся в художественных произведениях А.П. Чехова, можно назвать *плебей*, *тряпка*, *сибарит*, *кляузник*, *сапожник*, *пошляк* и др.

Ср.: «плебей - презрительное обозначение человека не аристократического происхождения, вышедшего из низших сословий» (ТСУ, т.3): «*Больша — плебей, но гг. помещики из уважения к его преклонным летам и уменью попадать в подброшенный двугривенный, не брезгают его плебейством*» («Петров день»);

«*тряпка (презр.) - бесхарактерный, слабовольный, ничтожный человек*» (ТСУ, т.4): «*Дуррак! – осмелилась подумать Лиза. – Тряпка*» («Живой товар»).

«*сибарит (презр.) - изнеженный человек, живущий в роскоши и предающийся праздности и удовольствиям, бездельник*» (ТСУ, т.3): «*Это был необузданный сибарит*» («Цветы запоздалые»);

«*кляузник (презр.) – человек, который занимается кляузами*» (ТСУ, т. 2.): «*Заметил, подлец! - подумал Пустяков. - По рожке вижу, что заметил! А он, мерзавец, кляузник*» («Орден»);

«*сапожник (презр.) - неумелый, неискusstный человек*» (ТСУ, т.4): «*Так играют один только сапожники*» («Винт»);

«*пигмей - перен.; ничтожный человек; ничтожество (презр.)*» (ТСУ, т.3): «*Ему, а не этим пигмеям, играющим сегодня лакеев, завтра сводников, послезавтра Гамлета*» («Барон»);

«*пошляк (презр.) - человек, постоянно говорящий и делающий пошлости*» (ТСУ, т.3): «*На подобные притязания способны одни только бессовестные пошляки*» («Мечь»).

Учитывая объективные трудности «разграничения разных видов эмоциональной оценки, и, прежде всего, неодобрительности, пренебрежительности и презрительности, тесную зависимость от контекста..., который способен менять сам характер эмоциональной оценки,...следует иметь в виду, что особенностью эмоционально-оценочной лексики является наличие в ней группы слов, в семантике которых присутствует эмотивный компонент с обобщенной пейоративной эмоциональной оценкой» (Загоровская, 2011, с.169-170). Названный

компонент содержит в себе вероятностные семы неодобрения, пренебрежения и презрения, актуализация которых может варьироваться в зависимости от ситуации и контекста.

Ср.: «хамелеон - перен.; человек, который, приспособившись к обстановке, легко меняет свое поведение, взгляды, симпатии (неодобр.) (СОШ, с. 875); «перен.; о человеке, легко и часто меняющем свои мнения, взгляды, симпатии (обычно из соображений выгоды, из мелких побуждений (разг. пренебр.)» (ТСУ, т.4).

Словесные единицы, в семантике которых присутствуют семы отвращения, омерзения и негодования, обозначаются как бранные и экспрессивные.

Ср.: «болван - тупица, дурак, неуч, невежа, оболтус (бран.)» (ТСУ, т.1, с. 425): «Поговорить бы с этим бурбоном, — думал он, — вбить бы ему в глупую башку, что он болван, дурак... что я его вовсе не боюсь» («Первый любовник»);

«подлец (бран.) - низкий, подлый человек» (СОШ, с. 716): «Я тебе, подлецу, сейчас оплеуху дам» («Мелкий бес»).

«дрянь – 1) низменный, ничтожный человек (пренебр.); 2) мерзкая женщина (бран. вульг.)» (ТСУ, т.1), «тварь - презрительно или бранное обозначение человека» (фам., вульг.)» (ТСУ, т.4): «Сначала думал, что свинью режут, потом же прислушался и слышу, что это Вера Никитишна с кем-то бранится: Тварь! Дрянь ты такая!» («Женское счастье»);

«бестия (бран.) - плут, пройдоха; ловкий, хитрый человек» (ТСУ, т.1): «Никому от нее житья не было. Не только прислугу, но и меня, бестия, задирала...» («Женское счастье»);

«дурак - глупый человек, бранное слово» (ТСУ, т.1): «Генерал, понимаешь, Анну первой степени имеет, а то и дело слышишь, как его жена чешет: Дурак! дурак! дурак!» («Женское счастье»);

«негодяй (бран.) - подлый, низкий человек» (ТСУ, т.3): «Этот вот молодчик, рекомендую, ужасный негодяй, — сказал мой сосед, указывая на

работника со смуглым цыганским лицом, который проехал мимо на бочке с водой» («Рассказ старшего садовника»).

Ср. также: *мерзавец, дурища, каналья, анафема, прохвост, урод, прихвостень, идиот, шельма, сволочь, хам, дубина, свинья, висельник* и др.

Следует отметить, что отрицательная оценка может быть обусловлена разным семантическим наполнением плана содержания слова, реализуемым в разных контекстах. Действительно, в прозе А. П. Чехова одна и та же лексическая единица может реализовывать семантическую многоплановость и разное коннотативное содержание.

Особую группу оценочной лексики образуют слова, в плане содержания которых присутствуют семы шутливости/ ироничности, они могут иметь как положительную, так и отрицательную оценочность, а её конкретная реализация зависит от контекста. Как отмечают исследователи, «эмоциональные оценки шутки и иронии имеют в большей или меньшей степени завуалированный характер и могут выражать как одобрение, так и неодобрение в скрытом, неявном виде» (Лукьянова. 1986, с.47; Загоровская, 2011, с.173).

Ср.: *«перец - перен.; вспыльчивом, капризном человеке, задире (фам. шутл.)»* (ТСУ, с. 3): *«Ты думаешь, как я в маске, так ты можешь мне разные слова говорить? Перец ты этакий!»* («Маска»);

«злодей (бран., шутл.) - негодяй» (ТСУ, т.1): *«Злодей он был для меня и разбойник, царство ему небесное»* («На кладбище»);

«кикимора – перен.; о человеке, имеющем смешной, нелепый вид (разг. шутл.)» (СОШ, с. 365): *«Ничего не поймал ни я, ни эта кикимора»* («Дочь Альбиона»);

«благодетель (ирон.) - человек, который оказывает кому-н. покровительство из милости» (ТСУ, т.1): *«Благодетели вы наши... Нам, дуракам, и невдомек, а вас господь просветил»* («Хирургия»).

В некоторых случаях ирония обуславливает специфическое оценочное явление энантиосемии – противоположности оценочных значений одного и

того же слова. Ср.: *«Он истязует свою жену и имеет трех любовниц и всегда кормит рецензентов ужинами. Вообще скотина порядочная»* («В Москве»). Прилагательное *порядочный* формирует оксюморонную связь, основанную на положительной и отрицательной коннотации участвующих в словосочетании слов.

По справедливому замечанию исследователей, «возможность использования отрицательно маркированных лексем для передачи позитивного прагматического сигнала обусловлена высокой степенью экспрессивности подобных единиц» (Смирнова, 2013).

Учитывая результаты, достигнутые в изучении языковой оценочности и экспрессивности (в частности, концепцию О.В.Загоровской), следует признать, что эмотивный компонент лексической семантики может занимать различное место в структуре значения оценочных единиц, называющих человека. Приняв за основу статус эмоционально-оценочных сем в структуре значения, можно распределить оценочные номинации персонажа, функционирующие в художественных произведениях А.П. Чехова, на следующие группы:

1) слова, в структуре значения которых эмоционально-оценочные семы сопутствуют семам денотативного компонента, входя месте с ними в ядро словесного значения.

В подобных словах обычно отмечается реальная эксплицированная оценка, которая раскрывается, прежде всего, в словарном толковании слова.

Ср. положительно оценочные слова: *«талант - одаренный, талантливый человек»* (СОШ, с.645): *«Ведь так одурачить целую компанию может только артист, талант, - весело говорил»* («Маска»);

«умница - умный, способный человек» (СОШ, с.764): *«Княгиня и Маруся переглянулись: какой он умница»* («Цветы запоздалые»);

«джентльмен - 1) вполне корректный человек, строго соблюдающий правила и нормы поведения; 2) перен.; человек подчеркнутой вежливости,

корректности» (СОШ, с. 217): «Человек... у-у! Золотой господин!
Джентльмен» («Идиллия – увы и ах!»).

Ср. слова с семантикой отрицательной оценки: «иезуит - хитрый, двуличный человек, лицемер» (СОШ, с.311): «*Бить бы нужно, вот что! У-у-у... иезуит, магомет, мучитель мой! – замахнулась она на сына*» («Случай с классиком»);

«шарлатан - невежда, выдающий себя за знатока, специалиста, обманщик, плут» (ТСУ, т.4): «*Шарлатан он, вот что-с! Ежели б поменьше баловался да побольше учился*» («Папаша»);

«мегера - злая, неуживчивая женщина» (СОШ, с.542): «*Спрашивают меня, за что я люблю эту мегеру? Правда, эта женщина не стоит любви. Она не стоит и ненависти*» («Он и она»);

«туняедец - человек, который живёт на чужой счёт, чужим трудом» (СОШ, с.601): «*Я туняедец, взяточник, лицемер!.. Я гад! Алексей Иваныч ударил кулаком себя по груди и заплакал*» («Разговор человека с собакой»);

«нахал - беззастенчивый, грубо бесцеремонный и дерзкий человек» («СОШ, с.432»): «*То есть как же это? - спросил казначей сиротского суда Белебухин, краснея и пожимая плечами. - Я даже не понимаю... Какой-то нахал врывается сюда и... вдруг такие вещи!*» («Маска»);

«выжига - плут, пройдоха; прижимистый человек» (СОШ, с. 210): «*Шельма был, выжига, все прежние его руку держали, а приехал Посудин — и загудел...*» («Шило в мешке»).

2) слова, в структуре значения которых эмоционально-оценочные семы выступают в качестве наиболее ярких, ведущих ядерных сем, в большей или меньшей степени оттесняя денотативные компоненты их семантики;

В подобных словах отмечается высокая степень выражения положительных или отрицательных эмоций (восхищения, презрения, отвращения, негодования). Ср. представленные выше слова *плебей, тряпка, сибарит, кляузник, сапожник, пошляк* и др. Ср. также:

«фендрик - фатоватый молодой человек (фам. пренебр.)» (ТСУ, т.4):
«*Должно быть, канальский фендрик у арендатора застрял*» («Тина»);

«*брехун (пренебр.) - лгун, пустомеля*» (ТСУ, т.1): «*Так тебе, брехуну окаянному!*» («Праздничная повинность»).

Во всех представленных выше словах эмоционально-оценочные семы оказываются более яркими, чем денотативные, также входящие в ядерную часть значения словесных знаков.

3) слова, в структуре значения которых эмоционально-оценочные семы целиком занимают ядерное семантическое пространство, полностью поглощая их денотативное содержание.

Данную группу формируют эмоциональные обращения (ср. приведенные выше *душенька, ангел* и др.) и бранные слова (ср. приведенные выше *мерзавец, дурища, каналья, прохвост, урод, прихвостень, идиот, шельма, сволочь, хам* и др.), в которых предметно-понятийные семы присутствуют лишь в качестве периферийных, потенциальных элементов (Загоровская, 2011, с.175).

Так, в художественных произведениях А. П. Чехова встречаются обращения с положительной оценкой: «Милый, который теперь час будет? - спрашивает он» («Тоска»), «*Оно самое и есть! Родненький!*» («Забыл»).

В рассказе «Душечка» главная героиня рассказа отличается открытостью и теплотой души, она ласково и нежно обращается ко всем людям: к своему мужу («Голубчик мой! - зарыдала Оленька. - Ванечка, мой миленький, голубчик мой!»), к соседскому мальчику («Голубчик мой, красавчик... Деточка моя...») и к знакомому мужчине («*Господи, батюшка, да возьмите у меня дом!*»).

Ср.: «*Послушай, моя дорогая, мое сокровище! – сказал я*» («Драма на охоте»); «*Матушка, ангельчик мой!... Не плачьте-с*» («Праздничная повинность»); «*Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!*» («Толстый и тонкий»); «*Миленькие, славненькие, голубчики, не буду! Ай, ай, простите!*» («Злой мальчик»).

Однако обращений с отрицательной оценкой несравнимо больше. Причина многообразия таких обращений состоит «в юмористической направленности чеховских рассказов, особенно ранних, когда писатель скрывался в журналах под псевдонимами» (Александрюк, 2008, с. 172).

В рассказе «Тоска» отрицательно окрашенные обращения усиливают атмосферу одиночества главного героя Ионы, который совсем недавно похоронил своего сына и ищет поддержки и понимания людей, которым нет никакого дела до чужой беды: «Куда прешь, леший! Куда черти несут?»; «Сворачивай, дьявол!», «Повылазило, что ли, старый пес?»; «Старая холера, слышишь? Ведь шею наkostenяю!.. Ты слышишь, Змей Горыныч?»

Ср. также: «Из-за этого паршивца Осипова, если вы с ним не сойдёте, вы можете место потерять!» («Драма на охоте»); «Этот старый хрыч до утра просидит! — злился Зельтерский. — Такая дубина!» («Гость»); «Будет вам, барабошка! — остановил я его медицинскую болтовню» («Драма на охоте») [барабошка (разг. сниж.) - легкомысленный, болтливый человек; употребляется как порицающее или бранное слово (БТС, с.210)].

Следует отметить, что в художественных произведениях А.П. Чехова обращение играет особую роль как способ называния лица. Как показало исследование, функция обращения состоит не только в назывании персонажа, но и в его характеристике, выявлении отношения к нему окружающих. Обращение, безусловно, является необходимым элементом процесса создания литературного образа.

По утверждению В.Е. Гольдина, «функция обращения состоит в подчёркивании направленности текста адресату и в установлении соответствий между представлениями адресата и адресанта о характере социально типизированных отношений между ними» (Гольдин, 1987, с. 114-115). Ср.: «В художественно-изобразительной речи обращение, как правило, выражает не просто призыв к адресату, но и отношение к нему говорящего» (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 341).

В художественных текстах А.П. Чехова можно выделить следующие разновидности оценочных обращений:

а) нефамильярные регулятивы, то есть стандартные формы обращений, состоящие из притяжательного местоимения *ваш* (*ваша, ваше*) и имени существительного (напр., *ваше благородие, ваше сиятельство, ваша светлость* и др.): «*Никак нет, ваше высокородие, - сказал садовник Ефрем, маленький седовласый старичок с лицом отставного унтера*» («Шведская спичка»); «*Никак беспорядок, ваше благородие!.. - говорит городской*» («Хамелеон»).

Формы – стяжения *ваше-ство, вашескоро-дие, ваше высокородие* передают устную речь социально неравноправных людей: «*Все смеялись, ваше высокородие. Под присягой могу показать*» («Унтер Пришибеев»). При обращении к незнакомому лицу со стороны вышестоящего лица используются номинации по должности или по роду занятий: «*Урядник! Ведь ты это сказывал? - обращается унтер к уряднику Жилину*» («Унтер Пришибеев»).

Ср. также трансформированные иронические номинации данной группы: «*Они относятся к нему с уважением, встречают его поклонами и даже придумали для него особенный титул: «Ваше местоимение»* («В Москве на Трубной площади»).

б) обращения, выраженные реляционными именами и указывающие на связи лица с другими лицами (родственные, любовные, дружеские, профессиональные и т.д.). Основная часть данной группы – лексемы, служащие обозначением степени родства (фамильярные регулятивы): *papa, маменька, сестрица, тетушка* и др.

Нередко использование распространенных обращений, как правило, адресованных обычно близким людям в обстановке неофициального общения: *дорогая, милая моя, прекрасная* («Невеста»); *мой милый, дорогой мой* («Дама с собачкой») и передающих нюансы чувств и настроений говорящего, усиливающие экспрессивность.

в) обращения с доминирующей функцией характеристики. В данном случае яркими характеристиками лица выступают метафорические обращения, созданные на основе переноса на человека свойств сказочных персонажей или представителей животного мира: *ангел мой, старая ведьма, бесёнок, медведь, собака, псенок* и т.д.: «*Алешка, не подглядывай в карты, псенок, а то за уши!*» («В сарае»).

г) имена собственные, способные выражать эмоциональное состояние говорящего благодаря суффиксам субъективной оценки: *Петруша, Архипушка* (ласкательность, выражение просьбы), *Кузька, Ванька* (пренебрежительное отношение).

Обращения с уменьшительно-ласкательными суффиксами характерны для русской антропонимики, имеют, как правило, положительные коннотации и используются говорящими в интимно-дружеских либо семейных отношениях: «*Легче, Феденька!*» («Средство от запоя»).

Ср. также сокращенные формы имени лица при обращении:

а) к хорошо знакомым людям: «*Здорово, Федя! - обратился к нему Почечуев. - Я слышал, дружок, что ты того... лечишься от запоя*» («Средство от запоя»);

б) родственников друг к другу: «*За ним идет сестра, тоже с книгами. - Да ты же, Михайлик, этого не читал! - спорит она громко*» («Человек в футляре»);

в) родителей к детям: «*Не бойся, Нафаня! Подойти к нему поближе...*» («Толстый и Тонкий»).

Полное имя собственное лица как обращение редко встречается в прозе А. П. Чехова и «в силу своих грамматико-стилистических особенностей передает в какой-то степени официальную тональность общения» (Яковлева, 2000, с. 335). Такая форма обращения может подчеркивать серьезность разговора («*Но поймите, Анна, поймите, - проговорил он вполголоса, торопясь*» («Дама с собачкой»), значимость ситуации («*Пор-фирий! - воскликнул толстый, увидев тонкого. - Ты ли это?*» («Толстый и тонкий»)),

разницу социального положения («Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда!» («Хамелеон») и др.

В семантике этих образований отражается степень проявления человеческих чувств и конкретный характер типичных для русской культуры человеческих взаимоотношений, зачастую связанный с определенным возрастным и/или социальным статусами. Система экспрессивных дериватов является показателем мировоззренческой позиции писателя, отношения автора (рассказчика) к своим персонажам.

4) слова, в структуре значения которых эмоционально-оценочные семы занимают периферийное положение, не входя в число основных компонентов, и обнаруживаются лишь в отдельных контекстах.

Ср., напр., наличие периферийной эмоционально-оценочной семы «неодобрение» в значении слова *щеголь*: «человек, нарядно одетый, имеющий пристрастие к дорогим, изысканным нарядам» (ТСУ, т.4): «*Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щеголь*» («Толстый и тонкий»).

Ср.: «чудак - странный, чудной человек» (ТСУ, т.4): «*Насмешил, чудак! А, по-моему, приятней с барбосом целоваться, чем с Марфой*» («Клевета»).

Как правило, периферийные эмотивные компоненты в семантике слова особенно тесно связаны с национально-культурными особенностями.

Таким образом, специфика семантики оценочной лексики, называющей персонажа в прозе А.П.Чехова, проявляется: 1. в наличии сем мелиоративной или пейоративной оценки; 2. в различии статуса оценочных сем в семантической структуре лексемы.

2.4. Способы создания оценочных наименований лица в художественных произведениях А.П. Чехова

Исследование показало, что А.П.Чехов в своем творчестве достаточно активно использует оценочные номинации, которые выступают средством характеристики персонажей. При этом наиболее яркие образно-экспрессивные лексические единицы проявляют свою выразительность в

виде семантической, морфологической или синтаксической мотивированности и, соответственно, создаются лексико-семантическим, словообразовательным (морфологическим) и синтаксическим способами.

2.4.1. Лексико-семантический способ создания оценочных наименований лица в художественных произведениях А.П. Чехова

Как известно, формирование словарного состава языка зависит от многих факторов, в том числе и «участия мастеров слова в процессе развития переносных значений номинаций, сохраняющих ту или иную степень образности. Именно она является одним из важнейших средств выражения субъективной оценки» (Гутман, Черемисина, 1976, с. 21).

Исследование показало, что значительное количество оценочных номинаций лица в прозе А.П. Чехова образовано при помощи **метафорических переносов**. Говоря о механизме формирования метафорических значений, ученые отмечают: «В случае существования в сознании носителей языка нескольких коннотативных образов для выражения одного и того же признака при окончательном выборе учитываются многие факторы: <...> отрицательный или положительный статус образа, частотность его употребления, его потенциальное восприятие адресатом речи» (Глазунова, 2000, с. 84).

Анализируя языковые особенности прозы А.П. Чехова, можно выделить несколько типов регулярных метафорических переносов, участвующих в формировании оценочных номинации действующего лица:

1) метафорический перенос «животное→человек». Следует отметить, что традиционно переносы из анималистической сферы направлены только на сферу «Человек» и перенос осуществляется по признакам «внешний вид» и «поведение» животного.

2) метафорический перенос «растение→человек», в основе которого лежат «базисные образы, связанные с архетипическим восприятием мира:

...все происходит из каких-то семян или зерен, имеет свои корни и приносит плоды, рождается и умирает в соответствии с естественными циклами жизни» (Чудинов, 2001).

3) метафорический перенос «предмет→человек». При этом понятие «предмет» отождествляется с понятием вещи, объекта материального мира и включает многообразие материальных объектов, доступных чувственному восприятию. В данной семантической сфере можно выделить оценочные метафорические номинации, мотивированные свойствами предмета, созданного человеком или используемого человеком.

4) метафорический перенос «вымышленное существо→человек». В подобном случае человека характеризуют по типу, признаку мифологических, сказочных существ или литературных персонажей.

5) метафорический перенос «человек→человек». В основе данного типа переноса лежат признаки, которые присущи самому человеку (внешний вид, социально-общественное положение, национальная принадлежность, физическое состояние, особенности характера, поведения) и которые характеризуют человека с определенной стороны (морально-этической, внешней, поведенческой и т.д.).

В художественной прозе А.П. Чехова оценочные номинации, эксплицированные метафорическим переносом «животное→человек», образуют самую многочисленную группу (341 пример). Зооморфные (анималистические) метафорические наименования детерминированы «особенностями мышления, создающего некий обобщенно-собирательный образ животного с признаками, сопоставляемыми с определенным типом людей» (Нагорная, 2014, с.75), и формируются на основе переноса признаков животного (формы, цвета, внешнего вида, вызываемого ощущения, впечатления и т.д.) на человека. Назначение подобных метафор состоит в том, чтобы «приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, так как перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации» (Вольф, 1988, с.

59; Гак, 1977, с.18). Языковые зооморфные метафоры обладают в основном «дискредитирующей» функцией и служат для оценочной характеристики человека, его внешнего и морально-этического облика, действий, условий его жизни.

Поддерживая мнение лингвистов о высокой частотности отрицательной оценки, выражаемой зоометафорой, Е.Н. Нагорная говорит также о её обусловленности «национальными и индивидуальными особенностями восприятия, временем, ситуацией, бесконечным, непрекращающимся процессом сравнения мира человека и животных, в результате чего зоонимы являются частотной производящей базой для антропонимической аксиологии» (Нагорная, 2014, с. 48). Лингвокультурологические данные во многом способны объяснить специфику использования прямых номинаций животных в качестве «агентов образной номинации» (Юрина, 2005).

Среди зооморфных метафор – оценочных номинаций А.П. Чехова – можно выделить следующие метафорические образования, в основу которых положена общность признаков человека и различных представителей фауны:

1) животных:

а) домашних: «*Как он, собака, всё это ловко! — думал он, следя за движениями пальцев фармацевта, делившего какой-то порошок на доли*» (Индийский петух); «*Какие мы свиньи!*» - сказал Чубиков, берясь за звонок. - *Беспокою людей*» («Шведская спичка») и др.;

б) диких [«*...он наивно верит, что эта компания хищников, в которую случайно втолкнула его судьба, даст ему и поэзию, и счастье*» («Супруга»); «*Я куроцап, волк, птица хищная, но во мне всё-таки есть настолько чвства и ума...*» («Закуска»); «*Яков прошелся по тропинке вдоль берега и видел, как из купальни вышла полная краснощекая дама, и подумал произнес: «Ишь ты, выдра!»*» («Скрипка Ротшильда») и др.].

2) птиц [«*Боже мой, неужели я до сих пор не замечал, что у этого соловья такая чудная грива*» («Два скандала»); «*Не мерзавец, а так себе...*»

гений в своем роде, коршун» («Рыцари без страха и упрека»); «Дуся, канареечка моя» («Леший»); «Шутки шутишь, ворона» («Раз в год»); «Только мне удивительно, как это вы курс кончили, образование получили, а вместо того, чтоб этого индюка наставлять, руку его держите» («Из огня да в полымя») и др.].

3) насекомых [«Гимназистики, реалистики ...Сидят, бестии, на галёрке ...но только их и слышно, клопов этих» («После бенефиса»); «...простите меня, батюшка, насекомого еле видимого» («Письмо к ученому соседу»); «Наведьмачила, паучиха!» («Ведьма»); «... всякая дачная мразь и тля имеет власть и право навязать ему тьму поручений» («Один из многих») и др.].

4) рыб [«Настоящих женщин нынче нет, а всё какие-то, прости господи, трясогузки да кильки» («В пансионе»); «Разве subtilное, эфемерное существо может полюбить такого старого, потасканного угря, как я?» («На даче»); «Надоела белужина, так вот к сардинкам потянуло. Ах ты, бесстыдница!» («От нечего делать»); «А больше всего я натерпелся и поношений разных вынес от этого вот сига копченого, от этого вот - крокодила! вот от этого самого смиренного, от Курицына!» («Торжество победителя»)].

5) пресмыкающихся [«О, змея, — думал Швей, идя по улице. — О, зачем я женился на русском человеке?» («Добрый немец»); «Эта гадина, молодая, длинноволосая, смуглая, с черными глазами и с жирными губами, бесстыдная и наглая» («Без заглавия»); «Не верьте этим иудам, хамелеонам!» («Двое в одном»)].

Ср. также: гадина, тварь («Дамы»), птица, гусь лапчатый («Ряженые», «Осколки московской жизни»); скотина («Ночь на кладбище», «Открытие», «Отрава», «На даче»), барашек, свиньи («Первый дебют», «Беспокойный гость»), немецкая свинья («Обыватели»), ихтиозавр («Осколки московской жизни»), крыса, сивый мерин, биржевые зайцы («Осколки московской жизни»), уездный медведь («Муж»), талантливая рыба («Критик»),

курицины дети («Беда»), *заводская кобыла*, *заводский жеребец* («Убийство») и др.

По утверждению лингвистов, значение эксплицированных метафорическим переносом «животное→человек» оценочных номинаций, «не связано с исходным <...> никаким существенным семантическим признаком. Тем не менее эта связь явно существует (и отчетливо воспринимается говорящими), но она основана на ассоциативных, или репрезентативных, признаках, связанных со словом в его основном значении» (Шмелев, 1973, с. 231).

Оценочные номинации - анималистические метафоры, встречающиеся в творчестве А.П. Чехова, могут служить средством характеристики:

1) внешности человека [*«Нет, брат, такого буйвола, как ты, никакая холера не проберет»* («Актерская гибель»); *«И в кого я такой слон уродилась? Даже глядеть страшно»* («Рыбья любовь»)];

2) внутренних качеств человека [*«Самое ехидное насекомое в свете есть женский пол»* («О женщинах»); *«Змей была змея и есть»* («Невидимые миру слёзы»)];

3) особенности поведения [*«А вам стыдно защищать. Надо беспристрастно: свиньи, так и есть свиньи»* («На чужбине»); *«Федя! Да проснись же, тюлень!»* («Ночь перед судом»); *«Твой Никонов – корова! Ревет, хрипит, точно из него кишки тянут»* («Заказ»)];

4) особенности положения человека [*«Ты муж, а слово «муж» в переводе на дамский язык значит тряпка, идиот и бессловесное животное, на котором можно ездить и возить клади»* («Один из многих»); *«Как я могу убедить дикого утенка, живущего в неволе и ненавидящего меня, что он мне симпатичен и что я сочувствую его страданию?»* («Жена»)]

Выразительность, яркость и точность анималистических оценочных обозначений действующего лица достигается за счет того, что носители русского языка, употребляющие и воспринимающие данную группу слов, имеют идентичные представления об их семантике. Ср.: *«Поди-ка сюда,*

клон! — сказал он. — *Дай-ка я на тебя поближе погляжу»* (о ребёнке) («Житейская мелочь»).

Оценочные номинации, представленные анималистическими лексемами, могут иметь определение антонимического характера и тем самым создавать иронический или сатирический эффект [ср.: *величественная свинья* («Драма на охоте»), *умный скот* («Безотцовщина») и др.]. Ср.: «*Говоря откровенно, Трифон Семенович – **порядочная-таки скотина***» («За яблочки»); «*Он истязает свою жену и имеет трех любовниц и всегда кормит рецензентов ужинами. Вообще **скотина порядочная...***» (В Москве).

Как подчеркивают исследователи, «оксюморонный рисунок словосочетания с бранным зоонимом может иметь трагикомичную оценку, характеризуя сложную ситуацию говорящего лица» (Нагорная, 2014, с.46).

Использование А.П. Чеховым анималистических лексем обогатило их семантическую структуру новыми семемами. Кроме того, семемы одной и той же метафоры могут входить в различные оценочные парадигмы, которые дают возможность увидеть истинный взгляд писателя на окружающий мир.

Фитонимные метафоры также являются средством создания оценочных номинаций действующего лица в художественной прозе А.П. Чехова. Такие метафоры позволяют передавать информацию в яркой, краткой и доступной форме и обладают мощным коннотативным потенциалом. Ср.: «*Погляди-ка скорей на твоего обже! Бежит по аллее бедный **финик**, словно ошпаренный, без оглядки*» («От нечего делать»); «**Фрукт!** - говорит доктор, подмигивая. - *Такого **ананаса**, Обтесов, и на острове Мадейре не сыщете*» («Аптекарьша»); «*Ведь всё это **бутоны**, невесты, самые, можно сказать, сливки — и что же?»* («В пансионе»); «*Надеюсь, милая, и после свадьбы вы останетесь всё таким же **розаном***» («Учитель словесности»); «*...если сумеет представить себе всю русскую землю, какое множество таких же **перекати-поле**, ища где лучшие, шагало теперь по большим и проселочным дорогам*» («Перекати-поле»); «*Не слушай, ангел, эту **сухую лимонную корку**, — думает Дырявин*»

(«В пансионе»); *«**Бревно! Пень!** Школой он так же интересуется, как я прошлогодним снегом»* («Кошмар»).

Важным средством создания оценочных номинаций лица в языке чеховской прозы могут выступать также артефактные метафоры. Оценочные номинации, эксплицированные метафорическим переносом «предмет→человек», формируются на основе:

а) сходства внешнего вида [*«Моя героиня, сошедшись и начавши жить со своим **пугалом**, не отказалась от своих глупых привычек»* («Два скандала»); *«Слепая **кукла**, фат! Скорей к ним на помощь!»* («Кошмар»); *«Ну, с этой **слюнявою развалиной** каши не сварить», — подумал я и почувствовал раздражение»* («Жена»); *«Матушка наша, красавица, **картина писаная!** — начала слащаво причитывать Агафьюшка. — **Алмаз** наш драгоценный!»* («Бабье царство»); *«Стоит, **чучело**, и бельмы на воду таращит»* (Дочь Альбиона)];

б) сходства выполняемых функций, а также характера, способа или результата действия [*«Не стучи сапогами, **жернов**»* («Невидимые миру слезы»); *«Судили его не живые люди, а качач-то невидимая, бог знает кем заведённая **машинка**»* («В суде») и др.].

в) сходства значимости признаков или общего впечатления от предметов [*«Не твое дело, старая, заржавленная **щеколда!** — думал он»* («Барон»); *«**Пишущая машина! Машина!** - шептало привидение, дуя на чиновника сухим холодом.- **Деревяшка** бесчувственная!»* («Восклицательный знак»); *«**Тумба!** - сердито сказал он жене. - Голова твоя глупая!»* («Неудача»); *«...помни, что ты дачник, то есть раб, дрянь, **мочалка**, и изволь, как курицын сын, сейчас же бежать по городу исполнять поручения»* («Один из многих») и др.].

Отдельную лексико-семантическую группу составляют оценочные имена лиц, семантически мотивированные:

1) названиями мифических существ (*ангел, дьявол, бес, черт, сатана, ведьма, фея, русалка и др.*).

Ср.: «А у меня, знаете, товарищ прокурора сидит. Спасибо ему, ангелу, заехал за мной» («Perpetum mobile»); «Очень он мне нужен, старый черт! Дурак! Не мог найти другого банка» («Идиллия – увы и ах»); «Нешто это люди? Нешто их, чертей, проймешь добрым словом» («Брожение умов»); «Паршивый черт... – выговаривает он. – Насажали вас здесь, иродов, на нашу погибель» («Хирургия»); «Этой ведьме девяносто лет, душа моя» («Драма на охоте»); «Истинная артистка! Ха! ха! Ведьма» («Два скандала»); «Хорошо, если жена попадетя не дьяволица, ну а ежели сатана в юбке» («Дипломат»); «Рыжая чертовка...сама заулыбалась... но не время было улыбаться» («Два скандала»); «Браво! Вы не женищина, а фея» («Аптекарьша»). Ср. также: ангел («Старость», «Первый дебют»), дьявол, леший («Средство от запоя»), черти, нехристь («Горе»), нечистая сила («Восклицательный знак»), чертиха, чертяка, сатана длиннополая («Ведьма»), русалка («Неприятность») и др..

Подобные наименования всегда синкретичны, так как в мифическом персонаже сложно выделить какую-либо доминирующую черту, конкретный качественно-оценочный признак, а можно констатировать совокупность равнозначных характеристик, которая может быть перенесена на конкретное лицо.

2) названиями библейских персонажей: «Мученик ты, мученик несчастный! Младенец ты вифлеемский, Иродом убиенный» («Последняя могижанша»).

Оценочные имена, образованные путем метафорического переноса «человек→человек», формируются на основе сходства признаков, которые присущи самому человеку:

1) внешний вид: «В университете когда-то, благодаря его хорошему росту и силе, студенты называли его вышибалой» («Три года»); «Какой богатырь! – думал Овчинников» («Волк»); «Моему коллеге петербургскому обозревателю едва ли приходится когда-либо писать о таких театральных

великанах, как Самарин» («Осколки московской жизни»); «Ему, а не этим пигмеям, играющим сегодня сводника, а завтра Гамлета» («Барон»).

2) социально-общественное положение: *«Возьмите вы здешних жрецов науки, здешнюю, так сказать, интеллигенцию» («Три года»); «Между нами нет лакеев, подхалимов, подлипал, хриstopродавцев...» («Грач»); «Главное действующее лицо полицейского протокола сам «генерал от драки» артист художеств и кавалер М.В.Лентовский» («Осколки московской жизни»); «Я говорю о московской свадебной карете, той самой карете, в которой ездят новоиспечённые «прапорщики по супружеской части»» («Осколки московской жизни»).*

3) этническая принадлежность: *«...его прозвали в городе «поляк надутый», хотя он никогда поляком не был» («Ионыч»); «Негодяй! – кипятился майор. – Мошенник!...Афганец!» («Упразднили»);*

4) особенности характера, поведения: *«Дикари! – возмущился про себя француз» («Глупый француз»); Мучители... Барвары...» («Торжество победителя»); «Я вас люблю» ... – передразнил он. – Мальчишку какого нашла» («На даче»); «И вам станет понятен ущерб, наносимый обывательскому благодущию разбойниками пера» («Осколки московской жизни»); «С этим чумаком из чумаков может соперничать один только тульский грамотей Гандаров» («Осколки московской жизни»); «Вы не примадонна, а прачка! Возьмите у рыжей ноты» («Два скандала»); Сущая институтка! За что он на нас обиделся?» («Первый дебют»).*

Ярким примером лексико-семантической деривации как способа оценочного наименования лица в художественных произведениях А.П. Чехова может служить метафорический перенос «человек→человек», представляющий собой явление метафорической прономинации и связанный с переходом имён собственных в нарицательные. При метафорической прономинации в качестве субъекта сравнения в прозе писателя выступают: а) реальные люди (*Цицерон, Плевако, Сара Бернар, Бурбон* и др.), б) вымышленные мифологические существа (*Геркулес, Аполлон, Морфей,*

Мельпомена, Нептун и др.), в) литературные и исторические персонажи (*Квазимодо, Дон-Кихот, Дульциня, Отелло, Альфонс, Навуходоносор, Ирод* и др.).

Свойство приобретать обобщённый смысл присуще, прежде всего, «именам собственным, соотносимым с известными денотатами, и основано на чётких и прочных связях между именем и известным субъектом и, соответственно, всеми постоянными ассоциациями, вызываемыми отличительными признаками этого субъекта. Устойчивость ассоциаций, связанных с неким лицом, позволяет переносить его имя для обозначения людей, обладающих чертами, сходными с первоначальным носителем данного имени» (Леваева, 2010, с. 76). В качестве аспекта сравнения при метафорической прономинации чаще всего выступает функциональное сходство объекта, реже - сходство материальной характеристики (Андреева, 1999).

Номинативные единицы данного типа могут быть представлены:

1) обозначениями, утратившими яркую и прочную связь с историческими лицами или литературными персонажами, имена которых являлись для них производящими: *ирод* («Ведьма», «Свадьба»), *альфонс* («О женщинах», «Жиды»), *геркулес* («Осколки московской жизни»), *миннезингер, баян* («Пассажир 1-го класса»); *донжуан* («Длинный язык»), *бурбон* (в значении) грубый и невежественный человек (разг. устар.); от имени французской королевской династии *Bourbon* («Первый любовник»); *круглолицый Цицерон, московские Пенелопы, Манилов; Коробочка, печатающая пушкинскую «Пиковую даму»* («Осколки московской жизни»), *Квазимодо* («О женщинах»); *Змей Горыныч* («Тоска»):

«...на неё жадно и с любопытством смотрел Артынов, этот известный донжуан и баловник» («Анна на шее»); «Опять пьяный вернешься, ирод собачий! — сказала Лукерья, глядя на него со злобой» («Новая дача»); «Для чего ты пригласил на охоту этого бурбона? – спросил доктор Егора Егорыча» («Петров день»); «...он, видите ли, Фауст, второй

Толстой» («Дуэль»); «Он — Дон-Кихот, упрямый фанатик, маньяк, — думал Петр Михайлыч» («Соседи»); «Мой муж ревнив, это Отелло, но ведь мы стараемся вести себя так, что он ничего не заметит» («Ионыч»); «Голодные маляры едва не били его, обзывали жуликом, кровопийцей, Иудой-христопродавцем» («Моя жизнь»); «Теперь-то он червячком глядит, убоженьким, а прежде что было! Нептун!» («Торжество победителя»); «Иван, человек хороший но между нами сказать, Бурбон и наук не любит» («Письмо к ученому соседу»); «Незрелые он бросал в кусты, а спелые любовно подносил на широкой серой ладони своей Дульцинее» («За яблочки»).

2) обозначениями, заимствованными из источников, известных широкому кругу лиц, поэтому не потерявших своей связи с «прототипами», например: *«И это говорит человек, которого все мещане ставили по красноречию выше Плевако и Гамбетты!» («Осколки московской жизни»).* Это были реальные личности хорошо известные русскому читателю в период создания этого произведения: Леон Мишель Гамбетта – премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1881 – 1882 гг.; Фёдор Никифорович Плевако (1842 – 1909) – известный русский адвокат.

«Известная провинциальная актриса, которую пошехонские рецензенты называли «нашей Сарой Бернар»...» («Осколки московской жизни»). Сара Бернар (1844 – 1923) – французская актриса. Которую в начале XX века называли самой знаменитой актрисой за всю историю».

Прономинанты, встречающиеся в текстах А.П.Чехова, могут быть осложнены детерминативами (*царица Тамара*) или эпитетами [*Клеопатра египетская*]: *«Однако, брат, не шутя говоря, у вас в уезде своя царица Тамара завелась» («Тина»); «... кто-то проговорил, смеясь: — Клеопатра египетская» («От нечего делать»).*

Сближение имени собственного с именем нарицательным идёт по линии включения в его содержательную структуру характеристик, основанных на наиболее устойчивых и ярких ассоциативных связях имени.

Сквозь призму метафор те или иные качества человека наделяются оценочными коннотациями, транслирующими не только ценностные установки русского народа, но и особенности мировидения писателя.

Как отмечается в научной лингвистической литературе, «перенос значений отражает процесс осмысления и переживания явлений одного рода в терминах явлений другого рода говорящим лицом, стремящимся к творческому характеру передачи информации» (Погодин, 2001, с. 193; также об этом см.: Лукьянова, 1986, с.49).

Язык А.П. Чехова, чрезвычайно выразительный, полный ассоциаций, многие из которых возникают при изменениях в толковании традиционных оценочных значений метафорических номинаций (в том числе их экспрессивной составляющей) в связи с новыми контекстами в художественном произведении, представляет в этом плане особый интерес.

Следует отметить, что чеховская проза нередко дает весьма интересный семантический срез развития многих метафор.

Так, например, в плане содержания слова «осел» [ср.: «осел – перен; о глупом человеке» (СОШ, с.413)], встречающегося в повести «Три года», появляется семантический компонент «тащит на себе непомерно тяжелое бремя забот»: *«Он сказал, что он старый, двухжильный осел, на котором ездят все».*

Ср. также: собственно авторские оценочные метафоры, мотивированные дополнительными свойствами денотатов зоонимов: *собака бешеная* («Встреча»), *старый собака* («Барыня») и др.

«А помните, каким фырсином, восторженным телёнком прыгал я на этих любительских спектаклях...» («Рассказ без конца»).

Правильное понимание семантического наполнения того или иного оценочного словесного знака нередко обуславливается контекстом, детерминирующим метафорическое значение: *«Скот ты бесчувственный, Сенька!»* («Барыня»); *«Вы не можете себе представить, что это за нечистоплотная, бездарная и неуклюжая скотина!»* («Три года»);

«Скотина! Живёт так богато, имеет практику и долгов не платит!» («Отрава»); *«Принес деньги? – встречала она его каждый раз. – Нет? Что же ты со мной делаешь, пес лютый»* («Капитанский мундир»).

Необычный контекст может добавлять той или иной номинации иные, не зафиксированные в толковых словарях русского языка значения или их оттенки.

Так, например, оценочная номинация «поросенок» в рассказе «Петров день» [*«Ты его потерял, молокосос! – раздался громовый голос генерала. – Ты потерял его! Он сто рублей стоит, поросенок!»*] базируется на переносе внешних, физиологических свойств животного, связанных с представлением человека о внешней неряшливости [*«поросенок – перен.; о неряхе, замарашке (разг.)»* (СОШ, с.672)], на внутренние, психологические его свойства: нерасторопность, неуклюжесть, рассеянность и безответственность.

Оценочная номинация «кувалда» в рассказе «Поленька» реализует значение «необразованность»: *«От гостей и товарищей будет вас прятать, потому что вы необразованная, так и будет говорить: моя кувалда»*. Однако толковые словари фиксируют только одно переносное значение «неуклюжая, толстая женщина (прост, презрительное)» (ТСУ, т.2, с. 235).

В новом контекстном окружении в плане содержания слова «тюлень» вместо семы «неуклюжий, неповоротливый» [о неуклюжем, неповоротливом человеке (разг. шутл.) – ТСУ, т. 4, с. 213] актуализируется сема «молчаливый»: *«Невежливо молчать, когда с вами говорит дама. Какой вы, однако, тюлень, Володя!»* («Володя»).

Ср.: *«Загорел, оброс... настоящий паук!»* («Леший»). Данная конструкция актуализирует значение внешнего восприятия; ср.: «паук - перен.; символ жестокой и ненасытной жадности (разг.)» (ТСУ, с.). Как видим, автор реализует процесс метафоризации на основе объективно существующего сходства («небритость»), причем в семантическом неологизме отсутствует отрицательная оценочность.

Ср. также: *«Работает он от утра до ночи... – и в этом отношении он не человек, а золото; в остальном же прочем – это домовой конь, или...ученый тупица...кругозор его тесен и резко ограничен...»* («Скучная история»). Чеховская метафорическая оценка лица теряет здесь сему «тяжелый физический труд», актуализируя значение «много работающий человек, не имеющий результата, адекватного потраченному на труд времени».

Эти примеры наглядно показывают творческий потенциал А.П.Чехова при использовании оценочных номинаций.

Помимо метафоризации, оценочные номинации лица могут быть образованы А.П.Чеховым путем **метонимических переносов**. Известно, что способность метонимии служить сокращению, сжатию речи позволяет употреблять однословные наименования вместо расчлененных, аналитических. Метонимический перенос представляет собой операцию, связанную с «порождением и функционированием лексических единиц более глубокой семантики, синтагматически коррелирующих с когнитивными структурами». Изменения в семантике лексических единиц по метонимическому типу определяются «особенностями лингвокреативного мышления человека, при котором та или иная реальность воспринимается в непосредственной ассоциативной соотнесенности с другими» (Касьянова, 2009). Ср.: «Метонимии представляют своего рода открытия, которые привлекают внимание к незамеченным сторонам и деталям предметов, вызывают разнообразные дополнительные, побочные представления, сопровождаемые эмоциями, а потому метонимии предстают как результат действия лингвокогнитивного механизма экспрессивации, являя собой не только языковую, но и когнитивную операцию» (Косолобова, 2006, с.7).

Посредством метонимии создается комический портрет чеховского персонажа, который включает не только внешние очертания, но и характеризующие внутренний мир героя элементы.

Метонимические оценочные номинации действующего лица в художественной прозе А.П.Чехова могут быть образованы по следующим моделям:

1) наименование человека – наименование явления или предмета, связанного с этим человеком:

*«Окно это выходило из комнаты, в которой обитала на летнем положении молодая, только что выпущенная из консерватории, **первая скрипка**, Митя Гусев» («Который из трёх»); «Гляди, длиннополая **аллилуйя** в митрополиты выскочит, чего доброго, придется ручку целовать» («Дуэль»); «Отойди от меня, длиннополая **кутья**, чтоб я тебя не видел своими глазами! – слышался вдруг за дверью бабий голос» («Капитанский мундир»). Ср.: «кутья – 1) кушанье из крупы с медом или риса с изюмом, которое едят на похоронах (церк.); кутья – 2) устар.; насмешливое название лица из духовного сословия» (БТС, с. 536).*

2) наименование человека – наименование элементов внешности или одежды человека: *«Пролезли! — сказал Пробкин, с завистью и почти ненавистью глядя на удалявшихся дам. — Счастье, ей-богу, этим **шиньонам!**» («Женское счастье»); «**Руки по швам**» с завистью заглядывают в рот счастливица» («Ярмарка»); «**Синие панталоны** кряхтя поднимаются и, переваливаясь с боку на бок, как утка, идут через улицу» («Обыватели»); «**Соломенная шляпа** ворочается и во всеуслышание сердится на свои непослушные ноги» («В вагоне»); «Нужно быть бесчувственным тираном, чтобы пройти молчанием этот фактик и не поднести его на понюшку нашим милым **турнюрам**» («Осколки московской жизни»).*

Модель метонимической конструкции, которая реализуется в наименованиях действующих лиц по характерной для них одежде, головному убору, причёске и т.д., является для А.П. Чехова частотной. Как подчеркивают исследователи, в общенародном языке у данной тематической группы сформирована «потенциальная возможность метонимического употребления» (Косолобова, 2006). Однако если в литературе к. XIX — н.

XX вв. такой вид метонимического переноса, как правило, использовался для указания на социальную принадлежность обладателей одежды, то в прозе А.П. Чехова данная портретная деталь становится своеобразным знаком персонажа (напр., существительное *штаны* употребляется применительно к мужчине, причем приобретает уничижительный, юмористически-ругательный оттенок).

3) наименование человека – наименование составляющих физиологических процессов и болезней человека: «*А тут в это время дамы были... между прочим, жена этой слюни подпоручика Окурина*» («В номерах»); «*Отстань ты от меня, холера, со своим казаком вонючим, а то я к отцу уеду!*» («Казак»); «*А-а... так ты ещё ругаться, язва*» («Невидимые миру слёзы»).

4) наименование человека – наименование частей тела и органов человека: «*Пойми ты, тупой человек, пойми, безмозглая голова, что у тебя, кроме грубой физической силы, есть еще дух божий*»; «*Вы не знаете Марии Викторовны, это умница, прелесть, простая, добрая душа*» («Моя жизнь»); «*Я глядел в спину архивариуса, и мне казалось, что эта спина не плачет только потому, что боится нарушить общественную тишину*» («Речь и ремешок»); «*Убери сейчас же свою мужицкую харю! – закричала барыня*» («Барыня»); «*В стороне были кулисы, откуда смотрели на неё бледные злые рыла. Эти звериные рыла шипели*» («Два скандала»).

5) наименование человека – наименование свойства человека: «*У нас участвовал в «Я именинник» любитель, некий Сысунов. Первоклассный комический талант!*» («Страдальцы»); «*Разве это актёры? Самые настоящие посредственности*» («Критик»); «*Направо от меня сидит барыня из породы «само собой разумеется»*» («В вагоне»).

Ряд чеховских оценочных номинаций действующего лица осуществляется посредством разновидности метонимии – синекдохи, в основе которой лежит обозначение целого через его часть и части через целое. Подобные наименования всегда прагматически/ ситуативно или

контекстуально обусловлены: обычно речь идет о предмете, либо непосредственно входящем в поле восприятия говорящих, либо охарактеризованном в предтексте, – и могут быть представлены следующими разновидностями:

а) употребление единственного числа в значении множественного: «Француз никогда не позволит себе невежества» («На чужбине»);

б) употребление множественного числа в значении единственного: «... кто таков? Альфонс Шампунь! Знаем мы этих Альфонсов Шампуней!» («На чужбине).

Таким образом, писатель использует метафорические и метонимические оценочные наименования для создания комического эффекта, иронии, нередко переходящей в сарказм, а также для создания ярких положительных или отрицательных образов. При этом эмоциональная оценка исследуемых номинаций обнаруживает тесную зависимость от контекста, который способен изменять сам характер эмоциональной оценки

2.4.2. Словообразовательный способ создания оценочных наименований лица в художественных произведениях А.П. Чехова

Как отмечается в научной лингвистической литературе, «группировка слов, если мы хотим, чтобы она отражала действительные соотношения и связи их, складывающиеся в развитии языковой системы под воздействием как внутренних, так и внеязыковых условий, должна основываться на учете всех действующих здесь фактов: стилистических, семантических, стилистических и словообразовательных» (Сорокин, 1965, с.19). Подобный подход к исследованию языковых явлений дает возможность рассмотреть отношения между элементами системы в их взаимодействии, определить типологические структурно-семантические признаки, свойственные словам данной лексико-семантической группы, и выявить закономерности и морфологические особенности образования оценочных наименований лица.

Анализ показал, что оценочные наименования лица в художественных произведениях А.П. Чехова могут создаваться с помощью словообразовательных возможностей языка. По мнению исследователей, «словообразование, как и лексика, отражает сложную языковую картину мира, ибо во всех языках определенные представления об объективной действительности коррелируют не только со словом, но и словообразовательным аффиксом» (Вендина, 1990, с.159). Несомненным является и то, что «...клубок человеческого опыта «раскручивается» в процессе сознания экспрессивно-окрашенной лексики, поскольку формированию значений этого типа предшествует культурно-национальная стереотипизация...» (Телия, 1986, с.105). Экспрессивное словообразование, отражая формы оценочной деятельности сознания, позволяет лучше понять процесс восприятия окружающего мира, изучить ценностную картину мира, способы выражения целой палитры чувств, отношений в диапазоне одобрения-неодобрения того, о чем говорится.

Безусловно, самым продуктивным способом образования оценочных номинаций человека является суффиксация. Богатейшая система суффиксов в русском языке идеально приспособлена для выражения огромного спектра разнообразных эмоционально-оценочных отношений. Оценочные наименования лиц – имена существительные, образованные посредством суффиксации, «передают не только различное отношение к ним, но и позволяют выражать многообразие чувств: со значением снисходительно-ласкательной / презрительно-уничижительной оценки» (Воеводина, 2007).

Оценочные наименования лиц, образованные путем суффиксации, в прозе А.П.Чехова встречаются во всех тематических группах (см.: Глава II, с.50 и далее) и дают характеристику человека с точки зрения родственных отношений, внешности, возраста, социальной и гендерной принадлежности, профессии, занятий, национальности. Отдельную группу образуют имена собственные – имена персонажей. Рассмотрим суффиксальное образование этих номинаций подробнее.

1) Оценочные наименования, характеризующие родственные отношения человека, как правило, образованы с помощью суффиксов: **-ш-, -ок-, -ушк-/-юшк-, -еньк-, -к-, -очк-/-ечк-, -чик-, -ишк-** и представлены однокоренными группами: *мамаша – маменька – мамочка – матушка; папаша – папашенька – папашка – папенька – папка – папочка; тестюшка, сынок – сыночек – сынишка; дядька – дядечка – дядюшка; тетка – тетенька – тетушка; детки – деточки – детишки, женка – жenuшка – женишок*. Ср.: «*Пришлешь мне чай сюда, мамочка*» («Живой товар»); «*Матушка, ангельчик мой... Не плачьте-с*» («Драма на охоте»); «*Папашенька ваш ничего вам, кроме пользы вашей... И нас вот попросил...*» («Суд»); «*...в Курске и амурчик есть, а?...Женишок?*» («Баран и барышня»); «*Крестненький, выпьете водки?*» («Леший»); «*Мой тестюшка, как зюзя... Нахлестался, сволочь*» («Дурак»). В пределах одного словообразовательного гнезда чаще всего наличествуют производные с различными оценочными знаками. По мнению Л.Г. Смирновой, «возможность образовывать производные с компонентом оценки демонстрирует «оценочные потенциалы» того или иного исходного слова словообразовательного гнезда. Количество таких производных, знак оценки в них обусловлены значимостью обозначаемого исходным словом понятия в национальном лингвокультурном пространстве» (Смирнова, 2013, с.24).

Например, как отмечается в научной лингвистической литературе, суффикс **-ушк- (-юшк-)** «передает ласку, доброе отношение, а также отражает важную черту русской народной философии, которая считает, что человек заслуживает жалости и сострадания» (Вежбицкая, 1997, с.180).

В плане содержания суффиксальных оценочных номинаций могут присутствовать по отдельности и/или сочетаться семантические компоненты, содержащие информацию о темпорально-стилистических (ср. устаревшие словесные знаки *матушка* в значении «мать», *папенька, вдовица, супружница*) и функционально-стилистических (ср. просторечные и

разговорные слова: *мамаша, папаша, тятка, тятенька, дядька*) характеристиках, приобретаемых словом в процессе его функционирования.

2) Оценочные наименования, характеризующие возраст и пол человека образованы чаще всего с помощью суффиксов **-к-, -ух-, -ек-, -ушк-, -ик-, -енц-, -ец-, -ок-, -онк-**, придающих словам уменьшительно-ласкательное или уничижительно-пренебрежительное значения: *девка, молодуха, паренек, паренёчек, мужичок, мужичонок, мужичонка; старикашка, старик, старец, старичок, старуха, старушка, старушечка, старушонка, старушенция, дамочка* и др. Ср.: «...вползла маленькая старушонка, голова старухи похожа на маленькую переспелую дыню, хвостиком вверх» («Цветы запоздалые»); «По деревне идет пьяный мужичонка, поет и визжит на гармонике» («Ряженые»); «По опушке леса крадется маленький сутуловатый мужичонок» («Он понял!»).

Исследователи отмечают, что русское словообразование позволяет нанизывать аффиксы субъективной оценки, так что «экспрессивное напряжение слова может выразиться в удвоении, утроении суффиксов» (Голуб, 2006). Ср.: «Вот мчится в роскошных санях старушенция в костюме дамы благотворительницы» («Ряженые»); «Мальчишечка-то небось всё понимает» («Душечка»).

3) Оценочные наименования, характеризующие социальный, имущественный статус и происхождение человека, образованы с помощью суффиксов **-ишк-, -к-, -юшк-, -ек-, -еньк-, -ок-, -онок-, -ик-, -онк-** : *аристократишка, барынька, дворяночка, княгинюшка, князёк, князенька, купчик, купчишка*. Ср.: «Наш какой-нибудь аристократишка поедет к ним и живо по-ихнему брехать научится» («Дочь Альбиона») «Хозяйка дачи – жена не то грузина, не то черкеса князька» («Зеленая коса»); «В толпе два молодых купчика усердно жестикулируют руками и ненавидят друг друга» («Салон де варьете»).

Суффиксы **-ишк-, -к-, -ек-** придают словам уничижительный оттенок и используются для негативной характеристики лица (*аристократишка,*

князек, помещичек), а **-юшк-, -к-, -еньк-, -ок-, -онок-, -онк-** передают ласкательно-сочувственное отношение (*княгинюшка, дворяночка*).

Ученые считают, что в современном русском языке суффикс **-к-** сохранил положительную уменьшительно-ласкательную оценку в отсубстантивных производных женского рода. По мнению В.В. Виноградова, этот «формант...является одним из самых частотных оценочных аффиксов в образованиях женского рода» (Виноградов, 1986, с. 112). Ср.: *«Будет её мучить, бедняжку»* («С женой поссорился»).

4) Оценочные наименования лиц, обозначающие национальность, образованы с помощью суффиксов **-шк-, -ок-, -очк-, -ур-**: *армяшка, жидок, немочка, немчура, французишка, французик, еврейчик, жидок*, - и чаще передают уничижительно-презрительное отношение к некоторым представителям той или иной национальности. Это значение идет от персонажей А.П. Чехова, обозначая лишь элемент их картины мира (Эльвия Ваффа Хидир, 2013). Ср.: *«В те поры - было это, помню, в тридцать восьмом году - в Матвеевом Кургане армяшка жил, талисманы продавал»* («Счастье»); *«Вот бакалейная лавочка; когда-то хозяйничал в ней жидок, продававший мне в долг папирасы»* («Скучная история»); *«Венедикт Францыч учил... Такой потешный французишка»* («Забыл!!»).

5) Оценочные наименования, обозначающие род занятий человека, могут быть образованы с помощью суффиксов **-ик, -ишк-, -ичк-**, придающих словам уменьшительно-ироническое (*жандармик, офицерик, попик, коммерсантик, гимназистик, певичка* и др.) или пренебрежительно-уничижительное значение (*лекаришка* и др.). Ср.: *«...выбрали мы, братец ты мой, для графского мундира одного подходящего жандармика»* («Капитанский мундир»); *«Вошел мой кузен Митя, маленький гимназистик с большими, оттопыренными ушами, и шаркнул ножкой»* («Оба лучше»).

Среди отрицательно оценочных формантов, безусловно, следует выделить суффиксы, служащие исключительно для образования

уничижительных наименований лиц: - **ш(а)** (*ханша, капитанша*), - **их(а)** (*старостиха, хорунжиха, жандармиха*).

Однако некоторые номинации могут обладать и положительной оценочностью. Суффиксы **-енок, -к-, -ек, -ушк-** придают словам ласкательное значение (*поваренок, страничек, солдатушки*).

Как известно, уменьшительно-ласкательные суффиксы являются характерной чертой словообразования в русском языке, передающей эмоционально окрашенную коннотацию.

б) Наименования, характеризующие внешность человека и образованные с помощью суффиксов **-чик, -очк-, -к-, -ик, -ок:** (*ангельчик, блондиночка, брюнеточка, красоточка, растрепка, карапузик, толстячок* и др.), в своей семантической структуре имеют эмоционально-оценочный компонент, поскольку признак номинации предполагает наличие семы «выше/ниже нормы». Подобные оценочные наименования нередко распространяются уменьшительно-ласкательными прилагательными *маленький, миленький, толстенький, хорошенький, молоденький*, которые, как правило, усиливают положительную или отрицательную характеристику лица. Ср.: «*Оля - маленькая, стройная, хорошенькая блондиночка лет девятнадцати*» («Зеленая коса»); «*Она, маленькая, хорошенькая брюнеточка...*» («Женщина без предрассудков»); «*...обратился Егор Егорыч к маленькому седому толстячку в белом со светлыми пуговицами кителе*» («Петров день»).

С помощью суффиксов **-ин-** и **-их-** образуются сниженные словесные знаки (напр., *образина, франтиха*). Так, слово *образина* в плане своего содержания имеет сему отрицательной оценки и экспрессивно-стилистическую сему «пренебрежительное»: «образина - безобразное, отвратительное лицо, а также вообще безобразный, отвратительный человек (прост., пренебр.)» (СОШ, с.524). «*Вчера лысая образина, твой отец то есть, изволил пошутить*» («Перед свадьбой»). Ср.: «*...ему стало приятно*

от мысли, что он сейчас оборвет эту мелко шагающую, влюбленную в себя франтиху» («Неприятность»).

Данные номинации также используются в произведениях А.П. Чехова для усиления комического эффекта.

7) Оценочные наименования, характеризующие внутренние качества и особенности характера человека, образованы с помощью целого ряда суффиксов. Известно, что «признак качественной характеристики связан с выделением какой-либо черты, ее проявлением выше /ниже/ общепринятой нормы, социальной оценкой признака» (Долгов, 1984).

Номинации с суффиксом **-к-** могут иметь ласкательный [*«Я богачка, неженка, езжу на извозчиках, кушаю бекасов и дорогие пирожки»* («Пропавшее дело»)] или пренебрежительный [*«Завтра же ступай к доктору от галлюцинаций лечиться. Ты психопатка!»* («В потемках»)] оттенок.

Оценочные номинации, характеризующие лиц женского пола по особенностям их внутренних качеств, образуются с помощью суффиксов **-ух-**, **-ниц-** и обладают пейоративной окраской и эмоцией неодобрения и презрения: *потаскуха, развратница, бесстыдница*. Ср.: *«И маменьки ваши потаскухи и вы. Заодно с этими развратницами»* («Живой товар»);

Отрицательно оценочные номинации, характеризующие лиц мужского пола по особенностям их внутренних качеств, образуются с помощью суффиксов **-ец**, **-тель**, **-ник**, **-н(я)**, **-уг-**, **-ист**, **--ыг-**, **-як**, **-ур**, **-ун**, **-ох-**, **-ак-**: *подлец, оборванец, лихоимец, отщепенец, развратитель, прихлебатель, кляузник, разиня, хапуга, пьянчуга, скандалист, забулдыга, пошляк, замазура, болтун, брехун, пройдоха, ломака*. Ср.: *«Заметил, подлец!- подумал Пустяков. - А он, мерзавец, кляузник»* («Орден»); *«Разиня! – то и дело кричала она»* («Зеленая коса»); *«Из записок провинциального хапуги»* («Праздничные»); *«За тройками гнался невыносимейший в мире человек, известный всей губернии скандалист, брат Егора Егорыча»* («Петров день»); *«...ей приходилось видеть каждый день лица кутил и забулдыг, от которых она, Маруся, ни разу не слыхала ни одного доброго, порядочного*

слова» («Цветы запоздалые»); «На подобные притязания способны одни только бессовестные пошляки» («Месть»); «Чубиков вообще не любил говорить в дороге, болтун же Дюковский молчал в угоду старику» («Шведская спичка»).

Оценочный компонент в семантике производных наименований лица по выполняемому действию (*хануга, болтун, скандалист* и др.) определяется «семантикой мотивирующего глагола: если мотивирующий глагол обладает оценочным значением, то этот компонент сохраняется и в структуре производного» (Долгов, 1984, с.14).

В категории лица особенно ярко выступают коррелятивные пары параллельных мужских и женских суффиксов. Исследование показало, что однокоренные оценочные лексические единицы могут по-разному характеризовать лиц мужского и женского пола (ср.: *шельмочка и шельмец*).

В текстах А.П.Чехова встречаются также окказиональные номинации, образованные путем суффиксации (*канашка, сквернавец, знакомец, ругатель, ерундист, хрюкало, горячка, цыпка, коварщик, сердяга, варварка (от варвар)* и др.), которые обладают особой, повышенной экспрессивностью: «*Ба! Да это жених твой! С шиком, канашка, шельмец этакой!*»; «*И у этого сквернавца такая хорошенькая жена! - слышался сильный бас*» («На гвозде»); «*До водки очень охотник, живет не с женой, а с немкой, ругатель, но, можно сказать, чудодейственный господин*» («Лошадиная фамилия»).

Ср.: «...застаю там студиоза, из ваших же медиков, III курса, кажется» («Скучная история»); «Заставь дурандаса богу молиться, а он и лоб разобьет» («Живой товар»); «Она была уверена, уверена до фанатизма, что этот пьяный дурандас имеет сердце» («Цветы запоздалые»); «*Мамочка... ангел! – принялся я от восторга обнимать жену. – Зюмбумбунчик мой*» («Оба лучше»); «*В галереях конского бега, в енотах, бобрах, лисицах и барашихах, заседают жеребятники, кобелятники, борзятники, перепелятники и прочие лятники, мерзнут и сгорают от нетерпения*» («На волчьей садке»).

Ср. также окказиональные оценочные номинации лица женского пола, образованные от той же основы, что и наименования лиц мужского пола (*причудница, знакомка, самодержица, дьяволица* и др.): *«Тожже всё вздыхает, да всё на образа смотрит, дьяволица»* («Бабье царство»); *«Есть у меня одна знакомая девушка такая, врагиня моя лютая, — продолжала Жужелица, оглядывая всех с торжеством»* («Бабье царство»); *«...климат благотворно подействовал на нашу знакомку»* («Пассажир 1-го класса»).

Особую группу суффиксальных оценочных номинаций образуют эмоционально-оценочные обращения, в которых, какуже указывалось, положительные «эмоционально-оценочные, или эмотивные, семы полностью вытесняют денотативное содержание слова, целиком занимая его ядерное семантическое пространство» (Загоровская, 2011, с.175): *батенька, батюшка, братец, голубчик, голубушка, дружок, душенька, душка, душечка, сударик* и др. Ср.: *«Голубушка! Простите великодушно... ручку целую коленопреклоненно...»* («Комик»); *«Пожалуйста, голубчик. Дайте-ка мне первую половину, я проштудирую»* («Юбилей»).

Как показал анализ фактического материала, средством выражения оценочного значения могут быть также собственные имена существительные. В именах собственных «суффиксы субъективной оценки приобретают эмоционально-оценочный характер, эмоциональная оценка в данных формах выступает на первый план и становится преобладающей» (Медведева, 2013, с.48). Ср.: *Манечка* («Приданое»), *Анюточка* («Живая хронология»), *Петечка* («Безнадежный»), *Шуренька* («Святая простота»), *Глашенька* («Анрепренер под диваном»), *Климушка* («Пересолил!»), *Егорушка* («Цветы запоздалые»), *Степушка* («Барыня»), *Кузька* («Осколки московской жизни»): *«Макарушка, здравствуй, свет! - говорит он Макару Кузьмичу»* («В цирюльне»), *«Карпушка, старикашка лет шестидесяти, и поглядывал по сторонам»* («За яблочки»).

Некоторым персонажам своих рассказов А.П. Чехов умышленно дает только один вариант именованья – имя в квалитативной форме. От частого

употребления этой формы героями при обращении к данному персонажу экспрессивность и эмоциональная выразительность ласкательной формы стирается, следовательно, квалитатив становится ярко оценочным и в некотором смысле приравнивается к прозвищу.

Таковы особенности использования способа суффиксации для оценочной номинации персонажа в художественной прозе А.П.Чехова.

Что касается других способов аффиксации, то, как показало исследование, оценочные номинации лица, образованные путем префиксации (*архичудак, архикабатчики, архишулеры, обер-водочники, всечеловек, некнязя*) и нульсуффиксации (*неуч, пролаза, нахал, враль*), представлены единичными примерами. Ср.: *Не пускала бы свою дочь гулять и «заниматься пустяками» в компании забияк, ветреников, безбожников и «некнязей» («Зеленая коса»); «Поучите этого неуча нотам!» («Два скандала»); «К последним относятся господа рецензенты, пролазы, выдающие себя за рецензентов» («Он и она»).* Приставочные морфемы нередко усиливают, интенсифицируют оценку, содержащуюся в лексической семантике слова (напр., *архичудак, архишулер* и др.).

В рамках исследуемого материала были выделены также оценочные номинации лица, образованные способом сложения, который представлен двумя разновидностями:

1) основосложением (иногда с суффиксацией) (*дармоед, молокосос, зубоскал, душегубец, пустомеля, хриstopродавец, чинодрал*): *«Вы разбаловали этих дармоедов» («Барыня»); «Здесь и все те серьезнейшие, умнейшие дельцы, которые в интимных беседах театр величают чепухой, а актеров дармоедами» («Опять о Саре Бернар»); «Ты его потерял, молокосос! - раздался громовый голос генерала» («Петров день»); «Почтения ему подпусти... Они, чинодралы, любят это» («Трагик»).*

Среди подобных словесных знаков встречаются окказиональные лексические единицы (*человеконелюбец, карманолюбец*): *«А что значит скептик? Скептик значит человеко... человеко... нелюбец, - сказал он»*

(«Петров день»); «По вагонам вместе с карманолюбцами гуляют сквозные ветры» («В вагоне»);

2) словосложением (напр., *офицеры-вертопрахи, немцы-табачники, товарищи-изменники, женщина-пройдоха, мальчишка-подлец* и др.). Ср. также: «...любят утверждать, что знатный граф видел в «бедном и незнатном» судебном следователе хорошего прихвостня-собутыльника» («Драма на охоте»); «У всех мужья как мужья, одну только меня господь наказал сокровищем-лежебоком!» («Индийский петух»).

Во многих случаях второй композит подобных лексических единиц является уточняющим атрибутом к препозитивному родовому имени. Ср. пример, в котором уточняющий атрибут оценочной номинации лица создан А.П. Чеховым по законам языковой игры: «Мадемуазель-стриказель, бараньи ножки, же ву при» («Нарвался»).

Оценочные наименования лица в произведениях А.П. Чехова могут создаваться также за счет субстантивации. Ср.: «Хорошенькая просыпается, обводит глазами публику и... бессознательно кладет головку на плечо соседа, жреца Фемиды... а он, дурак, спит» («В вагоне»); «...Люблю, когда молодое, зелёное дуется, мозгами шевелит» («Тапёр»); «Косолапые сначала слушали и величали...» («Староста»).

Таким образом, А.П.Чехов широко и плодотворно использует словообразовательные способы выражения оценки персонажа. Оценочные номинации этого типа обладают большим экспрессивным и образным потенциалом. Включенные в контекст художественных произведений, они передают различные эмоции, содержат положительную и отрицательную оценку лиц и объектов, маркируют авторское отношение (чаще ироничное) к лицам и объектам повествования. Как отмечается в работе Эльвия Ваффа Хидира, «ирония в рассказах А.П.Чехова, как правило, чаще распространяется на женские персонажи, нежели на мужские. Она смягчает, скрывает истинное отношение автора к своим героиням, то есть выступает как средство эвфемизации» (Эльвия Ваффа Хидир, 2013).

2.4.3 Синтаксический способ выражения оценки в наименованиях лица в художественных произведениях А.П. Чехова

В рамках исследования в качестве вспомогательных, усиливающих оценочность наименований персонажа, нами были рассмотрены также сравнительные конструкции как синтаксические средства выражения эмоциональной оценки.

В ходе анализа сравнений было выявлено, что они могут употребляться:

1) при глаголе: *«Покупатели, не мигая, глядят на ее спину; доктор жмурится, как сытый кот, а поручик очень серьезен»* («Аптекарьша»); *«Ариадна презирала практику жизни, ей не было никакого дела до всего этого, и, когда я, бросая тысячи франков на удовлетворение ее безумных желаний, кричал, как старое дерево, она с легкой душой напевала «Addio, bella Napoli»* («Ариадна»); *«Вы кончили университет, но рассуждаете, как банщик»* («Двадцать девятое июня»); *«Эти женщины любят, как кошки. Моя героиня, сошедшись и начавши жить со своим пугалом, не отказалась от своих глупых привычек»* («Два скандала»);

2) при существительном: *«Что вам угодно? - обратился он к просительнице в допотопном салоне, очень похожей сзади на большого навозного жука»* («Беззащитное существо»);

3) при прилагательном: *«Когда он не стоит во главе оркестра и не смотрит на свою партитуру, он совсем другой человек. Тогда он вежлив, любезен и почтителен, как мальчик»* («Два скандала»); *«Глупа, как сивый мерин, чёрт бы ее взял»* («Беззащитное существо»);

4) при местоимении: *«Мы, как сытые удавы, обращали внимание только на блестящие предметы»* («Ариадна»); *«Привык я к вам, как легавый! - продолжал Огнев. - Почти каждый день к вам шлялся, раз десять ночевал, а наливки выпил столько, что теперь вспоминать страшно»* («Верочка»)

Наиболее характерно для художественной прозы А. П. Чехова полное сравнение, заключающее в себе предмет, образ и основание сравнения, например: «Пока я сидел в парке, стало темнеть, и в сумерках показалась моя Ариадна, изящная и нарядная, как принцесса; за нею шел Лубков, одетый во всё новое и широкое, купленное, вероятно, в Вене» (Ариадна). В данном примере предмет сравнения – Ариадна, образ сравнения – принцесса, признак, основание сравнения – изящная и нарядная. Сравнения этого типа у Чехова часто распространены определениями, что придает им большую законченность и выразительность. Ср.: «Я каждый день видел, как эта дама, очень полная, пухлая, важная, похожая на откормленную гусыню, гуляла по саду, в русском костюме с бусами, всегда под зонтиком, и прислуга то и дело звала ее то кушать, то чай пить» («Дом с мезонином»).

Как показало исследование, наиболее значительную в количественном отношении группу образуют сравнения, в которых образ сравнения выражается одним словом или словосочетанием, характеризующим чеховского персонажа (нередко сатирической окрашенности).

Компаративные отношения могут оформляться:

1) при помощи союзов (как, словно, точно и др.): «Наш убежал к себе, а я стою в коридоре и, как дурак, ничего не понимаю» («Женское счастье»); «Савка был парень лет 25, рослый, красивый, здоровый, как кремень» («Агафья»); «Да и здесь надо жить. Ариадна, точно ребенок, не хочет войти в положение и сорит деньгами, как герцогиня» («Ариадна»); «Работаешь ты, словно лошадь, и доброго слова не слышишь» («Бабы»); «Покупатели, не мигая, глядят на ее спину; доктор жмурится, как сытый кот, а поручик очень серьезен» («Аптекарьша»); «Он пыхтел и сопел, как плохо смазанный молотильный паровик» («Ненужная победа»).

Созданная посредством сравнения оценочная номинация может являться результатом формирования синонима к стоящему впереди сравнительного оборота оценочному слову или словосочетанию, например: «Мазурку она танцевала с тем же громادным офицером; он важно и

тяжело, словно туша в мундире, ходил, поводил плечами и грудью, притоптывал ногами еле-еле» («Анна на шее»).

2) при помощи слов типа *подобный, похож* или глаголов *походить, показаться, напоминать*: «А талия? Эта кукла **напоминает мне длинный гвоздь**» («Дочь Альбиона»);

3) при помощи приложения: «**Стойте, чёрт вас возьми! Если эти козлы-тенора не перестанут рознить, то я уйду!**» («Два скандала»); «Штраль - миленький толстенький **немец-карапузик**, с уже заметной плешью на голове» («Который из трех?»); «Я дал ему, и он тотчас же оживился и стал смеяться над своим **дядей, чудачком**, который не мог сохранить в тайне от жены его адреса» («Ариадна»);

4) как синтаксический параллелизм: «Иду к дому, а навстречу мне **рыжая собака, толстая, похожая на свинью**. Хочется ей лаять, да лень. Вышла из кухни кухарка, голоногая, **толстая, тоже похожая на свинью**, и сказала, что барин отдыхает после обеда» («Крыжовник»).

Особый интерес, на наш взгляд, представляют многочисленные развернутые чеховские сравнения, образ которых нередко осложняется придаточными предложениями, что придает описанию особую выразительность. Ср.: «Иван Дмитрич, глядя на жену, улыбался широко и бессмысленно, **как ребенок, которому показывают блестящую вещь**» («Выигрышный билет»); «Она, восемнадцатилетняя девочка, стояла, глядела в ноты и дрожала, **как струна, которую сильно дернули пальцем**» («Два скандала»).

Для усиления воздействия А.П.Чехов может использовать прием нагромождения синонимических сравнительных конструкций: «Сижусь, **как подлец какой-нибудь, как каторжный**, и на воду гляжусь, **как дурак какой-нибудь**» («Дочь Альбиона»).

Кроме того, писатель может прибегать к преобразованию сравнений-штампов, которое происходит:

1) за счет расширения лексического состава узуального сравнительного оборота путем введения слов, осложняющих его традиционную семантику [*«Предположенный надулся, как объевшийся индюк, и умолк» («Двадцать девятое июня»)* (надулся, как индюк» - ССРЯ, с.528); *«Я и земский врач - народ худенький, остальные же толсты, как стоведерные бочки, а потому, несмотря на то, что дедовская коляска была и широка и глубока, нам было до чёртиков тесно» («Двадцать девятое июня»)* (ср.: «толстая как бочка, корова») - ССРЯ, с.589); *«Проводив после ужина молодых в спальню, он отправился к себе и уснул, как ни в чем не повинный ребенок, а на другой день он уже не помнил истории с осетром» («Клевета»)* (ср.: уснул как ребенок – ССРЯ, с.536) и др.];

2) за счет замены одного из компонентов узуального сравнения или контаминации элементов двух сравнений [*«Отлетаев был глуп, как сорок тысяч братьев, и невежа страшная»* (Двадцать девятое июня) (ср.: глуп, как бревно, осёл, сибирский валенок - ССРЯ, с.334; «любил, как сорок тысяч братьев» (В.Шекспир); *«Он вовсе не переплачивал! - горячился Предположенный, - он врет! Врет, как школяр! Врет, как свинья!»* («Двадцать девятое июня»)) (ср.: «врет, как сивый мерин» – ССРЯ, с.522); *«Он был вял телом, как парниковый овощ»* («Дома»)) («вял как половая тряпка» – ССРЯ, с.526); *«Стоит, как чучело, и бельмы на воду таращит»* («Дочь Альбиона»)) («стоит как пугало» – ССРЯ, с. 553); *«Эх, милый друг, пьян я, как курицын сын, а все понимаю!»* («Жилец»))(ср.: «пьян как свинья, скотина, как сапожник» – ССРЯ, с.571); ср. также: *«тонкая, как голландская сельдь»* (по типу: тонкая, как жердь), *«бледна, как зеркало»* (по типу: «бледна, как смерть») и др.].

Примеры показывают, что сравнительные конструкции являются эффективным средством создания оценочной номинации персонажа и используются А.П. Чеховым для раскрытия психологического состояния героев, а также для выражения отношения писателя к персонажу и создания иронического и/или сатирического эффекта.

Таким образом, оценочные номинации лица, образованные лексико-семантическими, словообразовательными и синтаксическими способами, участвуют в создании ярких запоминающихся образов и позволяют выявить авторскую идею, лежащую в основе художественной картины мира А.П. Чехова. Оценочные номинации действующего лица обладают большим экспрессивным и образным потенциалом. Включенные в контекст художественных произведений, они передают различные эмоции, участвуют в создании ярких запоминающихся образов, маркируют авторское отношение (чаще ироничное) к лицам и объектам повествования. В семантике всех подобных номинаций особую яркость приобретают эмоционально-оценочные семы, отражающие эмоции и оценки субъектом речи тех или иных обозначаемых реалий, актуализированные или формируемые в системе художественного целого.

2.5. Парадигматические и синтагматические отношения и их роль в процессе создания и функционирования оценочных номинаций персонажа в художественных произведениях А.П. Чехова

Для адекватного авторской интенции понимания семантики оценочных номинаций важно учитывать их функционирование в контексте, что приводит к необходимости проанализировать парадигматические и синтагматические отношения этих лексем в структуре художественного текста.

Парадигматические отношения слов с оценочным компонентом значения традиционно представлены прежде всего в виде синонимических и антонимических связей.

Большая роль в создании оценочной номинации персонажа в произведениях А.П. Чехова, несомненно, принадлежит синонимам. Синонимы служат средством усиления эмоциональной оценки. Причем контекстуальные синонимы преобладают над собственно языковыми и, имея

одинаковую предметную отнесенность, служат средством разносторонней характеристики персонажа.

Основной функцией контекстуальных синонимов в описании персонажа является функция пояснения, уточнения, конкретизации, которая чаще всего реализуется в пределах одного предложения при близком, контактном расположении слов. Такое контактное расположение синонимов имеет ярко выраженную экспрессивную окраску. Ср.: «**Фабрикант Фролов, красивый брюнет** с круглой бородкой и с мягким, бархатным выражением глаз...» («Пьяные»); «**Странники тоже! Пьяницы...**» («Недоброе дело»).

Необычные экспрессивные синонимические ряды создают метафорические оценочные дериваты. Ср.: «*Русь, братец ты мой! Настоящая Русь! Народ на подбор! И что за народ! Какому, прости господи, **скоту** немцу или французу сравняться? Супротив нашего народа всё то **свиньи, тля!**» («Свистуны»); «**Дурак! Болван! Осел!** Я тебя проучу, мошенника! Взял заказ две недели тому назад, а сапоги до сих пор не готовы! Ты думаешь, у меня есть время шляться к тебе за сапогами по пяти раз на день? **Мерзавец! Скотина!**» («Сапожник и нечистая сила»).*

В подобных примерах оценочные номинации вступают в синонимические ряды анималистических метафор и имеют, как правило, негативную коннотацию.

Синонимический характер отношений оценочных номинаций, включающих анимализмы, обнаруживается также в следующих примерах: «Какой я **отец семейства?** Я **мученик!** Я **вьючная скотина, негр, раб, подлец,** который все еще чего-то ждет и не отправляет себя на тот свет! Я **тряпка, болван, идиот!**» («Трагик поневоле»); «Ты - муж, а слово «**муж**» в переводе на дачный язык значит **бессловесное животное,** на котором можно ездить и возить клади сколько угодно, не боясь вмешательства общества покровительства животных» («Трагик поневоле»).

Ср. также лексические и лексико-фразеологические синонимические ряды: «А я тебя и не вижу! Здорово, **осел!** Как поживаешь? <... > Ах ты,

лошадь! Ах ты, свинопас!» («Безотцовщина»); «А больше всего я натерпелся и поношений разных вынес от этого вот сига копченого, от этого вот - крокодила! вот от этого самого смиреника, от Курицына!» («Торжество победителя»); «У входа в меблированные комнаты дремлет швейцар; эта грубая скотина отворяет дверь и не глядит» («Открытие»); «Всё, что есть на десятках тысяч ваших десятин здорового, сильного и красивого, всё взято вами и вашими прихлебателями в гайдуки, лакеи, в кучера. Всё это двуногое живье воспиталось в лакействе, объелось, огрубело, потеряло образ и подобие, одним словом» («Княгиня»); «Сивый мерин, скорбя о падении печатного слова, побьет палкой какого-нибудь «нашего собственного корреспондента». Торжествующая свинья, в видах поднятия народной нравственности, порекомендует упразднить уличные фонари» («Осколки московской жизни»).

Зоометафоры активно формируют фразеологические единицы, вступающие в парадигматические отношения с различными по своей природе оценочными антропонимами: *хорошая рабочая лошадь* («Драма на охоте») - *вьючное животное* («Остров Сахалин»).

В произведениях А.П. Чехова встречаются синонимические ряды с оценкой разных аспектов описания персонажа, в том числе и номинации по этническому признаку, например:

«...ты дура! Плачь, несчастная, переваренная немецкая колбаса! Плачь, пивная бутылка!» («Жены артистов»); «Подлец, негодяй... вот что! Мошенник! Немчура! Я тебя терпеть не могу, ненавижу, презираю!» («Который из трех?»).

Примеры показывают, что А.П. Чехов нередко прибегает к приему нанизывания синонимов:

«Козулина вы не знаете; для вас, быть может, он ничтожество, нуль, для нашего же брата, не парящего высоко под небесами, он велик, всемогущ, высокомудр... Ты теперь, положим, ничтожество, нуль, соринка... изюминка — а кто знает? Может быть, со временем и того...

судьбы человеческие за вихор возьмешь!» (Торжество победителя); «...молодой человек не прослужит и трех лет, как становится лицемером, подлипалой, ябедником...» («Княгиня»).

Члены синонимических рядов могут создавать фигуру градации, состоящую из двух, трёх, четырёх и даже пяти членов, например:

«Теперь-то и отдаться любимому человеку, сделаться его подругой, помощницей, носительницей его идеалов» («Загадочная натура»); *«Щепку ты из меня сделал, ирод, мучитель, злое мое произволение»* («Случай с классиком»); *«Я куроцан, волк, коршун, птица хищная, но во мне все-таки есть настолько чувств и ума»* («Закуска»).

Ср. также: *«Проклятая гадина! Вор! Шарлатан! Палач!»* («Палата № 6»). В данном примере экспрессивность градации усиливается за счет восклицательного знака. Автор употребляет оценочные контекстуальные синонимы, чтобы полнее охарактеризовать «противника», наделить его разнообразными отрицательными качествами, а также показать накал эмоций, степень негодования героя.

Синонимы могут иметь дистантное расположение. Ср.: *«Вчера...здесь просидел вот с этой стерлядью... с чертовкой с этой....Стоит, как чучело, и бельмы на воду таращит...Живет дурища в России десять лет, и хоть бы одно слово по-русски!..Она не женщина, а девица... О женихах, небось, мечтает, чертова кукла....Стоит, каналья, и сознает, что она человек и что, стало быть, она царь природы....Ах ты, кикимора! Для детей только и держу этого тритона»* («Дочь Альбиона»).

Ср.: *«Если ты, дрянь этакая, - заговорил он глухим, плачущим голосом, - впустишь его сюда еще хоть раз, то я тебя... Тварь негодная! Мерр... зость!»* («Живой товар»); *«Да ведь Трамб подлец! Это такой негодяй...Негодяй и вор, одним словом...Этот Трамб такая тварь...Трамб – ерунда, карманный воришка сравнительно со мной»* («Ушла»).

Такая изобразительная вариативность номинаций персонажа играет важную роль в структуре повествования, более полно и глубоко раскрывает

взаимоотношения между персонажами, даёт возможность выражать свои симпатии и антипатии к именуемому лицу.

В одном предложении писатель может использовать несколько синонимичных рядов, характеризующих персонажа по разным признакам. Ср.: *«И скажи, пожалуйста, весь класс из разбойников состоял, из сорвиголов, но, понимаешь ты, великодушны были! Таких маленьких, как ты, в мое время не было, а всё верзилы, этакие балбесы, один другого выше. К примеру сказать, у нас в третьем классе был Мамахин: господи, что за дубина! Понимаешь ты, дылда в сажень ростом, идет - пол дрожит, хватит кулачищем по спине - дух вон!»* («Накануне поста»). В данном случае выбор синонимов обусловлен необходимостью сделать речь максимально доступной для восприятия ребенка. Именно синонимы позволили автору избежать неуместной тавтологии, да и, к тому же, прибавили речи выразительности.

В структуре художественного повествования в синонимические отношения могут вступать слова, совершенно разные по значению. Подобные контекстуальные окказиональные синонимы, как правило, выступают средством речевой характеристики героев, уровня их образованности, культуры. Ср.: *«Она теперь барышня, деликатес, консюме и все такое», — восклицает персонаж рассказа «Отец». Синонимы в речи персонажа по отношению к его дочери точно характеризуют говорящего. Ср. также: *«Молодые жены нынче уж слишком тово... рандеву, соус провансаль»* («В почтовом отделении»).*

Интересным приёмом приёмом, который использует А.П.Чехов, является контекстуальная синонимия слов, противоположных по значению. Ср.: *«Нешто это люди? Нешто их, чертей, проймешь добрым словом»* («Брожение умов»); *«Честнейший человек, благороднейший, но мерзавец в своем роде, архаровец. Не мерзавец, а так себе... гений в своем роде, коришун»* («Рыцари без страха и упрека»).

Оценочные номинации могут повторяться в тексте художественного целого и функционировать в речевой сфере как персонажа, так и автора, что обуславливает формирование лексических тем разных субъектов: автора, рассказчика, персонажей. Повторяясь в тексте, оценочные номинации лица становятся не только важнейшим текстообразующим фактором, но и выразительным лексико-семантическим средством организации художественного произведения, в котором персонаж является, как правило, смысловым центром всей семантической и идейно-эстетической структуры.

Повторные наименования одного и того же лица не только передают информацию о нем из одного сегмента текста в другой, но и могут отражать своеобразное пересечение точек зрения автора и персонажа, образуя так называемую «полифонию точек зрения» (термин М.М. Бахтина). Такие совмещенные номинации способствуют образованию в тексте внутрисловных текстовых парадигм, создающих структурно-семантическую целостность фрагмента. Внутрисловные парадигмы нередко являются в художественном произведении одним из средств создания комического в описании героя.

Ср.: «Надеюсь, что вы, как честный человек..., - забормотал Лапкин, краснея. - Подсматривать подло, а пересказывать низко, гнусно, мерзко... Полагаю, что вы, как честный и благородный человек.... - Дайте рубль, тогда не скажу! - сказал благородный человек. - А то скажу» («Злой мальчик»). В данном примере авторская ирония относится не столько к мальчику, сколько к неуместности обращения Лапкина к ребёнку как к взрослому человеку, который способен руководствоваться в своих поступках высокими соображениями порядочности и честности.

Синонимические номинации играют важную роль в создании образов героев, в развёртывании основных тем и мотивов художественного текста. Так, повторные номинации главного героя в рассказе «Ионыч» позволяют проследить постепенную деградацию доктора Старцева: *Старцев – Ионыч – поляк надутый* (хотя доктор Старцев поляком не был).

Помимо широкого использования синонимии как средства описания персонажа, для индивидуальной манеры А.П. Чехова характерно построение произведений на основе смыслового противопоставления, контраста, что находит отражение, в частности, в антонимических образованиях, «направленных на воспроизведение противоречий материального и духовного мира – действительности, современной писателю, передающих противоречивость условий общественной жизни, отражающих контрастность целого ряда образов, явлений» (Сазонова, 2011, с. 4). Ср.: *богатый – бедный человек, богатый человек – бедняк, молодой человек – старичок* (уменьш. - ласк.), *молодой парень – старик, порядочный господин – жулик, умный человек – дурак* (разг.). Например: «Уроды стали красавицами, злые добрыми, гордые смиренными, мизантропы филантропами» («Исповедь»).

В прозе А.П.Чехова в антонимические ряды могут объединяться слова с противоположными значениями, принадлежащие к разным частям речи: «Ты – старый ребенок, теоретик, а я – молодой старик и практик, и мы никогда не поймем друг друга» («Дуэль»).

В произведениях этого автора конструкции с антонимами не только приобретают яркую художественную выразительность, образность, но и характеризуются семантическим своеобразием. Противопоставление выявляет такие скрытые возможности слов, заложенные в них потенциально, которые могут быть не выражены словарно или выражены недостаточно определенно. Многие противопоставления оценочных номинаций являются индивидуально-авторскими образованиями писателя, не входят в узуальное употребление и становятся антонимичными в условиях конкретно-речевого употребления, ситуативно обусловленного, иными словами, противоположность значений может создаваться контекстом.

Ср.: «У *Ольги Дмитриевны* тоже мелкие и хищные черты лица, но более выразительные и смелые, чем у матери; это уж не хорек, а зверь покрупнее!» («Супруга»); «В самом деле, вы не мужчина, а какая-то,

прости господи, размазня» («Ариадна»), «*Нешто мужики — люди? Не люди, а, извините, зверьё, шарлатаны*» («Моя жизнь»), «*Это не жена, не хозяйка, даже не прислуга, а скорее приживалка, бедная, никому не нужная родственница, ничтожество*» («Печенег»), «*Свинья ты после этого, а не кошка...*» («Накануне»), «*Мой же Петр не камень, а тряпка*» («Письмо»);

Нередко антонимы являются способом реализации ретроспекции - «грамматической категории текста, объединяющей формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации» (Гальперин, 1981), и используются для восстановления в памяти читателя ранее данных сведений о персонаже, а также об изменениях, произошедших в нем с течением времени.

Ср.: «*Это была уже не прежняя тонкая, хрупкая, бледнолицая девушка, а зрелая, красивая, сильная женщина*» («Три года»); «*Когда он, пухлый, красный, едет на тройке с бубенцами... то картина бывает внушительная, и кажется, что едет не человек, а языческий бог*» («Ионыч»). В этих примерах антонимы, выполняющие роль ретроспекции, расположены контактно в пределах одного предложения.

Чаще же антонимичные лексемы имеют дистантное расположение - в разных предложениях, абзацах, а иногда и главах произведения. Ср.: «*Теперь-то он червячком глядит, убоженьким, а прежде что было! Нептун! Небеса разверзся!» («Торжество победителя»).*

А.П. Чехов намеренно отходит от стереотипа, вовлекая в антонимические отношения несоизмеримые, нерядоположные элементы. Объединения контрастных лексических единиц (обычно прилагательное с существительным), репрезентирующих один концепт, но имеющих противоположные характеристики (с точки зрения обыденного сознания, они не могут принадлежать одному объекту), базируются на явлении лексического оксюморона. Возникшее в результате оксюморона понятие является своеобразной категориальной ошибкой (совмещение

несовместимого), что и вызывает комический эффект. Ср.: «За-ме-чательно подлая!» - возмущался Кистунов, нервно вздрагивая плечами» («Беззащитное существо»). В качестве примера того, как антонимичные оценочные номинации способны создавать оксюморонный рисунок в характеристике персонажа, можно привести ситуацию из рассказа «Припадок», в котором говорящий стремится побудить к определённому действию собеседника, раздражающего своей несговорчивостью: «Ну, ну, голубчик... - сказал художник и поцеловал его в шею. - Не капризничай... Гри-Гри, будь товарищем! Вместе пришли, вместе и уйдем. Какой ты скот, право. Я могу подождать вас на улице. Ей-богу, мне здесь противно!» («Припадок»).

Индивидуальное восприятие мира писателем, пользующимся богатством и неисчерпываемыми возможностями русского языка, способствует расширению круга антонимов современного русского языка, пополнению их состава. При этом автор стремится к употреблению не только языковых, но и контекстуальных антонимов, созданию неповторимости авторского словотворчества, передающего его индивидуальность, его ведение мира.

Примеры наглядно показывают, что антонимические и синонимические отношения между оценочными номинациями действующего лица в творчестве А.П. Чехова демонстрируют неоднозначность восприятия человеком жизненных реалий и способствуют более глубокому и разностороннему раскрытию образов персонажей и авторского замысла.

Этой же цели служат и синтагматические аспекты употребления оценочной номинации персонажа в художественной прозе А.П. Чехова.

Синтагматические отношения оценочных номинаций реализуются в их лексической и фразеологической сочетаемости. Лексическая и фразеологическая сочетаемость, основанная на индивидуальных семантических свойствах слова, предопределяет круг его ближайшего окружения. Среди возможных распространителей оценочной лексики основное место занимают определения, участвующие в образовании

оценочной номинации и выполняющие определённые функции, а именно:

1) усилительную (тавтологическую) функцию, подчеркивая признак во внешности или особенностях характера персонажа, уже данный в определенном слове, например:

*«Идет Коваленко по улице, **высокий здоровый верзила**; в одной руке пачка книг, в другой толстая суковатая палка»* («Человек в футляре»); *«Как мал, и какой уже **большой подлец!**»* («Злой мальчик»); *«Огонь баба! **Огненный огонь**»* («Барыня»); *«Бедность, ежеминутно оскорбляемое самолюбие, оскорбляемое... кем? **Ничтожными людишками**, разными Фуровыми, поварами, купчишками»* («Цветы запоздалые»).

2) уточнительную функцию, характеризуя оценку персонажа с какой-то определенной стороны, например:

*«Мещанин Михаил Петров Зотов, **старик лет семидесяти, дряхлый и одинокий**, проснулся от холода»* («Нахлебники»); *«Неужели, - подумал я, - эта **пришибленная, приплюснутая фигурка** умеет говорить такие слова, как «филистер» и «свобода»* («Двое в одном»).

3) функцию создания комического/ сатирического эффекта, например:

*«Он **родной осел**, ваше превосходительство, а не брат»* («Петров день»); *«Дур-то много, да всё **умные дуры**»* («Дура, или капитан в отставке»).

Для создания комизма у А.П. Чехова используются и индивидуально-авторские эпитеты, например, *«кислолицый старик»* («Пьяные»).

Как уже отмечалось, значительный эстетический эффект, обусловленный крайней степенью экспрессии, может быть достигнут, если рассказчик использует для характеристики героя ряд повторяющихся оценочных определений-синонимов, образующих своеобразную текстовую лексическую парадигму:

*«Под квартирными и дачными хозяйками привык я разуместь особ пожилых, ревматических, пахнувших кофейной гущей, но тут...сидела **чудесная, великолепная, изумительная, очаровательная особа**»* («Из воспоминаний идеалиста»).

В данном примере мы наблюдаем весьма характерный для творчества А.П. Чехова прием сгущения признака, который осуществляется путем нанизывания синонимов, так называемая «амплификация синонимов» (термин К.С. Горбачевича). Настойчивое обращение к одному и тому же образу создает в художественном тексте особую синонимическую конденсацию, которая облегчает восприятие самой главной, существенной стороны изображаемого персонажа, увиденного как бы глазами рассказчика.

Таким образом, представленная в художественной прозе А.П.Чехова разветвленная система парадигматических и синтагматических связей оценочных номинаций свидетельствует об их семантической многоплановости, которая получает особую реализацию в конкретном контексте.

Анализ парадигматических и синтагматических отношений оценочных номинаций персонажа в художественной прозе А.П.Чехова показал, что синонимические и антонимические цепочки используются в качестве средства создания образа персонажа, раскрывают эмоциональную атмосферу художественного произведения, его концептуальное содержание, а определения-распространители служат для усиления и /или уточнения оцениваемой характеристики персонажа, а также для создания комического эффекта.

Выводы.

Анализ оценочных номинаций персонажа, представленных в прозе А.П. Чехова, показал, что эти номинации могут выражать: а) общеоценочное значение, когда положительно или отрицательно оценивается человек в целом и раскрывается отношение к нему субъекта речи; б) оценку определённого качества, свойства человека.

Общая, то есть положительная или отрицательная **оценка** человека в целом, представлена существительными следующих **тематических групп**:

общие наименования человека (*субъект, особа, персона, человек*); номинации: а) по половому признаку (*бабенция, мужичонка*); б) возрастным характеристикам (*бабуся, старичок, девчонка, мальчуган*); в) по родственным и дружеским связям (*маменька, папаша, братец, дружок*); г) социальному положению (*барынька, аристократишка*); д) профессии и роду занятий (*певичка, солдатик, лекаришка*); е) этнической принадлежности (*армяшка, жид*).

Помимо номинаций, репрезентирующих общую оценку персонажа, в прозе А.П.Чехова используются **оценочные номинации отдельных свойств и качеств человека**. По их тематической отнесённости выделяются следующие группы.

1.Оценочные номинации человека, указывающие на **особенности внешности**: а) физические: привлекательность/ непривлекательность (*красавец, урод*); особенности телосложения (*дылда, пузан, скелет*); б) особенности походки и телодвижений (*телепень, корова*); в) особенности одежды и ухода за своей внешностью (*щеголиха, оборванец, неряха*).

2.Оценочные номинации, характеризующие **внутренние качества и особенности характера** человека: а) интеллектуальные свойства личности (*умница, дурак*); б) соответствие / несоответствие морально-этическим нормам (*добряк, мерзавец*); в) особенности характера, темперамента поведения и речи (*трус, смельчак, сухарь, невежа, краснобай*).

Таким образом, корпус нарицательных имён существительных и фразеосочетаний субстантивного характера, выражающих оценку персонажа в прозе А.П.Чехова, представляет собой систему тематических групп, в совокупности характеризующих все аспекты человеческой личности: физический, психический и социальный. К числу наиболее полно представленных тематических групп относится лексика, оценивающая интеллектуальные и морально-этические качества человека.

Тематический принцип использует А.П.Чехов и при выражении оценки персонажа посредством **антропонимов**, используя определённые

мотивационные модели их образования: 1) фамилии, мотивированные номинациями представителей животного мира, вызывающих негативные ассоциации (*Букашины, Гадюкина, Гнусина*), 2) фамилии, мотивированные медицинскими терминами и названиями болезней или симптомов (*Больницын, Водянкин, Грыжнев*), 3) фамилии, мотивированные соматизмами (*Брюханский, Вихоркина, Глоталов*), 4) фамилии, мотивированные номинациями различных артефактов, преимущественно бытового назначения (*Баклушина, Балалайкин, Барабанова*), 5) фамилии, мотивированные номинациями еды и напитков (*Блинчиков, Борцов, Жратва*), 6) фамилии, мотивированные номинациями черт внешности и характера/ поведения (*Апломбов, Безбожников, Дрыхунов, Кляузов*).

Использование антропонимов, выражающих оценку, осуществляется А.П.Чеховым в следующих целях: 1) эмоциональная оценка героев и их характеров, как через описание внешности, так и через непосредственные характеристики, оценка образа жизни персонажа (зачастую в центре внимания автора оказываются всевозможные пороки: пьянство, воровство и т.д.); 2) выражение иронии; 3) попытка воздействовать на читателя, каузировать его интерпретацию текста в соответствии с авторским замыслом.

Анализ показал, что оценочно-эмотивная сфера художественного произведения может быть представлена двумя уровнями – уровнем персонажа и уровнем его создателя. Оценочные номинации действующего лица в прозе А.П.Чехова используются: а) в авторской речи художественного повествования, б) в прямой речи персонажа.

По характеру оценки можно судить о моральных качествах, интеллекте не только объекта, но и субъекта речи, можно реконструировать мировоззренческие парадигмы персонажей и самого автора. Оценка соотносится с характеристикой персонажа. Это позволяет утверждать, что основной функцией эмоционально-оценочной лексики в произведениях А.П.Чехова является характеризующая функция. Наличие ее связано с

потребностью дать точную, меткую характеристику персонажа по одному или нескольким признакам.

В ходе исследования выявлено, что как в речи автора, так и в речи персонажей преобладают языковые единицы, выражающие отрицательную эмоциональную оценку. Данный факт может быть обусловлен следующими причинами: 1. как справедливо указывает ряд исследователей (Н.Д. Арутюнова, Е.М.Вольф и др.), в языке лексические средства выражения негативной оценки количественно преобладают, поскольку человеческое восприятие в первую очередь склонно фиксировать аномальные явления и отклонения от нормы; 2. большая часть прозаических произведений А.П.Чехова обличает или высмеивает негативные явления окружающей действительности; 3. основное количество лексем негативной оценки употреблено при описании конфликтных ситуаций или ситуаций эмоционального напряжения.

Как показал анализ фактического материала, оценочная лексика, именуемая персонажей в художественных произведениях А.П. Чехова, имеет в плане содержания эмотивный, или эмоционально-оценочный, компонент значения. Данный семантический компонент включает в себя «семы, отражающие принятое в обществе эмоционально-оценочное восприятие той или иной реалии, эмоционально-оценочное отношение к сообщаемому» (Загоровская, 2011, с.164).

С точки зрения семантики оценочная лексика исследуемого разряда делится на две группы: а) номинации, в плане содержания которых присутствуют семы мелиоративной (положительной) эмоциональной оценки, представленные семами ласкательности, одобрительности, а также семами восторга и восхищения; б) номинации, в плане содержания которых присутствуют семы пейоративной (отрицательной) эмоциональной оценки, представленные семами неодобрения, пренебрежения, презрения, отвращения/омерзения, негодования. Вторая группа более многочисленна.

Данное явление объясняется тем, что на экстралингвистическом уровне отрицательные эмоциональные оценки разнообразнее положительных и негативные явления окружающей жизни подвергаются более подробной концептуализации и категоризации. Соответственно, пометы, маркирующие отрицательную оценку, также более многочисленны и разнообразны (ласк., неодобр., ирон., презр., пренебр., унич. и т.п.), однако оценки могут передаваться и с помощью помет шкалы внелитературности (груб., жарг., бран. и т.п.), а также шкалы стиля речи (офиц., разг., прост. и т.п.).

Отрицательная оценка может быть обусловлена разным семантическим наполнением плана содержания слова, реализуемым в разных контекстах, то есть в прозе А. П. Чехова одна и та же лексическая единица может репрезентировать разное семантическое наполнение и разные коннотации.

Особую группу оценочной лексики образуют слова, в плане содержания которых присутствуют семы шутливости/ ироничности, они могут иметь как положительную, так и отрицательную оценочность, а её конкретная реализация зависит от контекста.

В некоторых случаях ирония обуславливает специфическое оценочное явление энантиосемии – противоположности оценочных значений одного и того же слова.

Эмотивный компонент лексической семантики может занимать различное место в структуре значения оценочных лексем, называющих человека. Применительно к названному аспекту оценочные лексические единицы, функционирующие в художественных произведениях А.П. Чехова, можно распределить на следующие группы: 1) слова, в структуре значения которых эмоционально-оценочные семы сопутствуют семам денотативного компонента, входя вместе с ними в ядро словесного значения; 2) слова, в структуре значения которых эмоционально-оценочные семы выступают в качестве наиболее ярких, ведущих ядерных сем, в большей или меньшей степени оттесняя денотативные компоненты их семантики; 3) слова, в структуре значения которых эмоционально-оценочные семы целиком

занимают ядерное семантическое пространство, полностью поглощая их денотативное содержание; 4) слова, в структуре значения которых эмоционально-оценочные семы занимают периферийное положение, не входя в число сущностных элементов значения, и обнаруживаются лишь в отдельных контекстах.

Исследование показало, что А.П.Чехов в своем творчестве достаточно активно использует оценочные номинации, которые выступают средством характеристики персонажей. При этом наиболее яркие образно-экспрессивные лексические единицы проявляют свою выразительность в виде семантической, морфологической или синтаксической мотивированности и, соответственно, создаются лексико-семантическим, словообразовательным (морфологическим) и синтаксическим способами.

Большое количество оценочных номинаций в художественных произведениях А.П. Чехова образовано при помощи метафорических переносов: 1) «животное→человек»; 2) «растение→человек», 3) «предмет→человек»; 4) «вымышленное существо→человек»; 5) «человек→человек».

В художественной прозе А.П. Чехова оценочные номинации, эксплицированные метафорическим переносом «животное→человек», образуют в количественном отношении самую многочисленную группу. Языковые зооморфные метафоры обладают в основном «дискредитирующей» функцией и служат для оценочной характеристики человека, его внешнего и морально-этического облика, особенностей поведения, условий его жизни. Выразительность, яркость и точность анималистических оценочных обозначений лица достигается за счет того, что носители русского языка, употребляющие и воспринимающие данную группу слов, имеют идентичные представления об их семантике.

Оценочные имена существительные, представленные анималистическими лексемами, могут иметь определение, которое с точки зрения семантического наполнения может находиться в антонимических

отношениях с номинацией и тем самым создавать иронический или сатирический эффект

Использование А.П. Чеховым анималистических лексем обогатило их семантическую структуру новыми семемами. Кроме того, семемы одной и той же метафоры могут входить в различные оценочные парадигмы, которые дают возможность увидеть истинный взгляд писателя на окружающий мир.

Важным средством создания оценочных номинаций лица в языке чеховской прозы могут выступать также фитонимные и артефактные метафоры, формирующиеся на основе сходства внешнего вида, размеров, сходства выполняемых функций, а также характера, способа или результата действия; сходства значимости признаков или общего впечатления от предметов.

Ярким примером лексико-семантической деривации как способа оценочного наименования лица в художественных произведениях А.П. Чехова может служить метафорический перенос «человек→человек», представляющий собой явление метафорической прономинации и связанный с переходом имён собственных в нарицательные. Номинативные единицы данного типа могут быть представлены: 1) обозначениями, утратившими яркую и прочную связь с историческими лицами или литературными персонажами, имена которых являлись для них производящими; 2) обозначениями, заимствованными из источников, известных широкому кругу лиц, поэтому не потерявших своей связи с «прототипами». Сближение имени собственного с именем нарицательным идёт по линии включения в его содержательную структуру характеристик, основанных на наиболее устойчивых и ярких ассоциативных связях имени.

Помимо использования метафоры, оценочные номинации лица могут быть образованы А.П.Чеховым путем метонимических переносов. Посредством метонимии создается комический портрет чеховского персонажа, который включает не только внешние очертания, но и характеризующие внутренний мир героя элементы. Довольно продуктивной

в прозе А.П. Чехова является модель метонимической конструкции, которая реализуется в наименованиях действующих лиц по характерной для них одежде, головному убору, причёске и т.д. Интересными являются и оценочные номинации персонажа, эксплицированные разновидностью метонимии – синекдохой. Эмоциональная оценка данных номинаций обнаруживает тесную зависимость от контекста, который способен изменять характер эмоциональной оценки.

Исследование также показало, что оценочные наименования лица в художественных произведениях А.П. Чехова могут создаваться с помощью словообразовательных возможностей языка. Самым продуктивным способом образования оценочных номинаций человека является суффиксация. Богатейшая система суффиксов в русском языке идеально приспособлена для выражения огромного спектра разнообразных эмоционально-оценочных отношений. Оценочные наименования лиц, образованные путем суффиксации, в прозе А.П.Чехова встречаются во всех тематических группах и дают характеристику человека с точки зрения родственных отношений, внешности, возраста, социальной и гендерной принадлежности, профессии, занятий, национальности. Отдельную группу образуют имена собственные – имена персонажей. Повышенной экспрессивностью в прозе А.П.Чехова обладают образованные путем суффиксации окказиональные номинации.

Особую группу суффиксальных оценочных номинаций образуют эмоционально-оценочные обращения, в которых, как отмечается исследователями, положительные эмоционально-оценочные, или эмотивные, семы полностью вытесняют денотативное содержание слова.

Некоторым персонажам своих рассказов А.П. Чехов умышленно дает только один вариант именования – имя в качественной форме. От частого употребления этой формы героями при обращении к данному персонажу экспрессивность и эмоциональная выразительность ласкательного варианта стирается, в результате чего качественное становится ярко оценочным и в некотором смысле приравнивается к прозвищу.

Оценочные номинации лица, образованные путем префиксации и нульсуффиксации, в рамках исследуемого материала представлены единичными примерами. Помимо аффиксации, были выделены оценочные номинации лица, образованные способом сложения, который представлен двумя разновидностями: основосложением (иногда с суффиксацией) и словосложением. Во многих случаях второй композит подобных лексических единиц является уточняющим атрибутом к препозитивному родовому имени.

В рамках исследования были рассмотрены сравнительные конструкции, которые можно определить как синтаксические средства выражения эмоциональной оценки. Анализ показал, что наиболее значительную в количественном отношении группу образуют компаративы, в которых образ сравнения выражается одним словом или словосочетанием, характеризующим чеховского персонажа (нередко сатирической окрашенности). Особый интерес представляют многочисленные развернутые чеховские сравнения, образ которых нередко осложняется придаточными предложениями. А.П.Чехов может использовать прием нагромождения синонимических сравнительных конструкций. Вместе с тем писатель может прибегать к преобразованию сравнений-штампов, которое происходит за счет расширения лексического состава сравнительного оборота путем введения слов, осложняющих традиционную семантику оборота, или за счет замены одного из компонентов сравнения.

Таким образом, оценочные номинации лица, образованные лексико-семантическими, словообразовательными и синтаксическими способами, участвуют в создании ярких запоминающихся образов и позволяют выявить авторскую идею, лежащую в основе художественной картины мира А.П. Чехова.

Для адекватного авторской интенции понимания семантики оценочных номинаций важно учитывать их функционирование в контексте, что приводит к необходимости проанализировать парадигматические и

синтагматические отношения этих лексем в структуре художественного текста.

Парадигматические отношения слов с оценочным компонентом значения традиционно представлены прежде всего в виде синонимических и антонимических связей.

Большая роль в создании оценочной номинации персонажа в произведениях А.П. Чехова, несомненно, принадлежит синонимам. Синонимы служат средством усиления эмоциональной оценки. Причем контекстуальные синонимы преобладают над собственно языковыми и, имея одинаковую предметную отнесенность, служат средством разносторонней характеристики персонажа.

Основной функцией контекстуальных синонимов является функция пояснения, уточнения, конкретизации, которая чаще всего реализуется в пределах одного предложения при близком, контактном расположении слов. Такое контактное расположение синонимов имеет ярко выраженную экспрессивную окраску. В одном предложении писатель может использовать несколько синонимичных рядов.

Построение произведения на основе смыслового противопоставления, контраста находит отражение в антонимических образованиях. Многие противопоставления являются индивидуально-авторскими образованиями писателя, не входят в узуальное употребление и становятся антонимичными в условиях того или иного конкретно-речевого употребления, во многом ситуативно обусловленного, иными словами, противоположность значений может создаваться контекстом.

Антонимические и синонимические отношения между оценочными номинациями лица в творчестве А.П. Чехова демонстрируют неоднозначность восприятия человеком жизненных реалий и способствуют более глубокому и разностороннему раскрытию образов персонажей и авторского замысла.

Этой же цели служат и синтагматические аспекты употребления оценочной номинации персонажа в художественной прозе А.П. Чехова. Среди возможных распространителей оценочной лексики основное место занимают определения, участвующие в образовании оценочной номинации и выполняющие определённые функции, а именно: 1) усилительную (тавтологическую) функцию, подчеркивая признак во внешности или особенностях характера персонажа, уже данный в определенном слове; 2) уточнительную функцию, характеризуя персонаж с какой-то определенной стороны; 3) функцию создания комического/ сатирического эффекта.

Синонимические и антонимические цепочки используются в качестве средства создания образа персонажа. Разветвленная система парадигматических и синтагматических связей оценочных номинаций произведений А.П. Чехова свидетельствует об их семантической многоплановости, которая получает особую реализацию в конкретном контексте.

Анализ парадигматических и синтагматических отношений оценочных номинаций персонажа в художественной прозе А.П.Чехова показал, что синонимические и антонимические цепочки используются в качестве средства создания образа персонажа, раскрывают эмоциональную атмосферу художественного произведения, его концептуальное содержание, а определения-распространители служат для усиления и /или уточнения оцениваемой характеристики персонажа, а также для создания комического эффекта.

Оценочные номинативы становятся в структуре произведений А. П. Чехова важными компонентами художественной системы и развивают под ее воздействием эстетические значения, направленные на создание характеристики персонажей.

Заключение

Средства языковой оценки играют важную роль в структуре художественного текста и его воздействии на читателя. Особенно значимо для постижения авторского замысла адекватное восприятие читателем авторской оценки персонажей произведения.

Оценочные номинации действующего лица в прозе А.П.Чехова используются: а) в авторской речи художественного повествования, б) в прямой речи персонажа.

По характеру оценки можно судить о моральных качествах, интеллекте не только объекта, но и субъекта речи, можно реконструировать мировоззренческие парадигмы персонажей и самого автора. Оценка соотносится с характеристикой персонажа. Это позволяет утверждать, что основной функцией эмоционально-оценочной лексики в произведениях А.П. Чехова является характеризующая функция. Наличие ее связано с потребностью дать точную, меткую характеристику персонажа по одному или нескольким признакам.

Корпус оценочных номинаций, используемых в прозе А.П.Чехова, представляет собой совокупность тематических групп, отражающих оценку физических, психических и социальных характеристик персонажа. Наиболее востребованными являются лексические единицы и фразеосочетания, характеризующие интеллектуальные и морально-этические свойства личности, что свидетельствует об особой значимости этих параметров при оценке человека.

Тематический принцип использует А.П.Чехов и при выражении оценки персонажа посредством антропонимов, используя определённые мотивационные модели их образования. Использование антропонимов, выражающих оценку, осуществляется А.П.Чеховым в следующих целях: 1) эмоциональная оценка героев и их характеров, как через описание внешности, так и через непосредственные характеристики, оценку образа жизни персонажа (зачастую в центре внимания автора оказываются

всевозможные пороки: пьянство, воровство и т.д.); 2) выражение иронии; 3) попытка воздействовать на читателя, на его восприятие текста в соответствии с авторским замыслом.

Следует отметить, что тематическая классификация оценочных номинаций лица, встречающихся в прозе А.П.Чехова, является до определённой степени условной. Между тематическими группами и подгруппами исследуемых наименований обнаруживаются достаточно разнообразные системные связи и отношения, свидетельствующие о взаимодействии и пересечении выделенных группировок. Поэтому многие лексические единицы на основе актуализации разных семантических признаков семемы могут быть одновременно включены в несколько тематических групп.

В ходе исследования выявлено, что как в речи автора, так и в речи персонажей преобладают языковые единицы, выражающие отрицательную эмоциональную оценку. Данный факт может быть обусловлен следующими причинами: 1) как справедливо указывает ряд исследователей (Н.Д. Арутюнова, Е.М.Вольф и др.), в языке лексические средства выражения негативной оценки количественно преобладают, поскольку человеческое восприятие в первую очередь склонно фиксировать аномальные явления и отклонения от нормы; 2) большая часть прозаических произведений А.П.Чехова обличает или высмеивает негативные явления окружающей действительности; 3) основное количество лексем негативной оценки употреблено при описании конфликтных ситуаций или ситуаций эмоционального напряжения.

Лексемы, используемые для оценки персонажа в прозе А.П.Чехова, характеризуются определёнными особенностями семной структуры, которые проявляются: 1) в наличии сем мелиоративной или пейоративной оценки; 2) в различном статусе оценочных сем в семантической структуре лексем по параметру ядро/периферия.

Оценочные номинации персонажа в прозе А.П.Чехова могут быть образованы лексико-семантическим, морфологическим и синтаксическим способами. Лексико-семантический способ реализуется посредством метафорических и метонимических переносов. Писатель использует метафорические и метонимические оценочные наименования для создания комического эффекта, создания иронии, нередко переходящей в сарказм, а также для создания ярких положительных или отрицательных образов. При этом эмоциональная оценка исследуемых номинаций обнаруживает тесную зависимость от контекста, который способен изменять сам характер эмоциональной оценки

А.П.Чехов широко и плодотворно использует словообразовательные способы выражения оценки персонажа. Наиболее продуктивным является суффиксальный способ. Оценочные номинации этого типа обладают большим экспрессивным и образным потенциалом. Включенные в контекст художественных произведений, они передают различные эмоции, содержат положительную и отрицательную оценку лиц и объектов, маркируют авторское отношение (чаще ироничное) к лицам и объектам повествования.

На синтаксическом уровне оценочная номинация формируется при помощи использования компаративных конструкций. Сравнения используются Чеховым для раскрытия психологического состояния героев, а также для выражения отношения писателя к персонажу и создания иронического и/или сатирического эффекта.

Оценочные номинации лица, образованные лексико-семантическими, словообразовательными и синтаксическими способами, участвуют в создании ярких запоминающихся образов и позволяют выявить авторскую идею, лежащую в основе художественной картины мира А.П. Чехова.

Анализ парадигматических и синтагматических отношений оценочных номинаций персонажа в художественной прозе А.П.Чехова показал, что синонимические и антонимические цепочки используются в качестве средства создания образа персонажа, раскрывают эмоциональную атмосферу

художественного произведения, его концептуальное содержание, а определения-распространители служат для усиления и /или уточнения оцениваемой характеристики персонажа, а также для создания комического эффекта.

Проведённое исследование показало, что отбор оценочных средств для номинации персонажа в произведениях А. П. Чехова представляет собой целенаправленный процесс, служащий адекватному выражению авторских интенций. Писатель выбирает оптимальный, с его точки зрения, способ номинации, используя различные возможности языковой системы для передачи как экстралингвистического содержания, так и собственного мировосприятия. Оценочные номинативы становятся в структуре произведений А. П. Чехова важными компонентами художественной системы и развивают под ее воздействием эстетические значения, направленные на решение идейно-эстетических задач писателя, а также на создание психологической характеристики персонажей.

Список литературы

Научные статьи и монографии

1. Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова/ Э.С. Азнаурова. – Ташкент, 1973. – 123 с.
2. Александрюк М. Стилистические функции обращений (на примере рассказов А. П. Чехова)/ М. Александрюк// Тр. каф. стилистики рус. яз. - Вып. 2. - М., 2008. - С. 170-177.
3. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка/ Ю.Д.Апресян. - М.: Наука, 1974. - 367 с.
4. Апресян Ю.Д. Эмоции: современные американские исследования // Семиотика и информатика/ Ю.Д.Апресян. - Т. 34. - 1995. - С. 82-97.
5. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: стилистика декодирования / И. В. Арнольд. - М.: Просвещение, 1990. - 300 с.
6. Арутюнова Н.Д. Сравнительная оценка ситуаций / Н.Д.Арутюнова // Изв. АН СССР. - Сер. Литературы и языка. - М., 1983. - Т. 42. - № 4. - С. 330-341.
7. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341с.
8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д.Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
9. Афанасьев Э.С. Художественный язык чеховских пьес / Э.С.Афанасьев // Человек в информационном пространстве : Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. Ярославль : изд-во «Истоки», 2005. – С.139 – 141.
- 10.Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке/ Л.Г. Бабенко. - Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989.

- 11.Бабенко Л.Г. Интенциональные эмотивные смыслы в содержании художественного текста / Л.Г.Бабенко //Проблемы варьирования языковых единиц. – Екатеринбург. Уральский университет, 1994. – С.125 – 130.
- 12.Баженова Е.А. Категория оценки / Е.А.Баженова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка.- М., 2003.- С.139-146.
- 13.Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка/ Ш.Балли. – М: Либроком, 2009. – 398 с.
- 14.Банина Е.Н. Оценочный компонент значения в семантике метафоры : На материале современного английского языка : дис. ... канд. фил. наук / Елена Николаевна Банина. – Киров, 2001. – 159 с.
- 15.Барулина Л.Б.Синонимические отношения квазиэталонов – общих названий женщин в русском языке / Л.Б.Барулина // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты) [Текст] : междунар. науч.-практ. конф., 17-19 марта 2006 г. / Междунар. комитет славистов, Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова ; ред. В. М. Мокиенко [и др.]. - Москва ; Кострома : Элпис, 2006. – С.40 – 43.
- 16.Баранов А.Г. О видах функциональной экспрессивности / А.Г.Баранов // Проблемы экспрессивной стилистики. – Издательство Ростовского университета, 1987. – С.54 – 59.
- 17.Барлас Л.Г. Источники текстовой выразительности / Л.Г.Барлас // Проблемы экспрессивной стилистики. – Издательство Ростовского университета, 1987. – С.30 – 35.
- 18.Бахвалова Т.В. Выражение в языке внешнего облика человека средствами категории агентивности / Т.В. Бахвалова. - Орел : Орл. гос. пед. ун-т, 1996. - 240 с.
- 19.Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского/ М.М. Бахтин. - Изд. 4-е. - М.: Советская Россия, 1979.

- 20.Бекасова Е.Н. Русские прозвища как отражение ментальности / Е.Н.Бекасова // Русское слово в мировой культуре (материалы X конгресса МАПРЯЛ). – СПб., 2003. – С.293 – 303.
- 21.Бессарабова Г.А. Лексические маркеры выражения эмоций в речи / Г.А.Бессарабова // Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. факультета романо-германской филологии. – Вып.2. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. – С.95 – 105.
- 22.Блинова О.И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии: сб. науч. тр. / О.И. Блинова.- Новосибирск, 1983. - С. 3 - 11.
- 23.Болдырев Н.Н. Языковые механизмы оценочной категоризации / Н.Н.Болдырев // Реальность, язык, сознание. – Тамбов, 2002. – С.360 – 369.
- 24.Бондаренко Т.А. Функциональная эквивалентность онимов и апеллятивов как способ организации системы именованных персонажей романа «Братья Карамазовы» / Т.А.Бондаренко // XIV Ершовские чтения. – Ишим, 2004а. – С.147 – 152.
- 25.Бондаренко Т.А. Имя нарицательное как средство обозначения героя художественного произведения (на материале романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы») / Т.А.Бондаренко // Славяно-русское духовное пространство в Сибири: Матер. 27-й межрегиональной научно-практической конф. : в 2 ч. Ч.1. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004б. – С.61 – 64.
- 26.Булдаков В.А.Стилистически сниженная фразеология и методы её идентификации (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.А.Булдаков. – Калинин, 1982. – 16 с.

- 27.Василенко В. А. Ценность и оценка : автореф. дис... канд. философ. наук: секция общественных наук / В. А. Василенко ; АН УССР. – Киев, 1964. – 21 с.
- 28.Вежбински Я. Антонимо-синонимические отношения в лексике: (На материале художественных произведений А. П. Чехова): дис... канд. филол. наук / Я. Вежбински. - Ростов н/Д, 1983. - 342 с.
- 29.Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание/ А. Вежбицкая. - М.: Русские словари, 1997.
- 30.Вендина Т.И. Дифференциация славянских языков по данным словообразования/ Т.. Вендина. - М., 1998.
- 31.Верба И.П. Названия людей по роду занятий в «Материалах для словаря русского народного языка А.Н.Островского» / И.П.Верба // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты) [Текст] : междунар. науч.-практ. конф., 17-19 марта 2006 г. / Междунар. комитет славистов, Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова ; ред. В. М. Мокиенко [и др.]. - Москва ; Кострома : Элпис, 2006. – С.578 – 580.
- 32.Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов/отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
- 33.Воеводина Г.А.. Уникальные аффиксы в современном русском языке: Учебно-методическое пособие/ Г.А. Воеводина. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина,2007. – 144 с.
- 34.Волков А.А. Курс русской риторики/ А.А. Волков. - М.: 2001.
- 35.Волкова И.В. Фразеологизмы с именами животных как инвективное обозначение человека / И.В.Волкова // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты) [Текст] : междунар. науч.-практ. конф., 17-19 марта 2006 г. / Междунар. комитет славистов, Костром. гос. ун-т

- им. Н.А. Некрасова ; ред. В. М. Мокиенко [и др.]. - Москва ; Кострома : Элпис, 2006. – С.289 – 292.
- 36.Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо»/ Е.М.Вольф // Вопросы языкознания. — 1986. – № 5. — С. 98–108.
- 37.Вольф Е.М. О соотношении квалификативной и дескриптивной структур в семантике слова и высказывания/ Е.М. Вольф // ИАН СЛЯ, 1981. - № 1. – С. 391-397.
- 38.Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки/ Е.М.Вольф. - М., 2002. – 260 с.
- 39.Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии/ С.Г. Воркачев// <http://tpl1999.narod.ru/WEBTL2000/VORKACHEVTPL2000.HTM>.
- 40.Гаврилова Е.Д. Роль и место оценочных категорий в картине мира / Е.Д.Гаврилова // Филология и культура: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. 16-18 апреля 2003 года / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2003. – С.50 – 51.
- 41.Гак В. Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
- 42.Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования/ И.Р.Гальперин. - М.: Наука, 1981. - 138 с.
- 43.Гибатова Г.Ф. Аксиология в языке/ Г.Ф.Гибатова // Вестник ОГУ. – 2011. – № 2 (121). – С. 127–132.
- 44.Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований/ О.И.Глазунова / О. И. Глазунова. – СПб., 2000. – 190 с.
- 45.Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы / В. Е. Гольдин. - Саратов, 1987.
- 46.Горбачевич К. С. Сочетание синонимичных прилагательных в прозе А. П. Чехова/ К.С. Горбачевич//А. П. Чехов - великий художник слова. - Ростов н/Д, 1960.

- 47.Гридин В.Н.Психолингвистические функции эмоционально-экспрессивной лексики : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Н. Гридин. – М., 1976. – 22 с.
- 48.Громова В.В. Эстетическая характеристика антропонимов в рассказах А.П.Чехова / В.В.Громова // Языковое мастерство А.П. Чехова. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского ун-та, 1988.
- 49.Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б.Гудков. – М., 2003.
- 50.Гусева С.С. Номинативная парадигма единиц, обозначающих лица, и ее функционирование в тексте (на примере текстов А.П. Чехова): дис...канд. филол. наук/ С.С. Гусев. - М., 2017.
- 51.Гутман Е. А. Образные значения зоонимов в словарях / Е. А. Гутман, М. И. Черемисина // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1976. – С. 21–42.
- 52.Джамил М. Номинация лиц по коммуникативным признакам в русском языке / М.Джамил //Коммуникативные исследования 2003. / Научный ред. И.А.Стернин. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2003. – С.59 – 65.
- 53.Долгов И.А. Образование суффиксальных эмоционально-оценочных наименований лица в современном русском языке: дис. . канд. филол. наук/ И.А. Долгов. - Киев, 1984. - 209 с.
- 54.Ермакова Л.М. Метафора как основное экспрессивное средство образования фамильярной и просторечной лексики французского языка / Л.М.Ермакова // Филология и культура: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. 16-18 апреля 2003 года / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2003. – С.130 – 131.
- 55.Загоровская О.В. Образный компонент в значении слова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака: сб. науч. тр. / О.В.Загоровская- Воронеж, 1983. - С. 16-20.

56. Загоровская О.В. Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии : монография / О.В. Загоровская. - Воронеж: Научная книга, 2011. - 383 с.
57. Зайнульдинов А. Эмоциональная оценочность русской лексики и фразеологии (опыт прагмалингвистического словаря) / А. Зайнульдинов // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты) [Текст] : междунар. науч.-практ. конф., 17-19 марта 2006 г. / Междунар. комитет славистов, Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова ; ред. В. М. Мокиенко [и др.]. - Москва ; Кострома : Элпис, 2006. – С.537 – 543.
58. Зайцева Е.Л. Выражение отрицательной оценки в политическом дискурсе (опыт сравнительно-сопоставительного исследования российских и французских печатных средств массовой информации) / Е.Л. Зайцева: автореф... дис. канд. филол. наук. - Чебоксары, 2006. – 47 с.
59. Замалютдинова Э.Р. Особенности употребления лексем, характеризующих лицо, в переводах произведений Генриха Манна (на материале имён существительных и прилагательных): автореф. дис. ...канд. филол. наук / Э.Р. Замалютдинова. – Казань, 2002. – 22 с.
60. Зотов С.Н. Основы анализа системы персонажей литературно-художественного произведения/ С.Н. Зотов. – Таганрог, ТГПИ, 1991 – 27 с.
61. Ивин А.А. Основания логики оценок / А.А. Ивин – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 230 с.
62. Ильина Н.В. Структура и функционирование оценочных конструкций в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук/ Н.В. Ильина. - М., 1984.
63. Камалетдинова Е.Т. Номинации главного героя в романе В.Набокова «Лолита» / Е.Т. Камалетдинова // Текст в лингводидактическом аспекте:

- Материалы научно-практического семинара. – Калининград: Изд-во КГУ, 2003. – С.143 – 148.
- 64.Капащинская Е.В. Определение выразительности и способы её усиления / Е.В.Капащинская // Проблемы экспрессивной стилистики. – Издательство Ростовского университета, 1987. – С.24 – 29.
- 65.Карасик В.И.Язык социального статуса / В.И.Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
- 66.Карасик В.И. Языковая матрица культуры / В.И.Карасик. – М., 2013.
- 67.Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // Филологические науки. - 1986. - № 4. - С. 34-40.
- 68.Касьянова Л.Ю. Когнитивно-дискурсивная неология: изменение вектора исследовательского поиска/ Л.Ю. Касьянова // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках : сборник материалов международной научной конференции. - Днепрпетровск : Пороги, 2009. - С. 14-17.
- 69.Катермина В.В. Номинация персонажа в художественном тексте (на материале литературных прецедентных имён / В.В.Катермина //Материалы по русско-славянскому языкознанию : Международный сборник научных трудов. Выпуск 33. – ВОРОНЕЖ: издательство» НАУКАЮНИПРЕСС», 2016. – С.268 – 278.
- 70.Кашевская Ю.И. Субъективно-оценочные названия лиц в диалектной речи / Ю.И.Кашевская // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов четвёртой лингвистической конференции «Слово в языке, речи и тексте» 7-8 мая 1974 г.- Новосибирск, 1974. – С.82 – 83.
- 71.Кленова А.В. Оценочные смыслы в ассоциативном словаре (на материале ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области)/ А.В. Кленова: автореф. дис...канд. ф. н. - Саратов, 2007. – 23 с.

72. Кожевникова Н.А. О тропах в прозе А.П.Чехова / Н.А.Кожевникова // Языковое мастерство А.П. Чехова. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского ун-та, 1988.
73. Кожина М.Н. О языковой и речевой экспрессии и её лингвистическом обосновании / М.Н.Кожина // Проблемы экспрессивной стилистики. – Издательство Ростовского университета, 1987. – С.8 – 17.
74. Козленко П.В. Агентивные имена как средство выражения оценочных значений в идиостиле Ф.М.Достоевского : дис. ... канд. фил. наук / Полина Вячеславовна Козленко. – Мичуринск, 2004. – 216 с.
75. Колоколова Л.И. Имена собственные в раннем творчестве А.П.Чехова (литературно-художественная антропонимика) / Л.И.Колоколова. – Киев : Изд-во Киевского ун-та, 1961. – 75 с.
76. Колшанский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте / Г.В.Колшанский // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976.
77. Косиченко Е.Ф. Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки : дис. ... канд. фил. наук / Елена Фёдоровна Косиченко. – М., 2006. – 224 с.
78. Косолюбова И.В. Лингвокогнитивные механизмы создания комического в ранней прозе А. П. Чехова: автореф. дис. ... к. филол. н. / И.В.Косолюбова. - Белгород, 2006. - 24 с.
79. Костарёва Е.В. Концептуальное поле оценки в профессиональных текстах (сфера экономики) : автореф. дис. канд. филол. наук // Е.В.Костарёва – Челябинск, 2004.
80. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: лекционный курс / В.В.Красных. – М., 2002.
81. Кругликова Л.Е. Роль русского языка XIX века в пополнении лексики и фразеологии современного литературного языка / Л.Е.Кругликова // Русский язык XIX века: динамика языковых процессов. – СПб.: Наука, 2008. – С.25 – 32.

- 82.Купина Н.А., Скорнякова М.Ф. Коннотативность в семантической группе названий лица / Н.А.Купина, М.Ф.Скорнякова // Классы слов и их взаимодействие. – Свердловск, 1979. – С.90 – 95.
- 83.Куркина А.С. Неординарное вступление в контакт (на материале обращений в письмах А.П.Чехова) / А.С.Куркина.// Язык и национальное сознание. Вып.9./ Научн.ред. И.А.Стернин. – Воронеж : Изд-во «Истоки», 2007. – С.189 – 199.
- 84.Кухаренко В.А. Практикум по стилистике английского языка. Seminars in Stylistics: учебное пособие/ В.А.Кухаренко. - М.: Флинта: Наука, 2011.
- 85.Леваева Л.В. Процесс перехода имен собственных в имена нарицательные/ Л.В. Леваева// Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – Вып. № 4. – 2010. – С.75-79.
- 86.Литвин Ф.А. Экспрессивность текста и экспрессивность слова / Ф.А.Литвин // Проблемы экспрессивной стилистики. – Издательство Ростовского университета, 1987. – С.36 – 40.
- 87.Литвинова Т.А. Номинации человека как отражение языковой картины мира (на материале воронежских говоров) : дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Литвинова. - Воронеж, 2011. - 177 с.
- 88.Лопатинская Л.В. Семантико-синтаксические аспекты обращения с модальной оценочностью: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Л.В.Лопатинская. – Краснодар, 1997.
- 89.Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики/ Н.А. Лукьянова. — Новосибирск: Наука, 1986. — 227с.
- 90.Лукьянова Н.А. Экспрессивность как семантическая категория // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе/ Н.А. Лукьянова. - Новосибирск, 1991. - С.3-23.
- 91.Магазанник Э.Б. Ономапозтика, или говорящие имена в литературе / Э.Б.Магазанник. – Ташкент, 1978.

- 92.Маклакова Е.А. Частотность употребления лексических единиц как отражение национальной специфики их семантики (на материале наименований лиц русского и английского языков) / Е.А.Маклакова // Культура общения и её формирование. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.18. – Воронеж: Истоки, 2007. – С.70 – 73.
- 93.Малахова М.Н. Акт коммуникации как предмет художественного отражения/ М.Н. Малахова. - М., 1992.
- 94.Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме / Ю.В. Манн. – М., 1996.
- 95.Маркелова Т. В. Функционально-семантическое поле оценки в русском языке/ Т.В. Маркелова // Вестник Московского университета. - Сер. 9. — 1994. – № 4. — С. 112.
- 96.Маркелова Т.В. Оценочное высказывание и оценочная ситуация // Вопросы лингвистики: Межвузовский сборник научных трудов/ Т.В. Маркелова. – М., 1998. – С. 9.
- 97.Маркина М.В. Эмоциональный концепт «гнев» как маркер русской и английской языковых картин мира / М.В.Маркина // Филология и культура: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. 16-18 апреля 2003 года / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2003. – С.65 – 66.
- 98.Марьянчик В.А. Аксиологичность и оценочность медиаполитического текста / В.А. Марьянчик. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 272 с.
- 99.Маслова В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: учебное пособие / В. А. Маслова. – Мн.: Высшая школа, 1997. – 157 с.
100. Маслова В.А. Некоторые онтологические аспекты эмотивности текста // Язык и эмоции: сб. науч. трудов/ В. А. Маслова. - Волгоград: Перемена, 1995. - С. 184 -191.

101. Медведева К. М. Семантика эмоционально-экспрессивных суффиксов качественных форм русских антропонимов // Молодой ученый. — 2013. — №7. — С.48.
102. Миронюк Л.Ф. Чехов глазами зооморфиста / Л.Ф.Миронюк // Языковое мастерство А.П. Чехова. — Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского ун-та, 1988.
103. Москвин В.П. Стилистика русского языка. Теоретический курс / В.П.Москвин. — Ростов н/Д: Феникс, 2006.
104. Москвин В.П. Русская метафора : (Очерк семиотической теории) / В.П.Москвин. — М.: ЛКИ, 2007.
105. Мягкова Е.Ю. О комплексном характере эмоциональной нагрузки слова / Е.Ю.Мягкова // Общение : структура и процесс. — М.: Институт языкознания АН СССР, 1982. — С.112 – 120.
106. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования: Монография/ Е.Ю. Мягкова. — Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. — 110 с.
107. Нагорная Е.Н. Зоометафора в системе языка и в дискурсе чеховской прозы: дис...канд. филол. наук/ Е.Н. Нагорная. - Таганрог, 2014.
108. Наер В.Л. Единицы языковой коммуникации и коммуникативные потенции языковых единиц / В.Л. Наер // Сб. науч. трудов. МГПИИЯ. - Вып. 312. - М., 1988. — С. 70-75.
109. Наумова Т.М. Английские аллюзивные антропонимы как составляющая образного компонента британских лингвокультурных концептов (на примере концепта ‘ornimism’) / Т.М.Наумова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып.45, 2010. - №21 (202). — С.83 – 85.
110. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е.А.Нахимова. — Екатеринбург, 2007.

111. Неврова Т.И. Антропонимы, употребляющиеся в орловских говорах для характеристики человека по особенностям его волос / Т.И.Неврова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Ч. III. – Воронеж: ВГПУ, 2005. – С.227 – 234.
112. Николина Н.А. К вопросу о речевых средствах иронической экспрессии и её функциях в художественном тексте / Н.А.Николина // Русский язык в школе, 1979. - №5. – С.79 – 83.
113. Никонов В.М. Коннотативная характеристика имён собственных (по данным лингвокультурологических исследований словарей и текстов художественных произведений / В.М.Никонов // Материалы юбилейной конференции, посвящённой 60-летию филологического факультета ВГУ. Вып.1. Языкознание. – Воронеж, 2002. – С.137 – 148.
114. Новиков А.И. Смысл: семь дихотомических признаков/ А.И. Новиков// <http://newaspomskreg.ru/intellect/f52.htm>.
115. Новиков А.И. Текст, смысл и проблемная ситуация/ А.И. Новиков // Филологические науки. - 2000. - № 3. - С. 20-25.
116. Павлова А.Э. Антропонимы как языковые средства создания сатиры в творчестве М.А.Булгакова и традиции русской литературы / А.Э.Павлова // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты) [Текст] : междунар. науч.-практ. конф., 17-19 марта 2006 г. / Междунар. комитет славистов, Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова ; ред. В. М. Мокиенко [и др.]. - Москва ; Кострома : Элпис, 2006. – С.245 – 248.
117. Павлова Н.М. о соотношении понятий «экспрессивность» и «эмоциональность» и об уточнении их лингвистической сущности / Н.М.Павлова // Проблемы экспрессивной стилистики. – Издательство Ростовского университета, 1987. – С.47 – 54.

118. Пазыч Н.В. О категории оценки в современном английском языке / Н.В. Пазыч // Семантика и прагматика языковых единиц. – Киев: КГУ, 1985. – С. 24-26.
119. Петроченко Л.А. К вопросу об ассоциативных основах метафоры /Л.А.Петроченко // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Вопросы преподавания иностранных и национальных языков : сб. ст. междунар. конф. «XXIV Дульзоновские чтения» (Томск, 22 – 26 июня 2005 г.). – Томск : Ветер, 2005.
120. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические оценки / Т.В. Писанова: дис... докт. филол. наук. - М., 1997. – 393 с.
121. Погодин А. Л. Язык как творчество. (Психологические и социальные основы творчества речи). Происхождение языка / А. Л. Погодин. – М.: УРСС, 2001. – 556 с.
122. Погорелова С. Д., Яковлева А. С. Связь оценки с другими категориями языка // Современная филология: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Уфа, январь 2013 г.)/ С.Д.Погорелова, А.С. Яковлева. — Уфа: Лето, 2013. — С. 86-89.
123. Поляков П.Н. Лексема «простой» как средство выражения нормативной оценки/ П.Н. Поляков // Русский язык и славистика в наши дни: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 85-летию со дня рождения Н.А. Кондрашова. – М., 2004. – С. 439.
124. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. - Воронеж: Истоки, 2001. – 148 с.
125. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И.Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988.
126. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение/ Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. - Издание: 3-е. - М.: ФЛИНТА: Наука, 2007. – 328 с.

127. Путягин Г.А. О принципах организации групп слов в лексической системе (На материале имён существительных, называющих человека по возрасту, росту, степени физической силы и степени физической красоты) : дис. ... канд. филол. наук / Г.А.Путягин. – Воронеж, 1975.
128. Разумова Л.В. Стилистические аспекты вторичной номинации имён собственных в структуре художественного текста: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Л.В.Разумова. – Челябинск, 2002. – 22 с.
129. Ретунская М.С. Английская аксиологическая лексика: Монография/ М.С. Ретунская. – Нижний Новгород, 1996. – 272 с.
130. Романова Н.П. Построение лексико-семантической группы «наименования по профессии и роду занятий» с помощью компонентного анализа / Н.П.Романова // Актуальные проблемы лексикологии : Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. – Минск, 1970.
131. Романова Т.В. Эмоционально-оценочный текст как средство выявления индивидуального когнитивного типа / Т.В.Романова // Филология и культура: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. 16-18 апреля 2003 года / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2003. – С. 135 – 137.
132. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: Монография/ Т.В. Романова. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. - 309 с.
133. Рыбальченко О.И. Поэтика оценочных значений в творчестве Саши Чёрного / О.И. Рыбальченко // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Материалы 10-й Тверской межвузовской конференции учёных-филологов и школьных учителей 12 – 13 апреля 1996 г. – Тверь: Тверской государственный университет, 1996. – С.207 – 209.
134. Савойская Н.П. Репрезентация концептуального поля оценки в русских народных сказках / Н.П.Савойская // Вестник Челябинского

- государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып.45, 2010. - №21 (202). – С. 103 – 106.
135. Садр М. Номинации человека в произведениях А.П. Чехова: ономаσιологический аспект: дис...канд. филол. наук/ М. Садр. - Астрахань, 2011.
136. Салмина Л.М. Аксиология социального лексикона / Л.М.Салмина // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Материалы 10-й Тверской межвузовской конференции учёных-филологов и школьных учителей 12 – 13 апреля 1996 г. – Тверь: Тверской государственный университет, 1996. – С.13 – 15.
137. Селяев А.В. Сопоставительный анализ лингвистических средств выражения положительных и отрицательных эмоций в британском и американском вариантах английского языка: дис. ... канд. филол. н. / А.В. Селяев - Нижний Новгород, 1995. – 211 с.
138. Силинский С.В. Речевая вариативность слова / на материале английских имен лица / С.В. Силинский. – СПб., 1995. – 126 с.
139. Синельникова И.И. Эмотивные фразеологизмы французского языка в полевом аспекте: монография / И.И. Синельникова. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 188 с.
140. Синепупова О.С. Оценочная «картина мира» в публицистическом тексте: на материале печатных СМИ: дис... канд. филол. наук/ О.С. Синепупова. - Москва, 2006. - 173 с.
141. Скворецкая Е.В. К вопросу о несвободном значении слова / Е.В.Скворецкая // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов четвёртой лингвистической конференции «Слово в языке, речи и тексте» 7-8 мая 1974 г.- Новосибирск, 1974. – С.47 – 48.
142. Смирнова Л.Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения: системный и функциональный аспекты: автореф. дис. док. филол. наук/ Л.Г. Смирнова; Смоленский гос. ун-т. – Смоленск, 2013. – 50 с.

143. Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста / Г.Я. Солганик // Русский язык : Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. – М.,1984.
144. Соппа Н.С. Семантическое поле образных употреблений названий животных с общим компонентом «нерасторопный» / Н.С.Соппа // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов четвёртой лингвистической конференции «Слово в языке, речи и тексте» 7-8 мая 1974 г.- Новосибирск, 1974. – С.45 – 47.
145. Солодуб Ю.П. Структура лексического значения / Ю.П.Солодуб //Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1997. - №1. – С.58 – 63.
146. Стернин И.А. семантическая основа экспрессивного словоупотребления / И.А.Стернин // Проблемы экспрессивной стилистики. – Издательство Ростовского университета, 1987. – С.133 – 137.
147. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова/ И.А Стернин. — Воронеж, 1979. — 156с.
148. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи/ И.А Стернин. - Воронеж, 1985. – 137 с.
149. Стернин И.А. Психолингвистические значения наименований лиц в русском языке (опыт словаря) / И.А Стернин // Язык и национальное сознание. - Вып. 19. - Воронеж: Истоки, 2013. - С. 126-156.
150. Столярова Э.А. Лексико-семантическое поле оценки в разговорной речи. Словарные категории / Э.А. Столярова. - М.: Наука, 1988. – С. 186-191.
151. Суздальцева В.Н. Лексические способы выражения авторской оценки в современном портретном очерке / В.Н. Суздальцева //Актуальные проблемы журналистики. М.,1981. Вып.1., ч.1.

152. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В.Суперанская. - М., 1973.
153. Табурова С.К. Механизмы создания экспрессивности в репликах мужчин и женщин — депутатов Бундестага / С.К. Табурова// Гендерный фактор в языке и коммуникации. — М.: МГЛУ. — Вып. 446. — М., 1999. — С. 93—107.
154. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц/ В.Н. Телия // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. — М.: Высшая школа, 1991. — С. 36—67.
155. Телия В. Н. Типы языковых значений/ В.Н. Телия. — М.: Наука, 1981. — 269с.
156. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. — М.: Наука, 1986. — 143с.
157. Теория и методика ономастических исследований. — М.: Наука, 1986. — 256 с.
158. Тон К. К. Системно-структурная организация зооморфизмов русского языка: на материале произведений Чехова и Зощенко: дис...канд. филол. наук/ К.К. Тон. - Воронеж, 1997.
159. Тухарели Н.Л. Тематическая группа наименований лица в лексической системе русского литературного языка / Н.Л.Тухарели // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Материалы 10-й Тверской межвузовской конференции учёных-филологов и школьных учителей 12 – 13 апреля 1996 г. – Тверь: Тверской государственный университет, 1996. – С.144 – 145.
160. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино/ Ю.Н. Тынянов. - М.: Наука, 1977.
161. Тюпа В.И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике/ В.И. Тюпа. - М.: Языки славянской культуры, 2010. - 320 с.

162. Урманчеева И.С. Экспрессивы со значением лица в говорах Вологодской области : дис. ... канд. филол. наук / И.С. Урманчеева. - Вологда, 2003. - 292 с.
163. Филиппов А.В. К проблеме лексической коннотации / А.В. Филиппов // Вопросы языкознания. - 1978. - №1. - С. 57-63.
164. Фомина И.В. Когнитивный аспект исследования супермногочленной синонимической номинации (на материале русского и английского языков) / И.В. Фомина // Культура общения и её формирование. Научное издание. – Вып.14. – Воронеж : издательство «Истоки», 2005. – С.143 – 145.
165. Фомина Ю.А. Аспекты изучения языковой оценки / Ю.А. Фомина // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып.16. – 2007. - №20 (93). – С.149 – 156.
166. Френкель Е.И. Парадигматика оценочных сем в современном английском языке: автореф. дис...канд.филол.наук/ Е.И. Френкель. - Одесса, 1982. – 22 с.
167. Фролова Е.А. Номинация персонажей в рассказе А.П.Гайдара «Чук и Гек» как средство раскрытия семейной темы / Е.А. Фролова // Русский язык в школе. – 2001. - №5. – С.49 – 51.
168. Хади Нахла Джавад. Существительные, называющие действующее лицо в прозе А.П. Чехова: дис..канд. филол. наук/ Джавад Нахла Хади. - Воронеж, 2007.
169. Хазагерев Т.Г. Стилистические функции антономасии и трудности её выявления в рассказах А.П.Чехова / Т.Г.Хазагерев // Языковое мастерство А.П. Чехова. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского ун-та, 1988.
170. Харченко В.К. Производное оценочное значение в структуре многозначного слова / В.К.Харченко // Научные труды Новосибирского государственного пединститута. Вып.91. Проблемы русского языка. Новосибирск, 1973. – С.42 – 57.

171. Харченко В.К. О связи тематической отнесённости прямого значения с производно-оценочным значением слова / В.К.Харченко // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов четвёртой лингвистической конференции «Слово в языке, речи и тексте» 7-8 мая 1974 г.- Новосибирск, 1974. – С.48 – 50.
172. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова / В.К.Харченко // Русский язык в школе. – 1976. - №3.
173. Харченко В.К. Функции метафоры / В.К.Харченко. – М.: ЛКИ, 2007.
174. Хидекель С.С. Оценочный компонент лексического значения слова / С.С.Хидекель, Г.Г.Кошель // Иностранные языки в школе, 1980. - № 4. – С.7 – 10.
175. Химик В.В. О соотношении понятий экспрессивности, модальности и персональности / В.В.Химик // Проблемы экспрессивной стилистики. – Издательство Ростовского университета, 1987. – С.128 – 133.
176. Хомякова Н. А. Эмотивные фразеологизмы в русском, французском и английском языках: сопоставительный анализ: дис... канд. филол. наук/ Н.А. Хомякова. - Москва, 2008. - 212 с.
177. Хорешко О.Н. Жанровый аспект положительной оценки лица : дис. канд. филол. наук / Оксана Николаевна Хорешко. – Саратов, 2005. – 126 с.
178. Худяков И.Н. Об эмоционально-оценочной лексике/ И.Н. Худяков // НДВШ. Филологические науки. — 1980. - №2. – С. 79 – 82.
179. Цоллер В.Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика/ В.Н. Цоллер // Филологические науки. — 1996. – № 6. — С. 64.
180. Цыренова А.Б. Аллюзия как средство выражения авторской интенции / А.Б.Цыренова // Вестник Челябинского государственного

- университета. Филология. Искусствоведение. Вып.45, 2010. - №21 (202). – С.155 – 161.
181. Чекулай И.В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И.В.Чекулай. – Белгород, 2006. – 43 с.
182. Черемисина М.И. О методике сопоставительного исследования зооморфизмов / М.И.Черемисина, Е.А.Гутман, Ф.А.Литвин // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов четвертой лингвистической конференции «Слово в языке, речи и тексте» 7-8 мая 1974 г.- Новосибирск, 1974. – С.42 – 45.
183. Чернейко А. О. Порождение и восприятие межличностных отношений оценок/ А.О. Чернейко // НДВШ. Филологические науки. — 1996. – № 6. — С. 42–54.
184. Чернова М.А. Семантическое пространство американских оценочных коллоквиализмов: автореф. дис. канд.филол.наук/ М.А. Чернова. - Барнаул, 2007. – 24 с.
185. Чернова С.В. Слова типа дурак, балбес, идиот...как дающие оценку модели поведения человека / С.В.Чернова // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты) [Текст] : междунар. науч.-практ. конф., 17-19 марта 2006 г. / Междунар. комитет славистов, Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова ; ред. В. М. Мокиенко [и др.]. - Москва ; Кострома : Элпис, 2006. – С.368 – 372.
186. Чернявская Е. А. Оценка и оценочность в языке художественной речи: На материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А. С. Пушкина: дис. ... канд. филол. наук/ Е.А. Чернявская. - Брянск, 2001. 270 с.
187. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

188. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания/ В.И. Шаховский. - Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1983. - 96 с.
189. Шаховский В. И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи / В. И. Шаховский // Вопросы языкознания – 1984. – № 6. – С. 97-104.
190. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987а. - 192 с.
191. Шаховский В.И. Ономаσιологический и семасиологический аспекты экспрессивности / В.И. Шаховский // Проблемы экспрессивной стилистики. – Издательство Ростовского университета, 1987б. – С.40 – 47.
192. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография/ В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
193. Шейдаева С.Г.Образование косвенных названий человека / С.Г.Шейдаева // Бодуэновские чтения : Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 дек. 2001 г.) : Труды и материалы : В 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т.1. – С.152 - 153.
194. Шенделева Е.А. Лексические категории в языке и речи: мотивированность, образность, экспрессивность/ Е.А. Шенделева // Методическая разработка к спецкурсу. - Томск: Издание Томского ун-та, 1999. - 45 с.
195. Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности/ Г.Х. Шингаров. - М., 1971.
196. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа текста / Д. Н. Шмелев. - М.: Наука, 1973. - 278 с.

197. Щурова И.В. Автологические и металогические приёмы в прозе Виктории Токаревой / И.В.Щурова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып.45, 2010. - №21 (202). – С.170 – 175.
198. Эльвия Ваффа Хидир Мохамед Али. Особенности диминутивных образований в ранних рассказах А.П. Чехова: дис...канд. филол. наук/ М.А. Х. Ваффа Эльвия. - Воронеж, 2013.
199. Юрина Е.А. Образная лексика русского языка. Часть II: Пищевой код культуры в образном строе языка: учеб. пособие/ Е.А. Юрина. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2015. – 132 с.
200. Ягубова М.А. Лексико-семантическое поле «оценка» в разговорной речи: классификация видов оценок/ М.А. Ягубова // Типы языковых единиц и особенности их функционирования. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. – С. 37-42.
201. Яковлева М. П. Русский менталитет в обращениях (По рассказам А. П. Чехова) / М. П. Яковлева // Res lingüistica: сб. ст.: к 60-летию д-ра филол. наук, проф. В. П. Нерознака. - М., 2000. - С. 332-338.
202. Яроцкая Г. Ценность как категория лингвосемантики и лингвопрагматики / Г.Яроцкая // Материалы по русско-славянскому языкознанию : Международный сборник научных трудов. Выпуск 33. – ВОРОНЕЖ: издательство» НАУКАЮНИПРЕСС», 2016. – С.492 – 498.
203. Яцкова В.В. Эмоционально-оценочная лексика в русском и испанском языках / В.В.Яцкова //Сопоставительные исследования 2006 – Воронеж: Истоки, 2006. – С.34 – 39.
204. Яцура А.П. Антропонимикон современных поэтических и прозаических произведений А.Вознесенского и Е.Евтушенко (структурно-функциональный аспект) : дис. канд. филол. наук. – Киев, 2009.

- 205.** Stevenson Ch.L. Meaning: Descriptive and Emotive // The Philosophical Review, 1948. – Vol. XLVII. – № 2. – P. 127 - 144.

Словари

206. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов/ О.С. Ахманова. - М., 2004.
207. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А.Кузнецова. –СПб.: Норинт, 2008. – 1536 с.
208. Лингвистический энциклопедический словарь/ гл. ред. В. Н. Ярцева. - М.: Советская энциклопедия, 1990.
209. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь/ В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина.- 6-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000.- 834 с.
210. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова/ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2007. – 944 с.
- 211.** Словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. – Т. 1-4.
- 212.** Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. / под ред. В.И. Чернышева. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- 213.** Толковый словарь русского языка/ под ред. проф. Д.Н. Ушакова в 4-х тт./ Государственный институт. Советская энциклопедия. – М.: ОГИЗ, 1935 -1940.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. / под ред. В.И. Чернышева. – М., Л., 1948–1965.

БТС – Большой толковый словарь русского языка/ под ред. С.А. Кузнецова. –СПб., 2008.

МАС – Словарь русского языка: В 4-х тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981-1984. – Т. 1-4.

РТС – Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь/ В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М., 2000.

СОШ – Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2007.

ТСУ – Толковый словарь русского языка/ под ред. проф. Д.Н. Ушакова в 4-х тт. – М., 1935 -1940.